

Александр Матвеев

ЧУДАКИ НА КИПРЕ

Рассказы

Москва
2017

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6,44
М 33

Матвеев А.И.

М33 Чудаки на Кипре : Рассказы / Александр Матвеев.
М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. – 320 с., ил.

ISBN

Александр Матвеев – автор книг прозы «Люди из ниоткуда» (2009 г.), «Такая беспощадная любовь» (2012 г.), «Дочь из прошлого» (2015 г.), его перу принадлежит ряд поэтических сборников. Уроженца села Долочье на Хмельнитчине (Украина) в юности позвало море – на Дальнем Востоке стал капитаном дальнего плавания, овладел иностранными языками. В его переводе изданы стихи великого английского поэта XVIII в. Уильяма Блейка «Песни невинности и опыта» (2009 г.). Известные композиторы из Москвы, Киева, Херсона создали ряд песенных циклов на стихи Александра Матвеева.

В новой книге рассказов «Чудаки на Кипре» вы найдете множество увлекательных историй и захватывающих сюжетов. Она – о легендарном острове и его достопримечательностях, о киприотах, трудолюбивых и весёлых, о беззаботных туристах и иностранцах, которые полюбили Кипр и остались жить в этой солнечной стране. Все они немножко чудаки... И, возможно, читатель узнает в том или ином герое книги и себя.

© Матвеев А.И., 2017

© Метельский Ю.Н., иллюстрации, 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

Женщина в парео

Увидев её, Всеволод привстал с лежака в восторге и смущении. Мысленно назвав её Мадам, представил, как он подойдёт к ней и попытается что-то сказать, чтобы познакомиться. Например: «Мадам, вы так прекрасны, что я...». Нет, слишком обыденно.

Мадам, видимо, тоже понимала, что она нравится окружающим. Может, она ощущала эти цветные мысли-стрелы, которые мужчины и женщины метали в её сторону: красные жгли её кожу страстью, зелёные холодили завистью, а оранжевые – ласкали восхищением. Под туникой отчётливо проступало красное бикини, которое будоражило воображение Всеволода. А фигура?! Сказка! Песня! Высокая шея, слегка удлинённое лицо, аккуратно причёсанные волосы, стянутые сзади голубой лентой. Хвостик волос интригующе прыгал в такт её движениям. Казалось, что, поставь ей на голову кувшин с водой, она на ходу не прольёт ни капли и даже не заметит его. И лицо... На расстоянии черты не просматривались чётко, но было понятно, что она – не юная девушка, а зрелая, в самом соку женщина элитного разлива.

Всеволод подумал, что дивная красавица – нездешняя, не из этой компании людей на пляже, не из этого города и не из этого времени. Но, видимо, она всё-таки была туристкой, так как в её руках была большая белая пляжная сумка с логотипом отеля «Four Seasons».

Невероятно было видеть, как таинственная незнакомка, словно пришлица из других миров, идёт по пляжу среди полуобнажённых фигур, не обращая ни на кого внимания, останавливается возле деревянного лежака, и тут же, как по мановению волшебной палочки, возле неё появляется киприот Джордж с пляжными полотенцами.

Она снисходительно кивает головой, отпуская Джорджа, и он постепенно исчезает в утренней дымке, подобно «Летучему голландцу».

Начинался спектакль, за которым наблюдал пляжный люд. Мадам медленно снимала платье. Те мужчины, которые дремали, не выдерживали и вскакивали в каком-то неясном для них самих возбуждении. Мужик лет за шестьдесят, восточной внешности, забыв о том, что рядом с ним находится жена и многочисленные родственники, привстал с лежака, попробовал подтянуть отвисший живот и устоял на Мадам, как на чудо. В позе готового к прыжку престарелого кота он стоял, не обращая внимания на жену и родню, наблюдая за явлением женщины на пляже, то и дело смахивая пот со лба и залысин. А наблюдать было за чем. Мадам выскользнула из туники, на некоторое время замерла, потом аккуратно уложила одежду в пляжную сумку; потом... потом – тишина, вдруг нарушенная стайкой воробышков, усевшихся на траву рядом с ней и тут же притихших, видимо, от восхищения молочно-белым телом женщины.

Сидевший невдалеке от Всеволода молодой мужчина, словно очнувшись от летаргического сна, с трудом закрыл рот и прошептал громко:

– Что это? Мираж?

– Это – женщина! – сказал глупость Всеволод категоричным тоном.

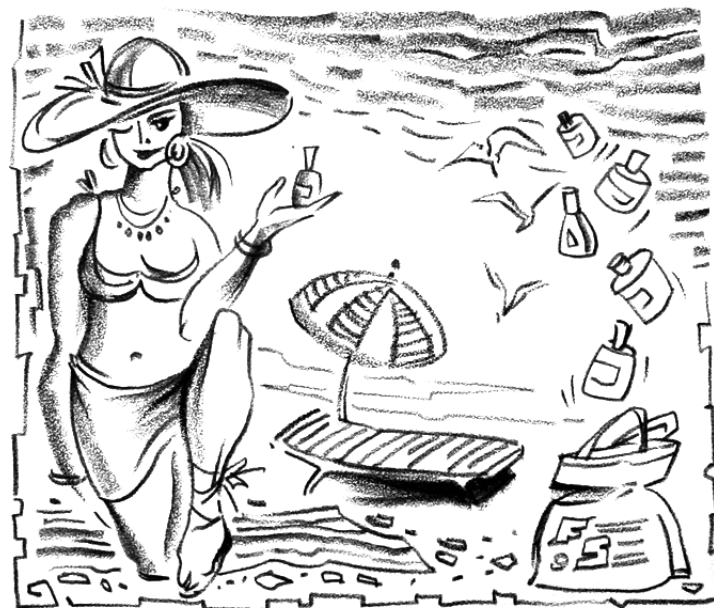
Но сосед продолжал:

– Да! Королева. Впервые вижу такую на пляже.

Всеволоду очень хотелось подойти к Мадам, сказать что-нибудь, посмотреть в её глаза, но он понимал, что нельзя этого делать, чтобы не навлечь гнев остальных мужчин.

Тем временем Мадам побрызгала на своё мраморное тело жидкостью из баллончика, и оно на глазах стало приобретать бронзовый загар.

– Охренеть можно! Ашот, купи мне такой баллончик! – громко сказала полная блондинка, спутница восточного человека.

– Угу... – прохрипел Ашот, не отрывая взгляда от Мадам.

Она достала из сумки какой-то пакет и стала медленно разворачивать его, внутри оказался кусок белоснежной ткани с двумя длинными лентами; завернувшись в ткань, небрежно завязав ленты на груди и соорудив из них большой бант. Все её движения были изящны и утонченны. И Всеволод поймал себя на том, что его мысли стали обретать высокопарную стихотворную форму:

И не постичь нам тайну этой Жизни, данной Богом,
Как не постичь вовеки таинство любви земной.
Молюсь я сердцем Женщине в уединенье строгом:
О Женщина! Ты – Жизнь! И всё – в тебе одной.

Опять раздался голос толстухи:

– Вот это да! Ашот, я хочу такое же парео.

– Угу... – повторил Ашот.

А Мадам, перебросив через плечо маленькую красную сумочку, плывущей походкой отправилась к морю, но на прогулочной дорожке свернула влево и исчезла за изгородью из цветущего кустарника. Хотя Всеволоду показалось, что в последний момент она повернула голову в его сторону и слегка улыбнулась.

Что тут началось после её ухода!

– Красавица! Чудо! – воскликнул сосед Всеволода.

– Ведьма! – взвизгнула Ашотова дама.

– Фея! – негромко сказала бабушка, идущая с внуком к морю.

– Принцесса! – вскрикнула девочка лет семи. – Она – принцесса. Я читала! Мама, она – принцесса!

Ашот продолжал молча стоять, словно в столбняке, пока одна из женщин не утащила его к многочисленной свите. Ашотова жена с рязанским миловидным лицом стала назидательно и требовательно увещевать его. Тощий мужичок, видимо, родственник, тоже будучи в прострации, пытался что-то сказать. Невзрачные женщины перебили его, не дав закончить фразу, и показывали Ашоту на девушку лет двадцати с крупным бюстом и прелестным животом, которая из гостиничного полотенца пыталась изобразить парео.

О, парео! Колдовство полинезийских женщин! Кусочки ткани, прикрывающие избранные места на теле. Парео... В любом киоске на юге можете купить лёгкий цветной платок, обернуть вокруг талии и, завязав узлом концы, превратить его в платье или юбку. Так издревле поступают знойные красавицы тропических стран, так поступают и наши современницы на любом пляже.

«Э, нет, – думал Всеволод, – таитянские девушки вряд ли носили бикини, парео было их единственной одеждой». Вдруг он, словно споткнувшись на бегу, стал лихорадочно вспоминать. Мадам пришла на пляж в полупрозрачной цветной тунике, под ней ясно виделось красное бикини. Потом она сняла тунику и осталась... В чём же она осталась? Получается, что она снимала бикини и какое-то время стояла обнажённой? Всеволод готов был

биться об заклад, что она обернула голое тело белоснежной тканью так, как это делают женщины Полинезии, Гаити или какой-нибудь другой тропической страны. Красное бикини не было под парео. И вообще никакого бикини не было! Но почему, почему он не заметил, как Мадам снимала бюстгальтер, трусики и оборачивала тело платком? Никто на пляже не заметил? Никто не видел её стоящей какое-то время совершенно голой? Всеобщий ступор! Почему?

«Старым становишься, Мареев!» – сказал он и подошёл к лежаку Мадам. В сумке увидел красное бикини. «Дурак слепой, – обругал себя в сердцах Всеволод. – Накинула парео, а потом освободилась от бикини. Все женщины так делают».

Не задерживаясь, он прошёл дальше, к палатке Джорджа.

– Джордж, что это было?

– Мадам? Она сегодня впервые появилась у нас, – ответил, улыбаясь, всё понимающий Джордж, мужчина лет сорока.

Странное дело, Джордж тоже назвал женщину Мадам. Впрочем, это обычное обращение к незнакомой женщине более высокого положения в Англии и некоторых других европейских странах. Но гордые киприоты, даже когда Кипр был под протекторатом Англии, не использовали слово «мадам» при обращении к женщине. Тем удивительнее было слышать его от опытного ловеласа Джорджа.

– И ты не познакомился с ней? Зная тебя уже лет десять, я не могу поверить, что ты упустил такой шанс.

– Я смутился впервые в жизни. Не знал даже, что ей сказать.

– Почему?

– Невероятно красивая. Таких красивых не бывает.

– Куда она ушла?

– Не знаю. Если бы не работа, я побежал бы за ней.

Но Всеволод не побежал, и не потому, что вспомнил про подагру, а потому, что смысла не усмотрел. Зачем

он, старый хрыч, молодой и эффектной женщине? Чем он отличается от тучного восточного человека? Тем, что у него нет такого огромного живота? Тем, что Всеволод отдыхает один, а восточный человек с женой и многочисленными родственниками? Но всё же он присел на скамейку у прогулочной дорожки. Конечно, Мадам пошла прогуляться, и она обязательно вернётся. И вот когда она будет проходить мимо, Всеволод ей скажет... и он стал мысленно подбирать первые слова, с которыми он обратится к красавице.

Красивая женщина может выбить мужчину из седла – или сделать его более сильным, и тогда он взлетит без крыльев до небес, поднимется на Эверест, покорит Южный полюс или станет невероятно богатым и бросит к ногам женщины весь мир. Так думал Всеволод, коротая время в ожидании возвращения Мадам.

Кто-то из китайских мудрецов сказал, что если долго сидеть на берегу реки, то труп твоего врага рано или поздно проплывёт мимо тебя. А если сидеть на скамейке и ждать красавицу, то она рано или поздно появится, и у тебя будет шанс. По дорожке шли женщины и мужчины с яркими пакетами, на которые он вначале не обращал внимания, а спустя какое-то время, чтобы отвлечь себя от нетерпеливых мыслей, стал рассматривать броские надписи: «Dead Sea», «Beauty and Health», «Stop Age», «Care and Beauty».

«Распродажа косметики, – догадался Всеволод, – с ума сойти!» До чего люди падки на всякие косметические средства, которые им впаривают разные проходимцы. Вспомнил, как пару лет назад в центре Карловых Вар от столика с баночками и флакончиками к нему кинулась молодая дама и, приторно улыбаясь, пропела:

– Дайте мне вашу руку. Я надолго вас не задержу. Дайте руку, и вы всё увидите сами.

– Я вам сердце готов отдать, – пошутил Всеволод.

Женщина нанесла на тыльную сторону его ладони зелёную мазь из стеклянной баночки и спустя минуту вскричала:

– Смотрите, две большие разницы! Кожа помолодела. Мазь с минералами Мёртвого моря от фирмы «Регина» творит чудеса.

– Да, – машинально ответил Всеволод, не замечая никакой разницы. – А вы не из Одессы?

– Я из Израиля. А в Одессе родилась.

– О! Землячка. Одесса – мой любимый город. Учился я там в мореходке.

И пошёл разговор двоих влюблённых в Одессу людей. Всеволод расслабился от воспоминаний юности о дефиле красавиц на Дерibasовской и под напором энергичной торговки красотой купил несколько пузатых фарфоровых баночек с мазью для рук, для ног и для лица. Категорически отказался приобретать кремы для интимных мест, хотя дамочка настойчиво рекомендовала и даже была готова на практике продемонстрировать, как это работает. Она полировала ему ногти на руках и покрывала их каким-то бесцветным лаком, заливала в уши чудо-капли, улучшающие слух. Он ушёл от неё отягощённый пакетами с косметикой и со значительно полегчавшим кошельком.

Отгоняя пустые воспоминания, Всеволод ждал своей минуты, но Мадам не появлялась. Солнце спряталось за вершинами деревьев, хотя и море, и песчаный пляж пока ещё купались в его закатном свете. Всеволод пошёл на газон под пальмы и, проходя мимо лежака Мадам, увидел молодого спортивного парня, который аккуратно собирал вещи.

– Простите, это вещи Мадам. Она куда-то ушла, – не выдержал и сказал по-английски Всеволод.

– Я знаю. Не волнуйтесь. Она демонстрирует красоту в «Amathus Beach». А вечером Регина будет на минусовом этаже этого отеля. Приходите, – учтиво пригласил парень на хорошем русском языке.

Не зная, что и думать, Всеволод отправился к себе в номер.

В семь часов вечера в фойе уже толпились люди. Восточный человек Ашот с женой и многочисленной роднёй, сосед Всеволода по пляжу, несколько молодых девушек,

семейные пары. В центре толпы стояла Она в голубой тунике, с распущенными волосами.

– Уважаемые дамы и господа! – обратилась Мадам к собравшимся. – Фирма «Regina Health & Beauty» разработала новые кремы на основе минералов Мёртвого моря! Сейчас я продемонстрирую их возможности.

– А спрей, чтобы кожа бронзовела, у вас есть? Вы на пляже им пользовались, – выкрикнула жена Ашота.

У неё был какой-то ненатурально акающий говор.

– Да. У нас всё для вас есть.

Мадам брызнула из баллончика немного жидкости на свою загорелую руку. Через несколько секунд она стала белой.

«Какой смысл отбеливать тело после загара? Хотя, видимо, женщина знает, что делает», – подумал Всеволод.

– Вы только сегодня приехали? – обратилась Мадам ласково-журчащим голосом к рыжей бледнокожей девушке, – Откуда вы?

– Из Мурманска, – бойко ответила та.

– Вот поэтому вы такая беленькая. А на Кипре очень агрессивное солнце, будьте осторожны. Чтобы хорошо загореть, а не сгореть, вам не хватит и двух недель, а с кремом нашей фирмы вы обретёте естественный загар немедленно. Подойдите ко мне.

Девушка несмело приблизилась к Мадам.

– Не бойтесь. Я вас надолго не задержу. Как вас зовут?

– Света, – неуверенно сказала рыжая.

– А я – Регина. Смотрите, Светочка, как в течение нескольких секунд цвет вашего тела станет таким же красивым, как у меня.

Мадам намазала руку Светы кремом из золотистой баночки, и спустя какое-то время белая кожа руки на глазах у публики стала бронзовой.

Жена Ашота ахнула от восторга и дёрнула мужа за руку.

– Ашот, я хочу этот крем.

– Угу... – отвечивал Ашот, по-прежнему не отрывая взгляда от Мадам.

Тем временем рыжая девушка растерянно произнесла:

– Я не могу ходить полузагорелой.

– Не волнуйтесь, Светочка. У нас достаточно крема. Подойдите к Давиду, нашему эксперту, – и она указала на давешнего молодого человека, стоящего у стола, заставленного баночками.

Все немедленно кинулись к Давиду, кроме Всеволода и шумно дышавшего Ашота. Последний стоял как истукан, то ли поражённый красотой Мадам, то ли под впечатлением от действия её крема.

Регина поощрительно посмотрела на Всеволода:

– А вы что же, молодой человек? Позвольте предложить и вам наш чудо-крем.

Всеволод действительно почувствовал себя молодым человеком. Если такая ослепительная красавица это утверждает, то, возможно, так оно и есть.

«Вот бы сфотографироваться с Мадам и выложить фото в фейсбуке», – подумал Всеволод и включил свой айпад.

– Вы желаете сделать фото со мной? – прозвучал трепетный голос. – Передайте айпад нашему другу и подходите ко мне. Смелее. Мне будет приятно сфотографироваться с таким импозантным мужчиной.

– Царица! – воскликнул Ашот, неожиданно ставший другом по воле Мадам. – Всё сделаю! На руках носить буду!

Всеволод с трудом втолковал ошалевшему Ашоту, какую кнопку нажимать на айпаде.

Потом, сидя в гостиничном номере, он с удивлением рассматривал снимки. Вот он стоит рядом с ослепительно красивой женщиной в белом парео. Его даже в жар бросило от увиденного. Как же так? Он точно помнил, что Мадам была в голубой тунике, а не в белом парео. Как такое могло случиться? Неужели кремы влияют и на фототехнику?

Где-то ближе к полуночи раздался звонок:

– Всеволод, это Регина. Вы не могли бы спуститься в бар?

– Регина? Да, да! Иду! Сейчас буду! – поспешно ответил Всеволод, уже ничему не удивляясь и готовый прыгнуть с балкона пятого этажа, только бы быстрее попасть в этот самый бар, чёрт бы его побрал.

Утром он проснулся в своём номере среди многочисленных пакетов с баночками и флакончиками продукции косметической фирмы «Regina Health & Beauty». В ванной комнате Марееву бросилось в глаза то самое роскошное белое парео с пляжа, но... что было вчерашним вечером, он вспомнить не мог. Приходила ли Мадам в номер? А если была, то не голышом же она удирала?

На соседнем балконе мужской голос с восточным акцентом, нещадно фальшивя, напевал слова шансонной песенки:

Ах, какая женщина, какая женщина,
Мне б такую...

День апельсина

Покрытая тёмно-коричневой краской палуба корабля погромна, словно футбольное поле. На ней в одних плавках стоит Мареев и в недоумении оглядывается вокруг. Как он здесь оказался? Что за корабль? Примерно в кабельтове от него – другое судно под странным флагом, на котором изображена женщина с палицей в одной руке и то ли человеческой головой, то ли маской в другой. Вдали виднеется берег с почти незаметной прибрежной полосой и какими-то строениями. Над ними нависают горы, перед ними по водной глади бежит катер.

Что за люди бродят по палубе, о чём-то разговаривая? Некоторые, как и он, в плавках. Нет, похоже, он не пассажир здесь, потому что с мостика корабля его приветствует человек в огромной белой фуражке с высокой тульей и большим козырьком. Человек поднял вверх руку и посмотрел на Мареева, широко улыбаясь, но вместе с тем как-то безразлично, и сразу отвернулся к невесть откуда подскочившему шустрому блондину. Похоже, этот блондин – капитан корабля. Но он, Всеволод Мареев, разве не капитан? Уж не на чужом ли он корабле? И почему эти двое на мостике поют дуэтом?словно майские бабочки, с неба вдруг опустились две девушки в коротких цветастых платьицах, они беззаботно смеются. Хмурый мужчина о чём-то размышляет, концентрируя взгляд где-то за границами окоёма. Средних лет парочка ходит по палубе из конца в конец, словно заведённые куклы. Кажется, им нет никакого дела до окружающих; непонятно, отчего их движения так фантастично синхронны, хотя они и не смотрят друг на друга. Парень в матроске мчитя с напором свирепого быка, вот-вот подымет на рога кого-нибудь! Мареев едва успел отскочить, но, не удержавшись на но-

гах, упал и покатился к борту, нависшему над бездонным ничейным морем. Ещё раньше Мареев заметил, что нет лееров, можно легко свалиться в воду. В ужасе он внезапно осознал, что скользит по палубе, словно камень по льду в кёрлинге; пока медленно, но движение неуклонно, и не за что зацепиться, как во сне. Скольжение, кажется, замедляется и вот-вот остановится, но нет... ноги уже над пропастью! Будто рыба на берегу, Мареев напрягал мышцы живота, груди, рук, ног, имитируя движение назад. Последнее, что ему удалось сделать, – это зацепиться руками за округлую кромку палубы и удержаться от падения на какое-то время. «Почему меня никто не видит? Почему не спасают? – мелькнула паническая мысль, – Как они могут не видеть меня, ведь я вижу их?» Вот две девушки в цветастых платьях, явно испугавшись, с каменными лицами бросились как будто на помощь, но на полпути остановились и стали делать селфи на фоне несчастного Мареева, со смехом передавая смартфон друг дружке. Он ожидал, что глупые девчата, закончив фотосессию, подымут шум, позовут других людей спасти его, но ничего не происходит, а руки Мареева всё слабее и слабее. Нет больше сил удерживать голову над палубой, а если он повиснет на пальцах, то никто его, посиневшего от напряжения, вообще не заметит. О, наконец-то! Хмурый мужчина повернулся в его сторону, взгляд вроде бы осмыслен, он осторожно приближается к Марееву, протягивает руку, хватая за запястье и тянет-тянет на себя. Но – куда ему, силы не те, как бы сам не свалился за борт! «Зови других на помощь! Почему молчишь? Зови-и-и!» – безмолвно кричит Мареев и летит с огромной высоты на блестяще-металлическую гладь моря. Не почувствовав боли от удара, сразу сообразил, что при памяти, не разбился и ему надо плыть к соседнему кораблю с вахтенным матросом и ещё какими-то людьми у трапа. Экономя силы, Мареев подгрёбал brassом и не сразу понял, что его сносит течением и вот-вот пронесёт мимо носа корабля и его якорной цепи. Течение должно быть в сторону кормы, но... чёрт возьми, его несёт в сторону носа!

Не может такого быть в природе вещей! Если громадную посудину развернуло течением и она держится на якоре, то почему его сносит, словно щепку, совсем в другую сторону? То ли с течением что-то не так, то ли с ним. Мареев понимает, что трап – единственное спасение. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», – вспомнилась банальная поговорка, и он что есть мочи замолотил руками и ногами по воде. Силы на исходе, но постепенно расстояние до трапа сокращается, и вот он уже цепляется руками за нижнюю площадку и с трудом взбирается на неё. Сверху за ним безразлично наблюдают вахтенный матрос и какие-то странные люди. Все они в оранжевой форме. Мареев поднимается по трапу и, тяжело дыша, говорит по-английски: «Я свалился в воду с того корабля», – он показывает рукой в сторону огромной махины с высокими чёрными бортами и добавляет, что ему нужна помощь. Матрос бессмысленно смотрит на Мареева, явно не понимая, что ему говорят. К ним подходит другой человек и говорит по-русски: «Матрос не понимает вас. Что вы хотите сказать? Я переведу. Я – Антонов, русский, шипчандлер. Привёз с берега апельсины». Мареев объясняет «апельсиновозу», что упал с соседнего корабля в воду, дальше – про течение, про документы... Шипчандлер Антонов смотрит на него с высоты положения «апельсиновоза», слегка кивает, давая понять, что слышит, но в его глазах скачут смешливые чёртики. Всё же Мареев просит связаться с его кораблём, у которого тёмно-коричневая палуба без леера, и передать, чтобы за ним прислали катер. Но Антонов, весело улыбаясь, предлагает Марееву плыть дальше по течению туда, где можно встретиться с капитаном этой посудины. «Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие», – чуть не сорвалось с губ Мареева, но шипчандлер со смешком добавляет, что у него в данный момент апофеоз праздника – День Апельсина.

– Где мы находимся?

– На палубе корабля «Мельпомена»! – смеётся Антонов.

– Да нет. В каком порту?

– Лимассол. Кипр.

– И в порту праздник?

– Хе-хе. Да ты странный какой-то. И вопросы у тебя странные, – удивляется Антонов, – из моря вылез и не знаешь, где находишься! Сегодня День Апельсина в Амстердаме, а капитан этого корыта – голландец! Усёк?

Бессмыслица! Вместо того чтобы просто доставить Мареева на корабль, с которого он так трагически свалился в воду... У людей что, лучевая болезнь ума по случаю Дня Апельсина в Амстердаме? Вот тут-то Мареев и замечает неподалеку Жору Жилича, закадычного дружка из одесской мореходки. Та же смущённая улыбка, те же чёрные, как смоль, курчавые волосы, давно не бритое лицо покрыто седой щетиной. Но разве этот человек – Жора? Да, это – Жора, и он тоже смотрит на Мареева, узнавая его. Чудо в решетке – пятьдесят лет прошло с тех пор, как они расстались после окончания мореходки! Мареев кричит: «Жора! Это ты? Как я рад!» Но – нет, опять разочарование. Человек его не понимает, и никакой он не Жора Жилич! Вдруг Мареев замечает, что его корабль уже поднял якорь и, разворачиваясь, норовит куда-то сгинуть!

– Антонов, скажи матросу, пусть вызовет вахтенного офицера, пусть свяжутся по рации с капитаном чёрного корабля, пусть сообщат, что я здесь, без документов! Пусть останятся, вызовут катер и заберут меня отсюда!

– Глупец! Радуйся, что свалился в воду и отстал от этой уродины, – шипчандлер покровительственно похлопывает Мареева по плечу.

Все словно глухие, никто его не понимает, никто ничего не делает. Мареев видит огромную корму какой-то странной полукруглой формы, словно большой жирный зад человека или какого-то огромного чудовища; корма удаляется всё дальше и дальше, оставляя за собой мощный желтоватый бурун!

Мареев кричит: «Люди! Вы что? С ума сошли? Или я на том свете? Помогите мне!» От крика он просыпается в собственной кровати.

Окно спальни на втором этаже залито ярким весенним солнцем, слышится залихватское пение скворцов, недавно вернувшихся из африканских прерий, а может быть, с Кипра, где с ним приключилась эта ужасная история. В этом сне он встретил двух знакомых людей. Антонова – друга его друга из дальневосточного порта Советская Гавань. Мареев его никогда не видел, но знал, что он существует и даже иногда бывает на Кипре. Этот самый знакомый незнакомец Антонов то ли поставляет продукты на морские суда, то ли снабжает их топливом; а если и апельсинами, то вполне по праву он представился шипчандлером. Спасибо тебе, Антонов, что уберёг от возвращения на чёрный корабль! А Жора Жилич, дружок из одесской юности? Вспомнилось Марееву, как он восемнадцатилетним юнцом поступил в мореходку, и белорус Жора поступил туда же. Сдружились с первых дней. Время было голодное, постоянно хотелось кушать. У Жоры были кое-какие деньги. После скудного курсантского ужина он покупал ароматные, посыпанные сахаром сухари, и они, гуляя по улицам Одессы недалеко от спального корпуса – «Экипажа», наслаждались ими, немислимо вкусными, какие и дома не едали. «Эх, – подумал Мареев, – за все годы после мореходки так и не разыскал Жору!»

Вспомнилась морская жизнь на Сахалине: штормы, льды, туманы. А Жора – в южных морях, в танкерном флоте, вот и не пересекались их пути-дорожки. А потом поэзия пришла в жизнь Мареева, заполонила душу. Композитор Катя Иволга объединила их совместные песни в жизненные сцены, которые покруче морских течений. Получился мюзикл о любви морского капитана и оперной певицы. Мюзикл есть, а толку от него никакого. Может, он не подходит для постановки на сцене? А вдруг его корабль поэзии захвачен роботами-пиратами и перекрашен в чёрный цвет? А на чужом корабле «Мельпомена» – пустота и безразличие! Может, об этом его сон?

Мареев продолжал лежать в кровати, размышляя о сложностях творческой жизни композиторов, поэтов, артистов. Метафора суровой жизни! А что публика? Не всё,

что публике нравится, есть хорошо. Публику тоже нужно воспитывать песнями и спектаклями! «Что я банальные вещи сам себе впариваю? – разозлился Мареев. – Неча на зеркало пенять, коли у самого рожа крива!» Если бы мюзикл был нужен, то нашлись бы и продюсер, и постановщик. А так, к кому ни обращались, все хвалят, а ставить никто не берётся!

Раздался звонок, Мареев протянул руку к телефону.

– Всеволод Иванович, доброе утро! Как вы?

– Здравствуйте, Катя! Я на даче. Замечательно всё. Солнце – разлитый свет! Весна! Птички поют. Вот только сон дурацкий приснился. Чуть не утонул в море.

– А чем закончился сон?

– Выплыл к чужому кораблю. Пока думал, как вернуться мне на свой, он – возьми снимись с якоря и был таков. Только за кормой жёлтый бурун остался. А я на рейде Лимассола, что на Кипре, остался без штанов, без документов и без денег. И что мне думать теперь?

– И рукописи горят, и поэты, случается, тонут! – засмеялась Катя. – А если серьёзно, Всеволод Иванович, то московский театр берётся наш мюзикл ставить! Может, сон в руку?

– Ой, не знаю, Катя! Не знаю, радоваться или печалиться. Ведь в том сне я один оказался, почти голым и без денег... чёрный корабль... и главное: никто меня не слышит и не видит. И почему на Кипре? Нет, мюзикл здесь ни при чём. Ведь я на остров собираюсь. Какие там приключения меня ждут? С возрастом я стал немного мнительным!

– Не волнуйтесь, Всеволод Иванович, поезжайте на Кипр спокойно! А я буду здесь заниматься мюзиклом. И денежку буду вам высылать.

– Какие там деньги, Катя! Главное, чтоб нас, как курсантов мореходки, не держали на голодном пайке!

Сказать-то сказал, но потом поймал себя на мысли о том, что нужно бы поехать в авторское агентство и зарегистрировать свои права на стихи в мюзикле. Не раз он ещё пожалеет потом, что его мысли повернулись в

сторону мюзикла и что он стал думать и мечтать о нём больше, чем следовало. Оказалось, что авторские права на либретто Катя уже приписала себе. Сколько людей таким способом кормится, и все – поставщики-шипчандлеры шоу-бизнеса! Под статью настроению написал стихотворение, где была такая строчка: «Жизнь – о'кей, ядрёна мать!»

И вообще жизнь – это корабль в море, то в штормовом, то в спокойном. А порой она бывает как палуба, покрытая тёмно-коричневой краской. И пошла у Мареева длинная тёмная полоса. Тёща заболела. С женой из-за пустяка разругался, да так крепко, что до развода чуть не дошло. Мошенники развели его, словно лоха: под видом социологического опроса выудили у него номер телефона и адрес, копию паспорта где-то раздобыли и оформили на него кредит на сотню тысяч рублей под огромные проценты. Пока разбирался, сотня тысяч превратилась в несколько миллионов, судиться пришлось. Еле-еле отбил от мошенников-финансистов и их подручных-коллекторов. Разве не оказался он висящим за бортом, из последних сил цепляясь пальцами за ускользящую палубу?

Жизнь – ещё и заразная вещь, недаром американцы никогда не рассказывают посторонним о своих делах и делишках. Спросишь: как поживаешь? А какой-нибудь зачуханный американец, сверкнув белозубой искусственной улыбкой, ответит, что у него всё о'кей. В чём здесь смысл? А в том, чтобы головная боль рассказчика не перекочевала на слушателя. А у нас? Спросишь шапочного знакомого, как дела. А он в подробностях загружает тебя, как шипчандлер апельсинами, даже о тёщином геморрое не забудет. Выговорится и уйдёт, а ты потом думай-гадай, откуда новая напасть свалилась на тебя. Через какое-то время до Мареева дошло, что всякий сон заразен, он овладевает жизнью. Категорически предупредил он занудного поэта Петра Заречкина, чтобы тот не делился с ним своими фантазиями о некой риэлторше Клаве, которая по ночам внедряется в Петино сознание и занимается с ним виртуальным сексом.

– Слушай, Петро Григорьевич! Не морочь мне голову этой твоей хренотенью с Клавой! А вдруг ты не разыгрываешь меня, а эта озабоченная сумасшедшая Клавка на самом деле существует? Оно мне надо, чтобы она с тебя на меня переключилась, тем более что я её ни разу в жизни не видел? Мне недавно сон приснился – чуть не утонул. Оказался на Кипре без денег и без штанов, да и без документов. Хочешь, расскажу в деталях?

– В другой раз. У меня с поэтом Исаевым встреча назначена, а заодно, может, и зубы полечу. Ведь он зубником работает. А кораблей боится. Пойду я, – заторопился Заречкин, явно раскусив подоплёку сновидения Мареева.

Но Мареев знал, что у старого дедули зубы давно казённые, за пять тысяч рубликов.

Ох, непростой этот Заречкин. Ещё тот жук! Сразу учуял неладное. А у Мареева было всё-таки желание поделиться с ним своим, сокровенным. Может быть, что-то отлипло бы от него и перешло бы к Заречкину? Одна-другая лишняя нелюбовь уже не имеет значения для старого поэта, потому что их у него как апельсинов в бочке, хоть становись шипчандлером и вези на корабль.

Мареев шёл по прогулочной дорожке вдоль моря, в сторону порта Лимассол, и думал о перипетиях своей жизни. Убежал из Москвы на Кипр, так и здесь тревожные мысли не покидают его. Конец апреля. Спокойное море. Зелёные горы. Доброжелательные улыбающиеся киприоты. Выбрался на широкую набережную. Красота! Полно гуляющих людей. Палатки с напитками. Горы апельсинов, которые поставил уж точно не шипчандлер Антонов. На открытых жаровнях початки молодой кукурузы. Откуда в апреле молодая кукуруза? Какая разница! Киприоты живут в мире разлитой красоты.

Он спустился к кромке воды и стал бросать куски лепёшки вездесущим чайкам. Красивые птицы, когда кружат над морем, а сейчас, в борьбе за пищу – ничего красивого. Противно визжат, пикируя на брошенный в воду хлеб, стараясь победить в извечной борьбе за выжи-

вание в этом мире, полном контрастов. Нет пищи – нет жизни! Вот так и некоторые артисты – вольные птицы, когда поют романсы о любви и их сердца наполняются радостью или печалью. Но как только дело касается дележа гонораров, тут уж, извините, каждый за себя, как эти чайки: суды-пересуды, скандалы, а то и похлеще истории бывают с драматичными финалами.

Подошёл старик в длинном, почти до земли пальто и застыл в печальной позе, не отрывая взгляда от какой-то точки за горизонтом. «Моряк, наверное», – подумал Мареев и вспомнил строчки своего же стихотворения:

Стоят на рейде корабли,
Как будто птицы прилетели.
За горизонт на край земли
Усталой стайкой птицы сели.

– Извините, – не выдержал Мареев, – не знаете, что за белый корабль стоит на рейде? Красавец!

– «Эвтерпа»! Пассажирский лайнер!

– Какое красивое название! Женское имя?

– Муза лирической поэзии и музыки, дочь Зевса. Завтра вечером он отправляется в Грецию.

Поговорив ещё немного и узнав от старого моряка в отставке всё, что его интересовало, Мареев кинулся добывать билет на «Эвтерпу». Следующим вечером, счастливый и какой-то умиротворённый, он отправился на две недели в Грецию.

* * *

Я встретил Мареева в Лимассоле после его возвращения из Салоник. Он с восторгом рассказывал мне о своих впечатлениях от посещения древних монастырей Греции, а встреча с монахами Афона стала для него откровением. Поразило христианское смирение афонских старцев, постоянно пребывающих в молитвах. Казалось, что на них снизошло что-то неведомое обычным мира-

нам, и Марееву словно приоткрылась эта тайна, и он как будто светился изнутри.

– Знаешь, Александр, тот сон перевернул всю мою жизнь. Это, наверно, было предупреждение, что я жил не так и занимался не тем, встречался не с теми людьми.

– Чем же твоя жизнь была плохой раньше, Всеволод Иванович? Ведь у тебя столько хороших стихов написано. Да и мюзикл собираетесь с Катей Иволгой ставить.

– Что ты, что ты! С поэзией я буду дружить, а вот чёрный корабль попсы намерен оставить навсегда. Не моё это! Слава Богу, что во сне я свалился с него в воду. Но не сразу удалось отцепиться. Потом был ещё один странный корабль, «Мельпомена», там никто не слышал меня и не понимал. Мир глухих и безразличных, что ли?

– А дальше как? С мюзиклом как будет? – не утерпел я, чтобы не полюбопытствовать.

Ответ Мареева меня озадачил:

– Опять тот же самый сон приснился мне здесь, на Кипре. Прилепился и никак не отлепится. Я к Жоре Жиличу поеду! В Новороссийск.

Чудеса, да и только! В тот день, когда в Амстердаме празднуют День Апельсина, или, как его ещё там называют, День Королевы, Марееву снится сон, в котором он падает с чёрного корабля в море на рейде Лимассола! Потом на Кипре он бросается вдогонку за лайнером «Эвтерпа», видимо, за музой поэзии. Как эти два события между собой связаны? Как?

На Рождество Всеволод Иванович позвонил мне и сообщил, что они с Жорой Жиличем отправляются паломниками по православным святыням Греции и Кипра.

И это было то, о чём я сам уже давно мечтал.

У синего моря

Соня остановилась в отеле «Жасмин» в Лимассоле. Выбирала через Интернет и не прогадала. Вторая линия, но до моря пять минут ходу: перейти дорогу, затем парк, и вот оно – море! Городской пляж, но какая ей разница! При её финансах – самое то! Перед тем как оформляться, попросила менеджера показать её номер. Посмотрела и обомлела: гостиная с телевизором, спальня с широченной кроватью, отдельная кухонька, просторная ванная, два огромных балкона.

– Так это же апартаменты! – не смогла скрыть эмоций Соня.

– Да, мадам! Апартаменты, – вежливо подтвердил молодой киприот.

– Я одна. Скидка будет?

– Да, мадам. Десять процентов скинем.

– А завтрак? Завтрак тоже входит в цену? – деловито допытывалась Соня.

– Завтрак стоит пять евро. Дополнительно.

Получилось, что номер с завтраком будет стоить ей пятьдесят евро.

Соня ликовала. Впереди две недели безмятежного отдыха. Бросилась на кровать, раскинула руки в стороны и запела:

Что было раньше – не вернётся,

Что будет дальше – не поётся...

Пусть Сонечку в Париж!

Париж будет потом, а сейчас Лимассол ей очень подходит. Пока ехала из Ларнаки, удивлялась обилию и яркости цветов, растущих вдоль дороги.

– Цветы, цветы, цветы... Белые, жёлтые, розовые. Как называются? – спросила таксиста.

– Олеандр, – по-русски ответил водитель.

Красота! Многие киприоты хоть чуть-чуть говорят по-русски. Даже менеджер в гостинице приветствовал её на русском: «Добро пожаловать!» Английский она знает неплохо, окончила в Подмосковье специализированную школу.

Июль месяц – не жарко, но тепло и комфортно. На пляж, на пляж, на пляж! Пять часов пополудни, в самый раз – на пляж. Вскочила с кровати и стала переодеваться. Купальник новый, ярко-синий. Очень подходит к её рыжим, почти красным волосам. Белая кожа, совсем-совсем. А когда ей было загорать в Москве? С утра до вечера на работе. По выходным – работа на дом. Да и погоды не было. Дожди. Ветер. Случилось несколько солнечных и даже жарких дней, но, как назло, попадали они на будни. А теперь она здесь! На Кипре! Беленькая, рыжая, в модном купальнике и... с клёвой фигурой. Ноги стройные, попка аккуратненькая, и бюст – нате вам! Не большой и не маленький! Крутанулась несколько раз перед зеркалом, посмотрела на себя со спины. Всё хорошо! Набросила лёгкий халатик, покрутила на пальчике резиновые шлёпанцы и швырнула их в зев большой хлопчатобумажной сумки. На пляже пригодятся. А по улице она будет идти в босоножках на каблучках. Цок, цок, цок по асфальту. Услышат, заметят! Заметят все, кто интересуется красивыми женщинами. А кто интересуется? Красивые мужчины. А киприоты видные и любвеобильные! Вздохнула причёску, показала язычок весёлой бестии в зеркальце и, помахивая сумкой, побежала к лифту.

В кабинке оказался немолодой мужчина плотного телосложения в белом костюме.

– Девушка, на пляж? – спросил по-русски.

– На пляж, на пляж! И вам советую.

– Так я готов! С вами!

– Э, не-е-е... У вас свой пляж, а у меня свой! Ариведерчи! – выпорхнула из лифта, помахав земляку рукой.

У перехода остановилась, ожидая зелёного света. Водители проезжающих машин бесконечно сигналили, а один даже остановился и призывно распахнул дверь. Так бы долго стояла и ждала, но на другой стороне улицы появился молодой человек, нажал кнопку, и зелёный свет загорелся. Парень подбежал к ней, подал руку и перевёл через дорогу. При этом он улыбался, что-то учтиво говорил по-гречески. Сразу же попрощался и убежал, лавируя среди начавших движение машин. Соне стало немного обидно – мог бы и поприставать чуть-чуть этот грек.

Пляж, песок, лежаки с зонтами. Пять евро, и наслаждайся солнцем и морем. Публика обычная. Молодые и старые, девушки и мужчины, семейные пары. В будний день людей не так много. С разбегу бросилась в море; вода бодрящая, но скоро стало очень приятно, и она поплыла размашистым кролем до волнолома. Плавала она хорошо – ещё в детстве ходила в секцию при бассейне «Москва».

Взбралась на тёплые камни. С удовольствием подставила лицо и тело солнечному ветру. На рейде корабли, большие и крохотные – много, может, с десяток. Песчаный пляж тянется вдоль береговой черты, и везде отдыхающие – праздная публика. Вдали горы. «Изрезано небо вершинами гор...» – вспомнилась строчка о Коктебеле. Когда-то, на последнем курсе Литературного института, она побывала с друзьями в Крыму. Вечерами – костёр и песни. Днём – на море. Помнится, что у них был какой-то уговор с местным начальством: им разрешили раскинуть палаточный лагерь у подножья горы, в заповедных местах, а за это нужно было охранять лес от диких туристов, разжигающих костры. Весело было. Но здесь горы другие, не такие высокие, как в Крыму. На фоне неба чётко видна ломкая линия горных вершин. Повернулась и посмотрела на пляж. Представила, как она оттуда смотрится, стройная, высокая, с ярко-рыжей копной волос. То-то мужики пялятся сейчас на неё. И вдруг заметила в воде группу мужчин, словно стадо тюленей, плывущих в её сторону. Она никогда не видела тюленей в воде, но

представила, что вот так они и плывут, отфыркиваясь и высоко поднимая усатые морды, высматривают, что там впереди. Сравнение мужиков с тюленями ей понравилось. Она засмеялась и бросилась в воду, крикнув взбешенному на волнолом загорелому доходяге: «Догоняйте!» Да куда там! Остался «тюлень» отдуваться на камнях, а вскоре к нему присоединилось ещё с десяток таких же любителей познакомиться со стройной красоткой в бикини.

На обратном пути Соня боковым зрением ловила восхищённые взгляды мужчин и старалась не обращать внимания на сигналившие ей машины. Хорошо быть молодой, независимой и красивой! Что она красивая, не сомневалась ни на секунду. Широкоскулое лицо, небольшой прямой, словно точёный носик, распахнутые настежь зелёные глаза. Улыбку немного портит щербинка, но со временем поняла, что это её особенность, фишка такая. Ей предлагали устранить этот дефект, поставить фарфо-

ровые коронки. Подумала-подумала и отказалась. Бело-зубых красавиц с голливудской улыбкой немало, а она со своей фирменной одна такая!

В палатке купила у старика-торговца бананы и абрикосы. Вечером заварила чай, достала маленькую баночку мёда, сливки и устроила себе ужин с тремя печеньками! Всё – своё, из Москвы привезённое. И сытно, и экономно.

Не стала включать телевизор, а с удовольствием погрузилась в поэзию Анны Ахматовой. Она всегда возит с собой томик любимого поэта – «В то время я гостила на земле...». Загадала страницу двести четыре. Она любила такую игру: открыть загаданную страницу и примерить стихи к себе, к своей судьбе. В этот раз выпала поэма «У самого моря», читанная-перечитанная ею, но от того не менее любимая.

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила солёную косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зелёная рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и весёлой
И вовсе не знала, что это – счастье.

Сколько раз читает эту поэму, всегда испытывает волнение, замешанное на восторге. Представляет себя лежащей на тёплых камнях. Разговаривает с зелёной рыбой и с белой чайкой. А где-то там, на паруснике, смуглый и ласковый царевич! Сказка! Глупости! Время ласковых царевичей прошло или даже не начиналось. И во времена Ахматовой их не было, а может, их и никогда не было. Но хочется, ой как хочется верить в эту сказку! В ней царевич умер, поэтому не так важно, был он или не был. Важно, что мечта о нём была! Вот и она, Соня Баранова, выпускающий редактор известного книжного издательства, мечтает о своём царевиче. Где он? В издательство приходят поэты уже пожившие, далеко не царевичи.

А молодые? Есть, конечно, молодые, но у них нет денег даже на издание своих книг.

Зазвонил телефон, да так громко, что вздрогнула от испуга. В трубке приятный баритон приветствует на английском:

– Добрый вечер!

– Вы кто? – спросила Соня по-русски.

– Я? Поэт, – ответил баритон, но уже по-русски, с кавказским акцентом.

– До свидания, поэт!

Надо же! Звонит прямо в номер, чтобы познакомиться. С кем?

С девушкой? Или путаной? Нет бы под дверь поставить розы или веточку этого самого олеандра. Прimitив. Звонок – и девушка бежит к нему на свидание или даже сразу в номер. Как бы не так! Отключила телефон и стала рисовать в блокноте рыжую девушку, лежащую на камнях у самого синего моря. Рисунки ей всегда легко давались. Вот и сейчас эта рыжая лежит на камне и мечтательно смотрит в морскую даль, словно русалка.

Не заметила, как уснула, и хорошо – проснулась до восхода солнца. Наскоро умылась – и на пляж! На перекрёстке неспешно прошла на красный цвет. Город ещё спит. На другой стороне улицы остановилась машина, и таксист лет под пятьдесят радушно открыл дверь:

– Поехали?

– Без меня.

Откуда они знают русский? И как безошибочно определяют, что она русская. Хорошо хоть, получив отпор, не пристаю и уезжают.

Поёживаясь, вошла в прохладную воду, но, преодолев себя, резко окунулась и споро поплыла к волнолому. Вскрабкалась на прохладные камни и стала ждать восхода солнца. Невдалеке сидел рыбак в плаще и широкополой соломенной шляпе. Пригляделась – старик. Как он оказался здесь одетым? Ведь лодки рядом нет. А может, кто-то привёз его? Подошла к старику, машинально здороваясь:

– Доброе утро! Как вы приплыли сюда?

Старик удивлённо посмотрел на неё и заулыбался. Сообразила, что по-русски старик не понимает, и повторила приветствие по-английски.

– Калимера! – ответил рыбак.

Она уже знала из справочника, что по-гречески это значит пожелание доброго утра. Тут же старик сказал тоже по-английски:

– Меня зовут Спириос. Как вас зовут, леди?

– Соня, София! Я – русская. Как вы приплыли сюда?

Спириос приветливо пояснил, что он раздевается на пляже, складывает одежду в большое пластмассовое ведро и плывёт, толкая ведро перед собой.

– А рыба? Рыбу поймали?

В ведёрке поменьше оказалась рыба, что-то вроде черноморской барабульки.

Пока разговаривала с рыбаком, над горизонтом показалось солнце. Синяя парусная яхта отделилась от берега и побежала в открытое море.

– Как красиво! Восход, и белый парус мчится навстречу солнцу! – воскликнула Соня.

– Внук мой. Адонис. Это – его яхта. В Грецию отправился. На острова.

– Один?

– Он любит выходить в море один. Нырять. Ищет морские клады.

– Так это же опасно! Я читала.

– Да, опасно в море выходить одному. Но он любит так. Берёт отпуск и путешествует на своей невеликой яхте. Сам сделал. Ну, я немного помогал.

– А как называется яхта Адониса?

– «Анна». В честь бабушки назвал.

«Как интересно! – подумала Соня. – Вот бы когда-нибудь выйти в море на яхте».

Попрощалась со стариком, пожелала его внуку счастливого плавания и отправилась к берегу.

– София, жду вас завтра встречать восход солнца!

– Спасибо! – радостно откликнулась она. – Хорошей рыбалки вам!

И покатилося время. С утра – на пляж, днём – экскурсии по восхитительным кипрским местам: монастыри, древний город Курион, знаменитая кружевами деревня Лефкара, горы Троодос. Освоилась в Лимассоле и по вечерам позволяла себе пройтись по улице и полакомиться вкусным мороженым. Ухаживания кипрских мужчин отвергала легко и с юмором! Эту рыжую девчонку многие таксисты давно заметили и даже покровительствовали ей: предлагали бесплатно прокатить или подвезти. А со стариком Спириосом она очень и очень подружилась, тот частенько с утреннего улова угощал рыбой, которую она потом готовила на своей кухоньке. По вечерам рисовала в блокноте кипрские пейзажи, но всё чаще – синюю яхту с белыми парусами. И наслаждалась... наслаждалась поэзией Анны Ахматовой:

Солнце лежало на дне колодца,
Грелись на скалах сколопендры,
И убегало перекасти-поле,
Словно паяц горбатый, кривляясь,
А высоко взлетевшее небо,
Как Богородицы плащ, синело...

Оставалось три дня отдыха. Утром, как обычно, приплыла на волнолом, но там было пусто. Впервые старика с удочкой не было на камнях! Почему Спириос не предупредил, что его сегодня не будет? В сердце закралась тревога, и Соня, не став встречать восход, поплыла назад. На берегу подошла к рыбакам на пирсе и взволнованно стала расспрашивать:

– Я ищу Спириоса. Кто знает, где он? Почему его нет на волноломе?

– У Спириоса несчастье. Внук пропал. Яхта покинула Грецию, и с ней нет связи.

Что же это такое? Почему так? Ведь в поэме «У самого моря» утонул царевич. Но Адонис не её царевич! Она с ним даже не встречалась. Но почему, почему ей хочется плакать?

– А где можно найти Спириоса?

– Он сегодня утром собирался на другой яхте выйти в море с друзьями Адониса, искать внука.

«Господи, помоги мне! Помоги мне успеть к отходу яхты», – молилась она, пока бежала в гостиницу, и затем в такси по пути к порту. Потом сообразила, что она даже не знает, где там искать Спириоса и друзей его внука.

У причалов множество яхт, как среди них найти ту, которая нужна, если даже не знаешь её названия? Соня стояла в надежде, что Спириос и его друзья увидят её. Трудно не заметить одинокую девушку с огненно-рыжими волосами, в цветном ситцевом платице и с оранжевой сумкой в руках. Вдруг на входе в порт появилась ярко-синяя яхта под белым парусом. Когда она приблизилась, Соня увидела на борту белую надпись «Анна». За штурвалом стоял парень в светлой футболке и шортах. Тот, что помог ей перейти дорогу в первый день на Кипре. И он, Адонис, махал ей рукой и улыбался, как в первую встречу, когда взял её под руку и повёл через поток резко затормозивших машин.

* * *

Эту историю я услышал от моего кипрского друга Михалиса, который познакомил меня с рыбаком Спириосом. К сожалению, мне не удалось встретиться с Соной, Адонисом и их маленькой дочкой Анной. Они живут в Подмосковье, а на Кипр приезжают только на летние каникулы. Впрочем, Соню я хорошо знаю, ведь она выпускающий редактор моих последних книжек. А ещё нас объединяет то, что мы оба любим поэзию Анны Ахматовой и верим, что у синего моря случаются чудеса.

Сюрприз от Дженис

1

Когда провожали Джерри в Лондон, Николас в аэропорту даже прослезился, чем очень удивил Аманду. А Никос вспомнил, как когда-то в двенадцать лет он тоже улетал в Лондон. За день до отлёта отец позвал его в комнату, поставил перед собой и сказал:

– Николас, завтра ты летишь в Лондон. Продолжишь учёбу там. Окончишь школу, поступишь в университет, юристом будешь.

Он тогда испугался. Впервые отец называл его по-взрослому Николасом вместо привычного домашнего Нико.

– Нет, папа! Я хочу быть аптекарем, как ты!

Не пропал он, Николас, в Лондоне. Окончил школу, поступил в университет и стал фармацевтом. Вернулся на Кипр с женой Амандой.

Преодолев минутную слабость, Никос сказал на прощание Джерри:

– Лондон – большой город. Большие возможности. Учись хорошо, и уважаемым человеком станешь. А где потом жить и работать будешь, неважно. Возможно, в Лондоне останешься. А может, на Кипр вернёшься. Найдёшь своё место, если будешь хорошо учиться.

– Я понял, папа! – нетерпеливо отвечал Джерри.

– Иди! И помни: главное всегда оставаться человеком.

Такие обычные слова и такие правильные. От частого повторения эти слова никогда не перестанут быть важными и оригинальными, если их сказать в нужном месте и в нужное время.

2

Аманда совсем не переживала, а даже гордилась тем, что старший сын будет учиться на её родине. Теперь это и его родина. Да и родственников полно в Англии. Сёстры Луиза и Джудит. Кроме того, там у неё свой доход уже есть. Дядя по линии матери наследство оставил. Детей у него не было, вот и перепало всем родственникам понемногу. При жизни был прижимистым, а умирая, расщедрился! Купили с Луизой домик на двоих в пригороде Лондона, сдают в аренду, и что-то каждый год на лондонский счёт капает. Зато Аманда может иногда небрежно заявить мужу:

– У меня есть мои собственные деньги.

– У нас семья и общее хозяйство, – отвечает Никос, смеясь.

Никос понимает, что Аманда горда тем, что имеет личный капитал и может его потратить на семью, на учёбу сына Джерри.

Как важно в этом мире иметь определённую степень независимости: от семьи, от мужа, от детей, от родственников, от остального мира, в конце концов! Как важно иметь возможность самой помогать близким!

3

Джерри стоял рядом с родителями и с нетерпением ждал объявления на посадку. Главные трудности позади. Он зачислен на финансовый факультет одного из лучших университетов. Вперёд! На Лондон! Школа, родительский надзор, провинциальный Лимассол – всё, всё позади. Почти позади. И хочется наконец-то взлететь, посмотреть сверху на землю и сказать себе: «Я – свободен!» Но что-то говорит отец, у него вон даже глаза повлажнели! Может, сентиментальным стал? Нет, не может быть! Отец – человек дела, а не чувствительный романтик. Мать смотрит ободряюще, радуясь, что он едет в город её юности, в Лондон! Родители ждут, что он, Джерри, им

скажет на прощанье. А что говорить? Всё давно переговорено. Он знает, куда и к чему стремится. Часть друзей осталась на Кипре, некоторые уехали в Лондон на учёбу, и Дороти тоже прилетит. Любимая девушка будет рядом. Престижный факультет. Заманчивое, пленительное и неизвестное будущее! Где будет проживать? Может, в кампусе? Может, снимет квартиру с кем-нибудь на двоих? Всё устроится, время есть, до начала учебного года ровно одна неделя.

– Отец, я пойду?

– Иди, Джерри, – ответила за себя и за отца Аманда, – как приземлитесь, сразу позвони. Я прилечу через три дня. Снимем квартиру для тебя.

– Комнату! Отдельные апартаменты в Лондоне мы не потянем, – расставил всё по местам Никос.

– Берегите себя, – вырвалось у Джерри на ходу.

Потом он будет сидеть у иллюминатора и мечтать о новой жизни, о предстоящей встрече с Дороти в Лондоне. О том, как сегодня вечером пойдёт в паб и выпьет пинту настоящего лондонского пива! И, возможно, познакомится с новыми друзьями. Или с девушкой-англичанкой. Подружка прилетит только через неделю. Впереди новый мир, новые возможности и... Дороти. Да что там! Впереди новая жизнь!

4

Она – обычная китайская девушка. И зовут её Джи-эйн. Эти чопорные англичане переводят имя Джиэйн как что-то вроде «домашнее хозяйство». Как можно человека, тем более девушку, называть таким словом? В Китае её имя говорит о том, что женщина любит домашний очаг, будет создавать уют. Но разве это объяснишь англичанам! Поэтому она сама себя называет Jenice! Дженис! – звучное имя. Она с детства учится в Англии и вот теперь поступила в университет на финансовый факультет. Жить и учиться в Лондоне! Так захотел отец – преуспевающий и богатый бизнесмен в Шанхае. Мог бы снять

для неё отдельную квартирку в Лондоне, но решил, что она будет делить жильё с другими студентами. И вот их в квартире четверо: Дженис и трое ребят. У каждого из них своя комната. А у Джерри даже отдельная ванная, в то время как все остальные пользуются общей. Ей нравится Джерри. У него южноевропейский мясистый нос, но всё равно он ей нравится. Она уже поговорила с отцом, и он пригласит Джерри приехать в Шанхай на каникулы. Она ещё не сказала об этом парню, но обязательно скажет. В отличие от остальных ребят, он очень внимателен к ней. Правда, категорически отказывается вместе с ней кушать. Как-то пригласила его в свою комнату и пыталась угостить китайским рисом с креветками. Только поставила кастрюлю на стол, Джерри тут же убежал! Возможно, потому, что увидел живущего в её комнате маленького крысёнка, который вдруг забрался на стол. Она прозвала крысёнка Джонни. Джонни любит подбирать крошки, которые остаются после ужина. Бывает, что она сама сбивает пальцем остатки риса со стола на пол для Джонни. Когда скучно, она зовёт: «Джонни, Джонни, выходи, мерзавчик такой! Видишь, сколько крошек! Кто за тебя должен подбирать их?» Если бы этот англичанин с Кипра полюбил Джонни, то она могла бы даже выйти за него замуж! За Джерри, конечно! И отец купил бы им квартиру в Лондоне! Нет, надо, чтобы он сначала увидел Джерри. Иначе не согласится отдать её ему в жёны. Ей тоже хочется познакомиться с родственниками будущего мужа. Хотя у них в Китае бывает так, что родители договариваются о женитьбе, когда дети ещё маленькие, и только перед свадьбой жених и невеста узнают друг друга. Но ведь она сейчас живёт не в Китае и должна сама это всё уладить. Дженис уже встречала в Лондоне Аманду, мать Джерри; ничего – улыбчивая женщина, очень дружелюбная. А вот отец, по словам Джерри, серьёзный киприот! Надо обязательно поехать на Кипр и познакомиться с будущим свёкром. Она пригласит жениха в Китай и скажет, что хотела бы побывать на Кипре. Вот только что делать с Джонни? Джерри, похоже, боится крыс. А что, если ку-

пить маленькую клетку и взять крысёнка с собой? Вот было бы здорово втроём!

– Джерри, почему ты не любишь Джонни? Он такой милый!

– У нас не принято, чтобы крысы жили в доме. А у вас в Китае любят крыс?

– Почему любят? У нас едят крыс. Если Джонни откормить, то потом можно сварить замечательный суп с лапшой.

Дурачок! Убежал в туалет. Надо же! Крыс боится и даже от Джонни убегает.

5

Конец сентября. Ещё довольно жарко, но уже терпимо. Можно погулять возле моря. Младший сын Кристиан вместе с друзьями катается на доске недалеко от берега. Вон какие кульбиты выделывает! Переворачивается вместе с парусом, делая несколько оборотов в воздухе, да ещё на волне! Аманда выбрала момент, когда муж в хорошем настроении.

– Никос, у Джерри скоро последние каникулы. Он хочет приехать в гости с Дженис. Ты не против?

– У мальчика новая подружка?

– Все эти годы они вместе с Дженис снимают квартиру. А подружка у него – Дороти.

– Я знаю родителей Дороти. Более того, Андреас – мой друг, и тебе это известно. Дороти приедет на Кипр к родителям. А Дженис? Кто она?

– Они просто дружат. Девочка хочет увидеть Кипр. Почему не пригласить к нам? Она тоже пригласила Джерри в Китай.

– Я не против. Но потом сам поговорю с сыном.

Джерри и Дороти расстаются. Никос этого ещё не знает. Девушка возвращается на Кипр, а Джерри остаётся после окончания университета в Лондоне. А Дженис? Просто друг? А может, и не друг, а подружка? А если Джерри захочет на ней жениться? У Аманды будут вну-

ки-китайчата? А почему бы нет! Нет, лучше бы Джерри женился на Дороти. Она очень хорошая девушка. Мягкая, тактичная, настоящая киприотка! Но что-то не получается у них. Дороти уже в Лимассоле. Как сказать об этом?!

– Никос, тебе нравится Китай? Ты хотел бы туда поехать?

– Да, доктор! – так он всегда отвечает ей на бессмысленные вопросы.

Разве они собираются ехать в Китай? Зачем? Это очень дорого. А потом, Китай очень далеко.

В этой жизни всё имеет свой смысл. И в вопросе Аманды о Китае есть свой смысл, но пока Никос не догадывается об этом.

6

Джерри с облегчением вздохнул полной грудью, выйдя из университета на улицу. Сдан последний экзамен. Позади четыре года учёбы. После практики в известной аудиторской компании – ура! – его берут туда же на работу. И зарплата неплохая для начала. Но самое главное: он – аудитор! Не сказать что любимая профессия, но перспективная! Перво-наперво нужно переехать поближе к новой работе. Заработка пока не хватит, чтобы оплачивать аренду и прокормить себя, но постепенно доходы вырастут. А квартира нужна сейчас! Не может он больше жить рядом со студентами и с китайкой! Из-за неё он расстался с Дороти. А ведь девушка очень нравилась ему. Но в последнем разговоре она просто сказала, что не хочет больше жить в Англии и возвращается на Кипр. О Дженис ни слова! Хотя Джерри думает, что причина как раз в китайке! Как можно было такое подумать? Он – и Дженис! Это невыносимо. Почему невыносимо? Да просто потому, что она не нравится ему. Неаккуратная. На столе, на полу остатки пищи, и крыса бегаёт. Вначале это был маленький Джонни, подбирающий крошки. Но Джонни вырос и превратился в Джона – здоровую чёрную крысу с чешуйчатым длинным хвостом. Такая образина и уку-

сидеть может. А Дженис её любит. Джон как только увидит Джерри, так начинает шмыгать и шмыгать по комнате: с пола на стол, со стола на кровать. Исчезнет на какое-то время под одеялом, а потом невесть откуда появится у самых ног. Бррр! Этот Джон, наверное, и спит ночью в кровати с Дженис! Как-то она вышла на кухню заварить чай, так чёрная тварь ухватила его за штанину и стала тащить к выходу из комнаты. Гадина! Но если быть толерантным, к чему мать призывает, то крысу нельзя обижать. Вот он и говорил дипломатично Дженис:

– Ты ограничиваешь свободу Джона. Ему пора уже свою семью заводить. Отпусти его на волю.

А Дженис как ни в чём не бывало, делая невинные глазки, отвечала:

– Он сам не хочет от меня уходить. Я его даже к мусорным бакам относил, а он каким-то образом ночью возвращается. Дверь заперта, только форточка на пятом этаже открыта. Но ведь не может крыса по стене забраться на пятый этаж и влезть в форточку! Как ты думаешь, Джерри?

– Не может!

– Но когда есть любовь, то всё получится! Джон меня любит. А ты, Джерри, мог бы ночью забраться в окно?

Невообразимо! Китайка Дженис стала похожа на стопроцентную европейку. Готова, чтобы он, Джерри, залез ночью через окно к ней в комнату.

– Я не знаю, что бы я сделал ради любви! Но между нами нет любви, Дженис.

– Почему нет?! Я готова для твоей любви, Джерри.

Как оставаться толерантным в такой ситуации?! Следуя воспитанию, нужно быть по-английски дипломатичным.

– Да, но между нами стоит Джон, – пошутил Джерри, – он меня не терпит.

Лицо Дженис покраснело, похорошело, и она на какое-то мгновение показалась Джерри даже привлекательной.

Когда женщина краснеет перед мужчиной, то либо она врёт ему, либо страстно его желает.

Николас возвращался домой из Никосии очень поздно. Были переговоры с делегацией врачей из Эмиратов, затем ужин в таверне у друга Ламбродоса. Так совпало, что сегодня прилетел Джерри, а Никосу пришлось задержаться на работе. Несмотря на желание быстрее попасть домой, ехал как обычно: не очень быстро. Впереди на дороге в свете фар он ясно увидел метровую чёрную змею и резко затормозил. Машина пошла юзом и едва не слетела в кювет. Вышел. Постоял немного, чтобы успокоиться. Вот как бывает. В простой ситуации, на дороге, по которой он ездит уже более тридцати лет, чуть не попал в аварию! Зачем он начал тормозить? А была ли вообще змея? Посветил фонариком в кусты у дороги и увидел пару чёрных змей: хвосты переплетены, головы в высокой стойке. Что это? Спаривание? Или агрессия? Никос знал, что чёрные змеи на Кипре не ядовиты, но никогда нельзя быть в этом уверенным. Лучше держаться от них подальше. Он терпеть не мог всяких пресмыкающихся. Но ещё больше он не любил крыс. Если выбирать между крысой и змеей, то он предпочёл бы иметь в доме змею, при условии, что она уничтожала бы крыс.

Николас вернулся в машину и дальше поехал осторожней. Дома предстояла встреча с Джерри. Он гордился сыном, как раньше гордился им, Николасом, его отец. Отцу нравилось, что он окончил университет и вернулся на Кипр, да ещё и с беременной женой-англичанкой. Стал строить дом в Пиргосе, а вскоре и сын родился. Жаль, что Джерри не женится на Дороти. Андреас сказал ему, что дети больше не вместе. А теперь сын приехал с китайкой. Кто она ему? Друг, как говорит Аманда? Подружка, как считает он? И зачем тащить китайку на Кипр? Скоро увидит её и сам всё поймёт. Дома ждёт семейный ужин. Второй ужин за вечер. Придётся поучаствовать, но постарается ограничиться напитками.

Через двадцать минут Николас увидел-таки на кухне привлекательную китайку. Маленького роста, глаза

огромные. Фигурка точёная. Девушка сверкнула белозубой улыбкой и на прекрасном английском поприветствовала Николаса:

– Здравствуйте. Я знаю, вы – Николас. Я видела ваше фото. А меня зовут Дженис.

Никос пожал её почти детскую, но крепкую руку, а потом не удержался и поднёс к своим губам. Ай да Джерри! Такую девушку отхватил! Будь Никос на его месте, он и сам влюбился бы в эту азиатскую красавицу.

– Добро пожаловать на Кипр. Надеюсь, вам понравится у нас. А почему в фартуке? Вас заставили работать на кухне?

– Дженис захотела приготовить любимое блюдо своего отца, – вмешалась Аманда.

Никос знал толк в еде, любил готовить и тут же вызвался помочь, но гостья сказала, что всё сделает сама.

– Прошу вас, пусть это будет моим сюрпризом. Я даже ингредиенты привезла из Лондона в переносном холодильнике. Я очень хочу, чтобы вам понравилось моё фирменное блюдо.

И вот стол накрыт. Кипрские вино и закуски. Смущённый Джерри, улыбающаяся восточная красавица Дженис, восторженная Аманда и сдержанно-корректный Николас. Первый тост от хозяина дома в честь дорогой гостьи. Непринуждённый разговор. Прекрасное настроение. Что нужно для того, чтобы вечер удался? Прежде всего – хорошая компания, когда люди испытывают симпатию друг к другу. Никос уже верил в то, что он может полюбить эту китайскую девушку как свою родную дочь. Она и станет его названной дочерью, если Джерри на ней женится.

Появляется главное блюдо: сюрприз от Дженис! Кусочки нежно-розового мяса в кисло-сладком соусе вперемежку с побегами молодого бамбука. Удивительна китайская кухня! Никогда не угадаешь, что ешь. Свиноина похожа на рыбу. Курица пахнет вином. Когда-то Никос пробовал в китайском ресторане в Сан-Франциско вкуснейшую лапшу, которая оказалась специально выведенной породой червей. Вот и сейчас, несмотря на то, что

ужин был для него уже вторым, он никак не мог оторваться от блюда, запивая мясо маленькими глоточками вина.

– Дженис, я никогда не ел более вкусного мяса. Позвольте мне угадать. Это кролик? – не сдержал любопытства Николас.

Дженис потупила очи и ответила нарочито церемонно:

– Благодарю вас, сэр! Это мясо приготовлено по специальному рецепту моего отца. Это мясо Джона!

– Какого Джона? – поперхнулся Николас.

– У меня жил крысёнок Джонни, я его откормила и потом стала звать Джоном. Вы ели его мясо. Мой папа очень любит откармливать крыс и готовить мясо по-своему. Он научил меня.

Немая сцена, потом взрыв негодования! Все бросились кто куда – в туалет, на улицу, – переворачивая стулья и издавая непонятные звуки.

За столом осталась только недоумевающая прекрасная китаянка.

На следующий день Николас отвёз Дженис в аэропорт и, ничего не объясняя, отправил в Англию.

«Как сказать Никосу, что Джон остался на попечении подруги в Лондоне?! Странные эти киприоты. Они совершенно не понимают шуток. Не отличить свинину от мяса крысы?!» – думала Дженис при расставании, глядя на печальное лицо Николаса.

Не расстроился один Джерри. Он не считал Дженис красавицей, и она ему совсем не нравилась. Просто он был так воспитан: всегда быть дружелюбным и терпимым по отношению к другим людям.

Вечером этого же дня Джерри позвонил Дороти и пригласил на свидание.

Мой друг Эзопос

1. Метр с кепкой

Метр с кепкой – шутливо говорят про людей маленького роста. Михалис, мой кипрский друг, понимает и любит шутку. Вот и я подшутил над ним: прозвал его Эзопосом, в честь древнегреческого поэта-баснописца. Михалис – не поэт, он очень-очень рассудителен, точен в выражениях! Что ни скажет, как гвоздь вобьёт в доску. И обличьем он похож на чудака Эзопа, каким тот предстаёт в воображении людей. Ведь за шестьсот лет до новой эры ещё не было фотографии, а портретов Эзопа тоже не сохранилось. Думаю, даже живя при тирании, он оставался непреклонен в своих суждениях. Известно, что Эзоп, будучи рабом, не раз своей мудростью и хитростью выручал хозяина, часто попадавшего в затруднительные положения. Михалис человек доброты безграничной, но и лукавства в нём хоть отбавляй.

– Друг мой Михалис, ты очень похож на Эзопоса, – говорю я ему.

– Ты его видел, Алексис? – отвечает мне Михалис, называя меня по имени на греческий манер.

– Нет. Мне не повезло. Я в то время не жил.

– И хорошо, что не жил, тогда опасно было жить. В рабство могли продать, – Михалис лукаво улыбается и добавляет из вежливости: – Судя по твоему росту, ты был бы господином, а я – рабом, – он намекает, что раб из меня никудышный, так как работать руками я не умею. Карандаш могу держать, на компьютере наловчился двумя пальцами щёлкать свои опусы. А что-то путное сделать, починить кофеварку, например, тут же зову на помощь Михалиса. Он на все руки мастер.

– Михалис, ты всё умеешь делать. Откуда это в тебе?

– Просто делаю, и всё. У меня нет денег, чтобы платить за работу кому-то. Вот и делаю сам.

Погрузить трубу в тонну весом на свой грузовичок? Нет проблем. Михалис это сделал без посторонней помощи.

– Невероятно. Михалис, как тебе это удалось?

Он подробно мне рассказывает, как строил из кирпичей и двух брёвен сооружение, шаг за шагом всё выше накатывал трубу, и в конце концов она оказалась в кузове.

Чем только не занимался Михалис в своей жизни! Не единожды он попадал в разные передряги, но всегда умудрялся найти выход. Природная смекалка и опыт помогали. И жизнелюбие. Всегда улыбается, обо всех говорит хорошо или ничего. Соседу, другу детства, помочь за садом ухаживать? Михалис тут как тут. А как же! Сосед стал инвалидом, кто ему поможет?

– В молодости Адонис очень много работал, очень много. В два раза больше, чем я. А сейчас бедный Адонис в инвалидной коляске. Да и сад надо опрыскивать, от вредителей спасать.

– А его дети?

– Заняты. Работают.

– А тебе, Михалис, друзья помогают?

– Конечно, помогают. У нас принято помогать соседу, родственнику, другу.

Я сомневаюсь:

– Приведи, Михалис, хоть один пример, когда тебе помогли.

– Много было случаев. Три года назад я взял кредит в банке и вложил деньги в выращивание виноградных улиток. Хотели с приятелем во Францию продавать.

Я насторожился, мне стало интересно, потому что видел на его ферме поросший бурьяном участок.

– Приятель тебе помог?

– Нет, приятель снял деньги в банке и исчез, его полиция до сих пор разыскивает.

– А бизнес?

– Обанкротились. Я банку остался должен.

– И кто тебе помог?

– Банк. Вернее, знакомый менеджер банка. Он продлил кредит на двадцать пять лет. Теперь я плачу банку ежемесячно четыреста евро.

– Ну, Михалис! Ты должен двадцать пять лет выплачивать долги банку. У тебя пенсия всего четыреста евро, а на что ты жить будешь? Ничего себе помощь! До ста лет в кабале у банка!

– Могло быть хуже. Банк мог забрать мой дом в погашение долга, но они этого не сделали. Я не успею погасить долг, мой сын Стелайос будет платить.

– Как же так?! Тебя обманул твой приятель! Я не думал, что киприоты могут так поступать друг с другом.

– Он был англичанином. Но это неважно. У нас на Кипре тоже есть плохие люди.

Мы идём с ним вдоль моря по тропинке, и почти каждый встречный здоровается с Михалисом. Мне понятно, почему у него так много друзей и почему люди его уважают.

Каждое утро, летом и зимой, Михалис идёт к морю и плавает. Зимой вода по моим меркам очень холодная – семнадцать градусов. Но он и меня пристрастил к утренним водным процедурам.

– Нет, Михалис, я в воду не полезу. Бррр! Холодно!

– А ты попробуй. Вначале будет холодно, а потом, когда выйдешь из воды, жарко станет.

Я попробовал, и мне понравилось. Гулять по туристической дорожке и купаться с утра стало приятной необходимостью. Вот во время этих прогулок я и наслушался интересных историй.

2. Необычный ракурс

Мы идём к морю мимо школы. Дети с ранцами спешат на занятия. На дороге лежит стекло от разбитой бутылки. Михалис аккуратно собирает осколки и относит в урну.

– Очень опасно. Дети бегают, кто-то может пораниться. Вот в этой школе мои дети учились: Стелайос и Агата.

– Ты ходил на родительские собрания?

– Да. Потом меня позвали в родительский комитет.

Я молчу. Жду продолжения рассказа. Догадываюсь, что дирекция поторопилась, пригласив его. И Михалис молчит.

– И что, Михалис? Ты согласился? – не выдерживаю я.

– Стать членом комитета? Я предупредил их, что это плохая идея, что им это потом не понравится. Но они угорворили меня.

Оказывается, в школах Кипра те же порядки, что и в наших, российских, но проблемы разрешаются легко, если в родительском комитете появляется свой Михалис.

– Видишь школьную спортивную площадку и рядом школьный двор? – говорит Михалис.

– И что? – удивляюсь я, ведь каждое утро вижу, как дети играют в футбол, гуляют по двору. Хорошая спортивная площадка. Что тут скажешь!

– Раньше учителя ставили во дворе свои машины. Удобно. Вышел из машины – и почти сразу в свой класс попадаешь.

Михалис рассказывает, как он предложил запретить въезжать на территорию школы на машинах.

– Так сюда никто и не въезжает, кроме преподавателей, – ответил директор.

– Я предлагаю и им этого не делать, – продолжал настаивать Михалис.

– Почему? Они детей учат. Они здесь работают.

– Да. Но когда школьник пострадает от машины учителя, что вы скажете его родителям?

– Где же мы будем ставить машины?

– Давайте обратимся в муниципалитет и потребуем, чтобы школе выделили места на близлежащей парковке, с оплатой за счёт муниципалитета.

– Неужели выделили? – спрашиваю я Михалиса.

– Да, выделили, и все остались очень довольны.

– Бесплатно? За счёт муниципалитета?

– Нет, за счёт школы, но со скидкой от тарифа в пятьдесят процентов, что тоже неплохо.

Я думаю: как бы это дело сладилось в Москве? Скорее всего – никак. Наверное, даже всеильному московскому мэру трудно было бы решить эту проблему. Но в Москве хорошо развита система общественного транспорта, а на Кипре без машины никуда: автобусы очень редко ходят. Здесь почти каждая семья живёт в собственном доме и имеет автомобиль, а бывает, и не один. Что сказать – местная традиция. Поэтому здесь считаются с правами водителей.

Это ещё что! Был случай, когда Михалис отказался от подарков. В честь окончания учебного года устроили банкет. Школьники пели, танцевали. Члены родительского комитета пили соки, закусывали. Михалис не приотронулся ни к напиткам, ни к еде. По окончании вечера всем членам родительского комитета вручили по ящику с продуктами. Михалису поднесла подарок жена директора школы.

– Что это? – спросил он.

– Продукты и напитки. Подарок.

– Я это не могу взять.

– Почему, Михалис? Мы каждый год так поступаем. Это традиция. Мы хорошо потрудились и заслуживаем благодарности.

– Я предлагаю похвалить детей за хорошую учёбу и устроить им утренник с напитками и закусками.

Деваться некуда. Так и сделали. Зато потом и учителя, и члены родительского комитета с немного виноватым видом подходили к Михалису и молча жали ему руку. Ох, как нам порой не хватает таких уроков! Нет рядом Михалиса, способного взглянуть на обычные поступки людей под необычным ракурсом.

3. Полицейский прав, но не всегда

В городе Пафосе по боковой улочке едет машина. Водитель не видит закрытого грузовиком знака, за-

прещающего движение. В конце улицы стоит полицейский – наблюдает за водителем, нарушающим правила. Неподалёку Михалис ожидает свою жену из магазина. Он всё видит и всё понимает. Ему до всего есть дело. Полицейский подаёт водителю знак остановиться и подходит к нему. И Михалис тоже подходит.

– Вы нарушили правила движения, – говорит полицейский, – я должен выписать вам штраф.

Водитель пытается объяснить, что он не знал, что на этой улице одностороннее движение, что...

– В начале улицы висит знак, запрещающий движение в этом направлении! – недовольным тоном перебивает его полицейский.

– Я не видел знака. Простите меня, – давит на жалость водитель.

– Это ваша проблема. Надо видеть. Будете платить штраф за невнимательность.

Молчавший до сих пор Михалис обращается к полицейскому:

– Послушайте, водитель не виноват. Я тому свидетель.

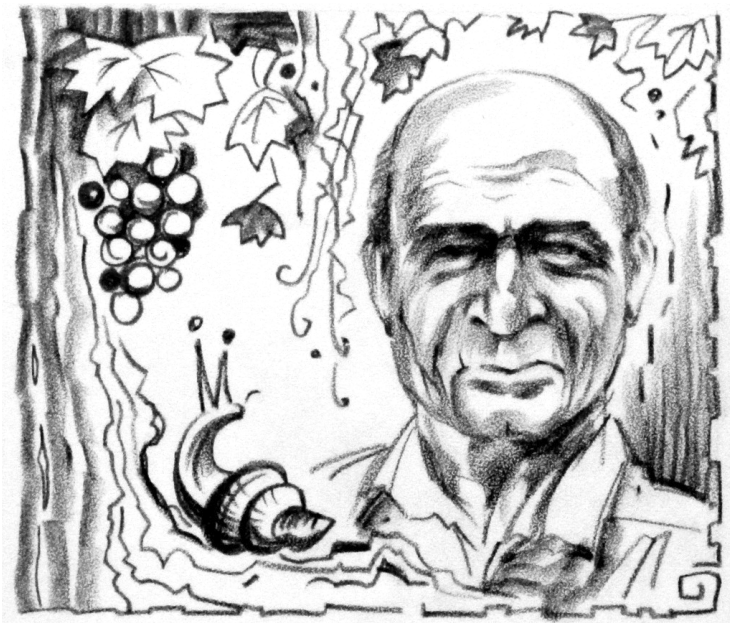
– Он виноват. И это не ваше дело! – уже раздражённо говорит полицейский.

– Не соглашайтесь платить штраф, – обращается Михалис к водителю, – идите в суд, и вы докажете свою правоту. Вот мой номер телефона, я буду свидетельствовать в вашу пользу. Здесь не прав полицейский.

– Вы оскорбляете в моём лице всю полицию. Вы оощряете нарушение закона. Вы мешаете мне исполнять закон! Предъявите ваши документы! – восклицает полицейский.

Михалис показывает свои водительские права и говорит примирительным тоном:

– Послушайте. Вы наблюдали за нарушающим правила движения водителем и ждали, когда он подьедет к вам, чтобы его оштрафовать. Но вы могли остановить его заранее, показав руками знак, что движение запрещено в этом направлении. Я просто хочу, чтобы полиция корректно исполняла свои обязанности.

Полицейский выслушал монолог Михалиса и... согласился с его мнением. Можем ли мы представить такое развитие ситуации на дорогах в Москве?

По дороге из Ларнаки в Лимассол водители моргают фарами, предупреждая о полицейских, контролирующих скорость движения. Встречные машины снижают скорость до разрешённой. То же самое делает Михалис. Но ему не везёт. Во встречной машине оказался полицейский, который разворачивается, догоняет и останавливает машину Михалиса. И мой друг Эзопос выходит из машины, заранее предвкушая, каков будет разговор.

– Что вам угодно? – вежливо спрашивает Михалис.

– Вы моргали фарами, чтобы предупредить встречных водителей о полицейском контроле скорости движения. Вы мешаете полиции исполнять закон.

– Какой закон я нарушил?

– Мы штрафуем водителей за превышение скорости. А вы помогаете нарушителям уходить от ответственности. Я вас накажу за превышение скорости.

– Но я её не превышал.

– Вы поощряете других водителей превышать скорость и помогаете им уходить от наказания.

– Послушайте! Правительство тратит миллионы евро, чтобы содержать дорожную полицию. Что вы делаете? Ловите нарушителей правил. Я моргаю фарами, предупреждаю водителей о недопустимости превышения скорости, и они её снижают. Я хотел бы видеть того судью, который скажет, что мои действия неэффективны. Забудьте, я делаю это бесплатно, в отличие от полиции.

– Поезжайте. У меня нет к вам претензий, – улыбнулся полицейский, оценив находчивость Михалиса.

Я предлагаю Михалису приехать в Москву и повоспитывать наших дорожных полицейских. Уловив подвох, Михалис говорит:

– Ну, тогда, Алексис, мне нужно привезти с собой кипрских полицейских.

«Браво, Михалис! Ты прав», – восклицаю я в уме. Как я могу объяснить Михалису жизнь в Москве?! Это моя жизнь, и я люблю её со всеми плюсами и не люблю с минусами. Но мне очень нравятся порядки на Кипре, когда полицейский выпишет водителю штраф, но никогда не возьмёт от него деньги, а за предложение взятки наденет на водителя наручники. Невозможно предположить, что Михалис предлагает деньги страже дорожного порядка, чтобы разойтись на договорных началах. Михалис и «договоримся» – тема басни для Эзопа, но не зря Михалис, похоже, и сам из Эзопова рода!

Чудаки на Кипре

Пламенеющее дерево, известное как Flamboyant!.. На тёмно-зелёных ветках пылают букеты огненного цвета, словно крона усыпана горящими углями. Такое великолепие встречается на улицах Лимассола летом, но снег?.. Немыслимо! Ярко-красные цветы высокого дерева в белых шапках. Пылающий огонь – и сверху снег! Что происходит? Кипр! Июль месяц! В панике Глеб бросил взгляд на соседнюю крышу. И там белым-бело! А море? Ведь отель стоит у моря. Он, как обычно, с утра собирался на пляж, а тут снег! Несколько человек плавали недалеко от берега, женщина в красном купальнике стояла лицом к восходящему солнцу, раскинув в стороны руки. На пляже никакого снега. Глеб перевёл взгляд на пальму; по стволу чёрными ручейками стекала талая вода. А солнце, как сумасшедшее, поднимается над морем всё выше, словно его запустили из пращи. Прошло несколько минут, и под деревьями образовались лужицы, а на крыше дома – тёмное пятно. Внизу в кафе появились первые посетители. Мужик с рязанским лицом-лепёхой с наслаждением пьёт горячий кофе; видно, как пар поднимается над чашкой. Очень пожилая пара – старушка с аккуратной седой причёской и коротко стриженный старичок, опирающийся на толстую трость, идут к столу с фруктами. «Где я, – подумал Глеб, – если снег на пальмах?» Он отдыхает в этом отеле уже пятнадцать лет подряд и даже подружился с персоналом. Вот Андреас, старший официант, как всегда подтянутый, вежливо помогает даме бальзаковского возраста занять место за столом. Сейчас поговорит с ней минутку, получит заказ на кофе или чай и неторопливо пойдёт его исполнять. Андреас всё делает не спеша, а получается споро. «Как же так? – мысли Глеба вернулись к

зимним видениям, – на деревьях снег, а Андреас как ни в чём не бывало чай-кофе предлагает на открытой террасе?» Вдруг ему подумалось, что это наваждение какое-то, галлюцинации, его опоили вчера каким-то снадобьем!

«Может, показалось? Иди в кафе завтракать!» – приказал сам себе Глеб.

Он подошёл к лифту одновременно со странным старичком: сморщенное лицо, оранжевые шорты, зелёная сорочка, на голове белая в красную крапинку бейсболка с красным же козырьком. Дедок первым поздоровался с Глебом:

– Доброе утречко!

– Good morning, – ответил Глеб.

Откуда старик может знать, что Глеб русский? Не на лице же написано. Открылись двери, и он учтиво пропустил незнакомца вперёд.

В лифте стояла дама в лёгком длинном цветастом платье и в широкополой соломенной шляпе. Она мило улыбнулась Глебу, ответила по-английски на его приветствие, а на деда даже не взглянула, проигнорировав его «Доброе утречко!». Но Глебу почему-то показалось, что они знакомы. Он заметил на её соломенной шляпе ленту с буквами «I'm buster», или в переводе «Я – придурок!». Женщина вышла на нулевом этаже, а Глеб поехал ниже, туда, где располагалось кафе «Тропикана». Как только кабинка закрылась, старик, хитро улыбнувшись, сказал:

– Милейший, вы ничего странного утром не заметили?

– Нет, ничего.

– А снег? Снег на Кипре в июле вас не смущает?

Лифт остановился, и старик, не дожидаясь ответа, как-то очень ловко шмыгнул в открывшуюся дверь и исчез. Глеб вышел за ним с желанием продолжить разговор. Ведь получается, что снег был, и другие люди его видели. Но странного спутника и след простыл.

В «Тропикане» – обычная обстановка. И пятнадцать лет назад, и сейчас неторопливо ходит не меняющийся с годами Андреас. Вот он словно из-под земли появился перед столиком.

– Доброе утро, Глеб! Рад снова приветствовать вас на Кипре, – на безупречном английском, вежливо улыбаясь, произнёс Андреас.

– Доброе утро! Ничто не меняется в этом мире, и это хорошо. Андреас, ты, как всегда, на месте! Я словно домой вернулся. Люблю Кипр! Рай земной! Но когда очень жарко, мы, русские, мечтаем о снеге.

– Снег и у нас выпадает. В горах. В январе.

Разговор не получился. Андреас ничего необычного не видел. А старичок-сморчок что-то знает, не зря задавал дурацкие вопросы. Куда же этот гриб запропастился?

Покончив с завтраком, Глеб отправился к морю прогуляться. Рядом с кафе – маленький искусственный пруд, и если остановиться и постучать легонько по перилам мостика, то в воде появляются огромные рыбины: красные, белые, бурые, разноцветные. Смотрят выпученными глазами и причмокивают. Еду выпрашивают. Кинешь кусочек хлеба, и они тут же на него бросаются, устраивая водоворот. Кормить рыб не разрешали, но Глеб всегда это делал. У него даже любимица была – чёрная и блестящая, как антрацит. Но сейчас её не было видно, и он стал бросать хлеб новой, оранжевой особи, пытаясь попасть ей прямо в разинутую пасть. Откуда она взялась такая шустрая? Из воды выскакивает, чтобы на лету перехватить добычу.

– Не вымерзли, холеры, за ночь! И эта дура тут как тут, – раздался знакомый голос рядом с ним.

От неожиданности Глеб вздрогнул – всё тот же дед за его спиной. Пришлось отвечать:

– А чего им мёрзнуть? Жара уже с утра, а к полудню невыносимо станет.

– Не скажите, милейший. По-всякому бывает ночами. Кера проказничает. А вы её подкармливаете. Зачем? Кроме зла, от неё ничего не жди. Сволочь! Шкуру поменяла. Была чёрной, стала оранжевой. Ишь ты! Даже пасть изнутри цветная!

Оранжевая рыба почти совсем вылезла из воды. Казалось, что она стоит на хвосте и вытягивается к нему.

Отшатнувшись от перил, Глеб чуть не столкнулся с давешней женщиной из лифта.

– Извините! Здесь только что стоял старичок. Вы не видели его?

– Старый маразматик! Он постоянно здесь шастает. Людей пугает своими дурацкими выходками. Держитесь от него подальше, – дама оценивающе посмотрела на Глеба и вихляющей походкой прошествовала к морю.

«Идиотизм какой-то. Что они здесь, с ума все походили? Старичок со странными фантазиями. Появляется-исчезает неожиданно. Оранжевая рыба, стоящая на хвосте. И баба какая-то ненормальная».

Поискал глазами оранжевую рыбину, но бассейн был пуст.

Странности на этом не закончились. Глеб застрял в лифте и проторчал там минут пятнадцать, пока вызвали служащего, и тот освободил его из заточения. Потом дверь номера долго не открывалась, пришлось идти на ресепшн. Ключ оказался размагниченным, и девушка-менеджер, недоумённо пожав плечами, выдала ему новый с таким видом, будто это он виноват – недотёпа из русской деревни.

До обеда Глеб провалялся на пляже под зонтиком, несколько раз заходил в море, плавал. Потом встретил знакомую пару из Чехии, мужа и жену. Вообще-то они россияне, но живут в Праге, в собственном доме, а на Кипр приезжают покупаться, да и с земляками пообщаться. Мужчина заработал свой капитал где-то на севере, то ли в Тюмени, то ли в Сургуте, и сейчас супруги наслаждаются прелестями жизни. Яков и Майя. Приятнейшие люди. Глеб увидел в воде Майю и подплыл к ней.

– Рад приветствовать вас, Майя! Вы Кипру не измените.

– О, Глеб! Здравствуйте! Якову здесь нравится. А от добра добра не ищут. Один раз съездили на Мёртвое море, наглотались солёной воды, и больше – ни-ни.

– Как же вы там воды наглотались? Говорят, она такая солёная, что утонуть невозможно.

– А Яков тонет, и я тону. А не тонет сами знаете что.

Хотя Глеба и покорила сомнительная шутка, но он посмеялся вместе с Майей. Вернулись на мелководье, поговорили ещё минут десять, стоя в воде.

– Майя, вы не встречали здесь старичка такого странного?

И Глеб в подробностях описал деда.

– Как же! Встречала. Это – местная достопримечательность. Он всегда в это время года появляется в нашем отеле. Милый такой, но действительно странный. Рассказывает о снеге, который якобы ночью выпадает. О керах, которые появляются и пакостят добрым людям.

– Керы? Да, он упоминал какую-то керу. По-моему, о рыбе он говорил. А что это такое?

– Зловредные существа. Они в древнегреческой мифологии упоминаются. Могут вредить людям. А старичка зовут Пётр, и фамилия у него такая рязанская – Редька. Он академик каких-то оккультных наук. Безвредный дедуля.

– А даму в широкополой соломенной шляпе видели? Она мне встретилась сегодня два раза, в лифте и возле водоёма с рыбами. Старичка, Редьку этого, назвала марзаматиком, сказала, что он ходит и людей пугает небылицами.

– Нет, не знаю такой женщины, – отрезала Майя.

Обедать Глеб отправился в таверну к Тони. Вообще его имя Адонис, но все русские туристы зовут его Тони. Невысокого роста, улыбчивый и очень доброжелательный. Вкусная кипрская еда, большие порции. Новичков Тони об этом предупреждает и советует брать одну порцию на двоих. Этим он и подкупил в своё время Глеба.

– Как бизнес, Тони? – спросил он приятеля после взаимных приветствий. – Год с тобой не виделись. Надеюсь, всё о'кей?!

– Нормально. Сига-сига! – отвечает Тони по-гречески с ударением на «а», что означает «мало-помалу».

Киприоты не жалуются на жизнь. Да и грех тут жаловаться. Погода прекрасная. Всё растёт. Легко можно прокормиться, если немного потрудиться. Глеб решил по-

спрашивать Тони о чудесах и странностях сегодняшнего утра. Рассказал ему историю о снеге. В ответ Тони посмеялся и сказал, что снег среди лета на Кипре – это почти то же самое, что цветущие пальмы в январе в Москве.

– Шутишь, Глеб? Вы, русские, любите пошутить.

– А деда знаешь? Такой старичок в белой бейсболке с красным козырьком. Чуть больше метра ростом. Говорят, что его имя Пётр.

– Он ко мне не ходит обедать. Я вижу его на балконе гостиницы по утрам. Он какие-то странные пассы делает руками. А однажды ворона с дерева слетела и стала его атаковать! Никогда наши вороны не нападают на людей. А эта набросилась на старика. Возможно, когда-то гнездо разорил? Вот ворона и мстит ему.

– Тони, а женщина в длинном цветастом платье и в широкополой шляпе заходила в твоё кафе? Сегодня или вчера?

– Нет, не видел.

Когда Глеб рассказал о надписи на шляпе «I'm buster», Тони рассмеялся:

– Да это шутит кто-то из отдыхающих. Дарят туристам бейсболки и шляпки. Многие носят. «Buster» – что-то вроде «придурак» или «урод», а некоторые переводят как «хороший парень». Кто его поймёт, что эти шутники имеют в виду. Чудаки! Шоу, что-то вроде «Чудаки на Кипре»!

После обеда в таверне Глеб зашёл в «Тропикану» выпить чашечку кипрского кофе. Кроме кофе его привлекало это место тем, что там работала киприотка Деспоина. Все звали её просто Деспо. Маленького роста, с вечной улыбкой, большими тёмными глазами, Деспо ему очень нравилась. Однако в этот раз вместо Деспо у стойки стоял пожилой мужчина с талией почти в два обхвата. Неприятный. «Обойдусь без кофе», – решил Глеб и отошёл к клетке с попугаем. Старый попугай – неизменный атрибут кафе. Его знают все гости отеля. По утрам он, передразнивая котов, громко и пронзительно мяукает. Бывает, что свистит, а иногда выдаёт какие-то перлы на греческом языке.

Попугай дремал на жердочке. Вдруг он встрепенулся, зло посмотрел на Глеба и закричал по-русски: «Балда! Балда! Балда!» Не иначе, наши туристы научили. Хорошо, что хоть материться не стал.

«Вот выдался денёк. Чудеса не кончатся!» – огорчился Глеб и решил вздремнуть пару часиков.

Входная дверь номера была не заперта. «Убирают, что ли? С утра не могли!» – он разозлился и толкнул дверь. На его кровати в купальнике сидит дама из лифта.

– Заходи, заходи. Я давно жду тебя, – заулыбалась она беззубым ртом с оранжевыми губами и протянула к нему руку.

– Да вы... – пролепетал Глеб и выскочил, как пуля, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Посмотрел на дверь и ужаснулся – этаж перепутал. Опять случайность?

Что происходит? Что за дурацкий отель! Какой тут к чёрту отдых, когда на каждом шагу с тобой что-то случается?!

Как в полудреме добрался он до своего номера, наглухо задвинул шторы на окнах и лёг спать. Спал, не спал – сам не понял! Во сне каркала ворона, огромная рыбина чмокала оранжевым ртом у самого его лица, попугай мяукал кошкой. От страха он попытался куда-то бежать, но его успокоила невесть откуда появившаяся Деспоина. Она поцеловала Глеба в обе щеки, посадила за стол и поднесла чашечку дымящегося кофе.

Проснувшись, он не мог поверить, что проспал чуть ли не двадцать часов. За окном обычное летнее утро! Щебечут птицы на деревьях. Появились ранние отдыхающие. Яков ведёт под руку Майю, торопятся на пляж – солнце встречать. И вот оно! Светило внезапно вынырнуло из моря и стало скорёхонько подниматься всё выше и выше. Нет никакого снега. Да и откуда ему взяться в июле на Кипре?!

«Приснится же такая хрень!» – думал Глеб, вспоминая чудеса вчерашнего дня. Из кафе доносился запах кофе, яичницы и свежей выпечки. Андреас смотрел вверх и

махал Глебу, приглашая на завтрак. Из соседнего номера лилась его любимая песня «Love is where you are». Глянул на балкон нижнего этажа и чуть не свалился опять в постель: в кресле-качалке сидела сама Дайана Кролл!

В то же утро он срочно покинул отель. Когда такси уже отъезжало, из дверей выскочил служащий и побежал вслед за машиной, размахивая белой бейсболкой с надписью «I'm buster». Через опущенное стекло Глеб услышал крик менеджера:

– Вы забыли бейсболку в номере! Подождите!

– Гони! Опаздываем, – приказал он водителю.

Уже в самолёте в газете Глеб прочитал, что в Лимасоле проходил международный съезд колдунов. В течение двух дней в одном из отелей, где собрались колдуны, некоторые из постояльцев были свидетелями странных происшествий. Кто-то из туристов отморозил ноги на пляже. Какая-то сумасшедшая ворона напала на пару пожилых людей: седую старушку и мужчину с тростью. А подросток из России чуть не лишился руки – цапнула оранжевая рыба, когда он пытался кормить её хлебом. Слава богу, какой-то дед оказался рядом и отогнал гадину. Автор статьи пытался убедить читателей, что в отеле проживали древнегреческие керы – мифические злые существа. Разве такое может быть? Как керы из древних мифов могли попасть в современную гостиницу?

Ошарашенный Глеб не знал, что и думать. Откуда корреспондент знает о тайном съезде колдунов? Не слишком ли он информирован? В последнее время много пишут, что некие спецслужбы проводят опыты над людьми. А если это был их эксперимент? Может, проверяли тайное психотропное оружие на туристах. И он, Глеб, оказался среди подопытных. Возможно, он и сейчас в опасности?

«Но как? Как они могли организовать снег, выпавший у бассейна? Вспомнил красивое, пылающее ярко-красным цветом дерево в снегу. Немыслимо! И Дайана Кролл на Кипре. Неужели это была она? Возможно, у меня были галлюцинации? Или опоили каким-то зельем. Но почему меня? Я-то им для чего?»

По радио объявили, что самолёт проходит через зону турбулентности, и попросили пассажиров оставаться на местах, застегнув ремни.

«А если это неземные силы?» – вдруг пришла к нему дурацкая по своей неправдоподобности мысль.

Подошла стюардесса и спросила, всё ли у него хорошо.

– Да, – ответил Глеб машинально.

– И славненько, – улыбнулась девушка оранжевым беззубым ртом и прошла дальше.

В аэропорту Домодедово Глеба встречала скорая помощь.

Он очнулся на следующий день в больнице. По телевизору сообщали, что в районе города Лимассол произошёл взрыв на складе боеприпасов. Погибло несколько человек, в том числе высокопоставленный кипрский военный. Была полностью разрушена электрическая станция, дающая половину электроэнергии на острове. В Интернете Глеб обнаружил любопытную информацию: якобы огонь перекинулся на сухую траву с пламенеющего дерева, которое ещё называют за его ярко-огненное цветение «дерево-пожар». «Неужели такое возможно? А если возможно, тогда и снег, выпавший в то утро на огненную крону дерева, был явью, а не галлюцинациями?» – думал ночами в больничной палате Глеб. Но он предусмотрительно ни с кем своими мыслями и сомнениями не делился. Через неделю его выписали из больницы, не обнаружив никаких заболеваний.

После этого случая Глеб перестал ездить на Кипр в период цветения пламенеющего дерева. Предрассудки? Возможно, да. Но он решил держаться от греха подальше. Каких только чудес не бывает на белом свете!

Вечер с Дафной

Женщина за стойкой регистрации была сурова, неразговорчива и поразительно некрасива. На приветствие Мареева что-то буркнула в ответ, даже не посмотрев на него. Но Мареев не отступал:

– Скажите, пожалуйста, мадам, где можно поужинать?

– Там, – ответила женщина, махнув рукой в глубину помещения.

Обернувшись, Мареев увидел в конце зала полуоткрытую дверь и столы ресторана. Отель назывался «Daphne Hotel Apartments». Обычная трёхзвёздная гостиница рядом с набережной в городе Пафосе. Мареев приехал в Пафос на два дня, сбежал от суеты своего дня рождения в Лимассоле. Не хотелось ему никаких встреч с друзьями, не хотелось слышать тосты в свою честь – искренние, но в основном состоявшие из штампов с пожеланиями здоровья, счастья, вдохновения в творчестве и всяких других благ.

– Возможно, потому и штампы, что от души говорится, – сказала дочь Маргарита, которая по этому случаю прилетела к нему в гости из далёкого Владивостока.

– Конечно, Рита, но хочется тишины в этот день. Разве что немного свежего ветра не помешает. А человеческих голосов – нет, не хочется, – отвечал полушутя-полусерьёзно Мареев.

– И меня удалишь из праздника? – заулыбалась Маргарита.

– И тебя! Но сначала мы с тобой пообедаем в Пафосе в рыбной таверне, а потом я останусь в городе на две ночи один.

И вот он в отеле с таким романтическим названием в честь древнегреческой нимфы, которую её отец, речной

бог Ладон из Аркадии, превратил в лавровое дерево, чтобы спасти от преследования юного Аполлона. Дафна сохранила целомудрие, но какой ценой! Аполлон же остался с носом, в отличие от своего отца Зевса, которому все женщины покорялись и нарожали многочисленное потомство. И олимпийские боги, бывало, терпели поражения в любви, не то что мы, земные мужчины. Вот и поэт Пётр Заречкин предупредил в стихах: «Мужчины, опасайтесь женщин!» А он знает, что говорит. На старости лет оказался один с искусственной челюстью и с сонмом детей, признанных и непризнанных. Заречкин, конечно, не Зевс, но не менее плодovit!

«А может, неприступная мадам на ресепшн и есть воскресшая Дафна, – подумал Мареев. – Ведь отвергла она любовь красавца Аполлона в своё время, и вот, простояв лавром несколько тысячелетий, продолжает ненавидеть мужчин». Но тут же возразил себе, что суровая особь внешностью никак не похожа на красавицу нимфу с бело-нежной кожей. По крайней мере, какую её представлял себе знаменитый мастер Джованни Бернини, изваявший нимфу вместе с Аполлоном из мрамора. Не зря скульптура хранится в знаменитой галерее Боргезе в Риме. Разве унылую женщину стал бы скульптор ваять? И разве стали бы такое изваяние хранить в своих коллекциях кардиналы и папы? А вдруг сбылось пророчество кардинала Маффео Барберини, будущего папы Урбана VI, который написал двестишесть-предостережение, мол, не ищите наслаждения в исчезающей красоте, иначе останетесь с руками, полными листы и горьких ягод. «Ну её, эту вредную уродину! Залезла в голову и никак не отцепится», – подумал Мареев, отгоняя от себя дурные мысли и присаживаясь за стол.

Ресторан оказался похож на затрапезную столовку из российской глубинки. Столы без скатертей. Официантов нет. Буфетное обслуживание. На барной стойке паста болоньезе (макаронны по-флотски), салат из подвявшей капусты с редкими вкраплениями тонко нарезанного красного перца, жаренные куриные ножки и сок. Вилки, ложки пришлось добывать самостоятельно.

Поковырявшись в тарелке, Мареев махнул рукой на такой праздничный ужин и отправился в таверну «Пеликан», где он днём обедал с дочерью. Тогда их обслуживал очень проворный официант Иван из Молдавии. Парень прямо летал между кухней в основном помещении и столиками под тентом у воды. А какой выбор рыбы из утреннего улова! Иван оказался словоохотливым и улыбочивым. Показал в телефоне фотографию, где он стоит рядом с Евгением Примаковым. Когда это было? Где-то лет десять назад, в этом же ресторане, где чета Примаковых обедала. Нет уже в этом мире Евгения Максимовича, знаменитого российского политика, учёного и писателя, а память о нём живёт даже в маленьком курортном кипрском Пафосе. Иван с упоением рассказывал о своей встрече со знаменитостью. Мареев подумал, что и детям, и внукам своим тот будет показывать эту фотографию! Вспомнил строки из своего же стихотворения:

Земная жизнь так скоротечна, –
Кто вспомнит нас в глубинах лет?

Кого-то вспомнят, а чей-то след затеряется. Вот следы его дедушки Фёдора из далёкого украинского села не должны затеряться; он, Мареев, постарался и в стихах деда прославил, а теперь песни уже поют о том, как дедуля мастерит скворечники в ожидании прилёта птиц! Мареева и его стихи забудут, а песня, даст Бог, останется.

Какой чудесный городок этот Пафос! Мареев шёл по набережной и с удовольствием наблюдал за отдыхающей публикой. Вспомнилась набережная в Коктебеле в Крыму, где он бывал раньше летом. Тот же праздник жизни! Рестораны, кафе, лотки, киоски. Отдыхают люди, забыв о репортажах из Сирии, Афганистана и других горячих точек. Да и в Европе уже стало беспокойно из-за наплыва беженцев.

От неприятных мыслей Мареева отвлекла бегущая по морю яхта под белым парусом. А над морем бирюзовое небо с высокими облаками. Облака-великаны сближа-

лись друг с другом, образуя какие-то сказочные фигуры, и снова расходились. Всё это происходило над горизонтом, а в зените небо почти чистое. Вот так и в жизни: где-то буйство фантазий и событий, всё меняется ежечасно и ежеминутно, а где-то спокойствие веками, разве что маленькие невинные тучки появятся в небе и исчезнут без следа, растаяв в лучах заходящего солнца. А в курортном Пафосе пока прекрасная погода!

В таверне «Пеликан» обстановка праздничного вечера. Горят огни. На веранде газовые горелки высотой более чем в два метра; пламя в прозрачной трубе, огороженной конусообразной сеткой, рвётся вверх и по пути отдаёт тепло людям за ближними столиками. Не сезон – середина мая, по вечерам бывает довольно прохладно. Иван встретил Мареева радушно, как старого знакомого, и предложил попробовать свежайшие устрицы дневного улова с кипрским белым вином «Zambaratas». Вечер удался: созерцание звёздного неба под шум прибоя; мимо прохаживаются безмятежные туристы. Огромный мужчина бережно ведёт под руку маленькую стройную даму и, заглядывая ей в глаза, что-то увлечённо рассказывает. Две старушки, божьи одуванчики, держась за руки, идут и вдыхают морской воздух. Ничего им не нужно, кроме этого самого морского воздуха. Стайка девушек пробежала, прыская смехом в ответ на приглашение зазывалы посетить его таверну, потому что сегодня именно у них самая вкусная рыба. Когда есть свободная минута, к столику подходит Иван, чтобы справиться, всё ли в порядке, и рассказать какую-нибудь короткую историю из курортной жизни.

После ужина Мареев в прекрасном расположении духа покинул таверну и отправился прогуляться по ночному городу. Пошёл по набережной в сторону Пафосского замка. Впереди шли две женщины с полными сумками. «Видно, накупили в магазине продуктов и домой тащат», – подумал Мареев, следуя за ними. Но женщины повернули налево, к марине. «На яхту идут», – сделал он ещё одно предположение. Но, к его удивлению, женщи-

ны остановились возле огромного уродливого замка, известного ещё с четырнадцатого века. Не раз за эти долгие годы замок подвергался разрушению, но всегда его восстанавливали. Во время турецкой оккупации здесь была тюрьма. Туристы любят осматривать окрестности, поднявшись на его крышу. Женщины стояли у мостика, ведущего к запертой двери, и что-то обсуждали, поставив сумки на мостовую.

– Вы живёте здесь, леди? – в шутку спросил Мареев. – Что это за здание?

– Нет, мы просто смотрим, – ответили женщины на ломаном английском.

– Извините, вы не местные? Может быть, русские?

– Да, мы из России. Приехали на экскурсию из деревни Кефалос, километров семь отсюда. Купили подарки и вот решили пройтись по набережной перед обратной дорогой.

Мареев помог землячкам Алле и Кате донести тяжёлые сумки до автобуса и отправился в свою гостиницу. Он был доволен собой: хорошо провёл время в ресторане, сделал доброе дело для соотечественниц. Людей на набережной уже было поменьше. Изредка проходили пары, видимо, возвращаясь из ресторана. Навстречу ему шла стройная женщина в каком-то необычном одеянии пурпурно-красного цвета, небрежно накинутом на плечи, – правая рука оголена, а левая прикрыта складками ткани. Мареев видел такие женские хитоны на картинках в книгах о древнегреческих мифах. Сколько фантазии вложено в этот длинный, до самой земли плащ... Женщина широко раскинула руки. Марееву показалось, что рукава её одежды стали похожи на огромные крылья.

– Молодой человек, вы не можете мне? – спросила женщина по-русски.

– Да, конечно! – запинаясь, ответил Мареев.

Разве он мог не помочь такой белокожей красавице с огромными карими глазами? Небольшой точёный носик, полные алые губы и смущённая улыбка женщины, которой, возможно, неудобно обращаться на улице к не-

знакомому мужчине, но обстоятельства заставляют её это делать. Эти мысли промелькнули в голове у Мареева, и он тут же добавил:

– С удовольствием помогу, тем более что мы вроде бы земляки.

– Нет, я – гречанка. А русский язык выучила. Так можете?

– Да, да... Что нужно сделать!

– Проводите меня, пожалуйста, до гостиницы. В силу обстоятельств я оказалась без мужской поддержки в этом городе.

Мареев насторожился. Он уже попадался на такую удочку, когда у него подобным образом выманивали деньги. Но то были другие женщины, плохо одетые, какие-то потерянные, они давили на жалость. А эта? Эта, кроме восхищения, ничего другого вызвать не может! Уверенный тон, невинный взгляд, неподдельное смущение. Мареев, отбросив всякие сомнения, с готовностью сказал:

– Располагайте мной, мадам! Куда вас проводить? Меня зовут Всеволод.

– О! Я знаю. Всеволод – это Сева. Так вас, наверно, в детстве звали. Можно я вас тоже буду так звать?

– Мне будет приятно. Меня и сейчас друзья так зовут. А позвольте узнать ваше имя?

– Дафна.

Мареев опешил. Он остановился в отеле «Дафна», и странную незнакомку тоже так зовут. Не сон ли это?

– Ваш отец случайно не Ладон из Аркадии? – нашёлся Мареев.

– Да, да, Сева! Он самый. И я родом из страны, основанной, по преданию, Аркадом, сыном Зевса. Мне здесь недалеко, но вначале я хотела бы выпить чашечку кофе! Я знаю одно замечательное местечко. Пойдёмте со мной. Не оставляйте даму одну.

Мареев уже давно не пил на ночь кофе, но ещё далеко не ночь, да и почему бы не посидеть с такой прекрасной и общительной женщиной и не поболтать немного?

А вдруг? Нет, никаких «вдруг»! Нужен такой красавице старый хрыч!

Путь оказался не очень близким, но в конце их ждала награда в виде традиционной кипрской таверны «Democritos», названной, видимо, в честь знаменитого древнегреческого философа Демокрита, жившего примерно две с половиной тысячи лет назад. «Смеющимся философом» прозвали земляки Демокрита при жизни, так как он, созерцая мир, мог внезапно рассмеяться своим мыслям. Ему казались смешными и мелкими дела людей в сравнении со вселенским порядком. В этой таверне веселье плескало через край. Играла живая музыка, стройные мужчины танцевали. Время от времени к ним присоединялась и Дафна, весёлая и загадочная в своём фантастичном одеянии. Группа англичан непрерывно хлопала. Аплодисменты сопровождали Дафну, когда она возвращалась к столику Всеволода, и получалось, что внимание посетителей к красавице частично доставалось и Марееву, чему он был очень рад! А что? Кто не возрадовался бы, когда для него танцует молодая и красивая гречанка в пурпурно-красном хитоне!

Каким-то чудесным образом на столе появились вино и маленькие тарелочки с кипрскими сладостями, орешками и фруктами. Неожиданное продолжение праздника в обществе нимфы из Древней Греции. Умной, привлекательной и весёлой! Когда Дафна в очередной раз отправилась танцевать с актёрами, Мареев не выдержал и подозвал мейнджера, приятного вида женщину лет пятидесяти:

– Вы знаете танцующую даму?

– Сэр, это вы с ней пришли. Мы её видим впервые!

– Её зовут Дафна. Я с ней познакомился сегодня вечером. Она так прекрасно танцует.

– О да, сэр! Возможно, она не только танцует, но и поёт?

Смолкла музыка. Дафна вернулась к столу и, подняв бокал, произнесла:

– Сева, пью этот древний напиток за вас! За наше знакомство!

– Спасибо. Никогда не думал, что так закончится мой день рождения! В обществе красивой гречанки в хитоне, да ещё и танцующей для меня.

– Сева! А давай я спою для тебя! – предложила Дафна, переходя на «ты» и ничуть не удивившись тому, что у Мареева сегодня день рождения. – Я спою современную песню, но чуть позже, когда наступит новый день, сразу после полуночи!

Мареев непроизвольно посмотрел на часы: «Как быстро пролетело время! Вот и заканчивается этот удивительный вечер, полный фантастических событий. Пафос, отель, названный в честь нимфы Дафны, обед с Маргаритой в таверне “Пеликан”, ужин в одиночестве в той же таверне, прогулка по ночному городу, помощь двум русским туристкам и... красавица гречанка Дафна! Сказка!»

Они пили вино и говорили о всякой всячине: о всемогущем боге Зевсе, о нимфе Дафне, о философии Демокрита, о греческих танцах в исполнении современных артистов. Перед Мареевым сидела хорошо образованная, умная собеседница, и он порой терялся от обилия её знаний, но не стеснялся спрашивать о том, что ему было непонятно в истории Греции.

– Сева, заведение закрывается. Музыканты уходят. Я сейчас спою тебе песню «С добрым утром», ведь уже зарождается утро.

На часах было ровно тридцать минут после полуночи.

Дафна подошла к музыкантам и начала петь на русском языке под живую музыку:

Калимера, калимера, –
Пахнет утренней зарёю.
Калимера, калимера, –
Пахнет морем и тобою.

Немыслимо! Гречанка с эпическим именем Дафна поёт песню на его, Мареева, стихи. Для него поёт, в первое утро после его дня рождения! Мареев написал эти стихи здесь, на Кипре, почти два года назад. И вот зву-

чит музыка, звучит песня, словно призыв к новой жизни! Мареев не выдержал и встал! Официанты, музыканты и гости аплодировали закончившей петь Дафне.

* * *

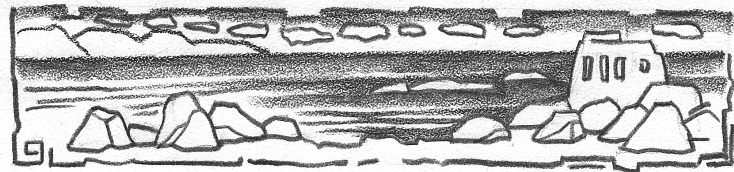
Оказалось, что весь этот спектакль устроил друг Всеволода с Дальнего Востока, бизнесмен и меценат Кедровский. И красавица Дафна словно залетела в жизнь Мареева из времён Демокрита. А может быть, это была посланница Зевса, и спустилась она с самого Олимпа?

– А кто эта женщина, что сыграла роль Дафны? – спросил я Мареева, выслушав его рассказ о приключениях в день рождения.

– А была ли это роль? Какое это имеет значение, Александр! – засмеялся Мареев. – Главное, что праздник получился, и получился с продолжением.

А вот о продолжении Мареев ни слова не сказал. Зная его, я могу только догадываться, чем закончилась эта история. И закончилась ли?

Что было дальше? Возможно, Мареев когда-нибудь и расскажет. Человек легко верит, что сказка существует, и я не исключение. Если в древние времена, ещё до Демокрита, боги запросто спускались с Олимпа на землю, то почему бы в наше время прекрасной нимфе не заявиться к Марееву на день рождения? Возможно, мир остался таким же, каким он был прежде. И олимпийские боги, и златокудрые нимфы продолжают жить рядом с нами, но сейчас, в отличие от былых времён, они стали незримыми для нас, простых смертных! И я решил, что в следующем году на свой юбилей тоже отправлюсь в Пафос. А вдруг и я встречу на набережной Пафоса красивую нимфу или даже богиню? Надо поторопиться. Чудеса приходят к тем, кто сам спешит к ним навстречу.

Взбалмошная подруга

Нина стояла у бокса породистого жеребца и любовалась красавцем – вороной, поджарый, тонкие и сухие ноги. Прядёт ушами, косит дико взглядом и пофыркивает. Протянула руку, чтобы погладить через отверстия в решётке, но тут же отдернула. На двери висела табличка: «Осторожно! Лошадь кусается!»

«Что, допекли тебя, милый, приставаниями? Кусаться стал. Я и сама готова сейчас укусить кого-нибудь!» – обратилась она к жеребцу. Обернулась, нет ли кого рядом. Подумают, чокнутая девка, с лошадью разговаривает. А ей просто коня жалко – закрыли в железной клетке вместе с другими такими же бедолагами напоказ посетителям загородного ресторана «Чумацкий шлях», что на Обуховской трассе в тридцати минутах езды от Киева. И себя Нине тоже жалко – надо возвращаться в Киев. Только что звонила подружка Жанна. Вот кто действительно взбалмошная, так это она! Каждый раз что-то с ней случается! И опять очередное приключение, с балкона восемнадцатого этажа истеричным голосом кричала в трубку, что взлетит в небо. Что опять с ней не так? Марк её обидел?! Как он мог обидеть, если вчера улетел в Панаму, и всё было хорошо? Как бы там ни было, а надо ехать к ней. Вдруг бросится вниз! «Хорошо, что не стала говорить по телефону в ресторане при родителях, детях и других родственниках», – подумала Нина.

Только сели за стол – и на тебе! Что же такое натворил её муж Марк? Он пластический хирург. Два года назад Жанна обратилась к нему по рекомендации друзей с просьбой уши подправить, видите ли, у неё уши слишком острые, на кроличьи похожи! Из-за этого к пластическому хирургу обращаться?! Что он ей там подправлял,

неизвестно, но подруга так с ним закрутила, что он бросил жену Дану, крупную голубоглазую красавицу с тремя детьми, и ушёл к манерной до невозможности Жанне, брюнетке с осиной талией.

Опять заверещал телефон в сумке. Звук дурацкий, словно свинья хрюкает: «Хрю-хрю! Хрю-хрю-хрю!» Не отвечаешь, начинает на повышенных тонах визжать. Вначале было забавно, но надоел уже визг свинячий.

Звонил новый ухажёр Лолик. Как его по паспорту звать, не признаётся. Лолик да Лолик, все так его зовут. Здоровенный бугай, рожа красная, а туда же: Лолик!

– Нинель! Поздравляю! У меня к твоему дню рождения подарочек припасён от «Hermes». Когда празднуем?

– Сегодня с родителями! Завтра, возможно, с друзьями, если... – тут же прикусила язычок. Зачем всяким лоликам проблемы её институтской подружки Жанны?

Но Лолик даже не обратил внимания на «если»:

– Сбор на старом месте? В «Чумацком шляхе»? Кто будет?

– Лолик, потом сообщу. Не до того сейчас!

И действительно, Нине было не до того, чтобы лясать точно с Лоликом. А если действительно Жанне плохо? А если и вправду с балкона сиганёт? С неё станется. Год назад кто-то пошутил, что у неё попа треугольником! Она к Марку: «Сделай мне попу как у Николь Кидман». Когда Марк отказался, Жанна наглоталась снотворного и чуть концы не отдала. Менял Марк жене попу или не менял, история умалчивает, но форма её зада стала более округлой.

В финансовом институте Жанна была обычной привлекательной девчушкой из Ирпеня – смешливой, конопатой, со вздёрнутым носиком. Потом она исчезла лет на пять, где её носило – тайна. Но вернулась изменившейся до неузнаваемости: губы надутые, глаза навывкате, лицо белое и без конопушек, нос прямой и бюст шестого размера!

С новой внешностью Жанна приобрела и новые привычки: курит длинные сигареты, держа их между двух

пальчиков и оттопырив мизинчик, морщит носик, когда злится, и при этом фыркает, как мопс. Встречаясь с друзьями, обязательно целуется, вытянув губы трубочкой! Хоть бы в зеркало посмотрела, насколько это выглядит некрасиво – ярко-красные губы, вытянутые трубочкой!

Недавно увлеклась новой японской игрой в смартфон – войной покемонов. Марк завёл ей американский аккаунт, и игра стала доступной даже в Киеве. Суть игры – с помощью программы продвигаться в реальном мире и выискивать сказочных воинов на карте, тренировать их и вступать в войну с другими покемонами. Какой-нибудь чудик, уткнувшись взглядом в экран смартфона, подходит и говорит, что у вас на плече покемон! Вот и Жанна стала бродить по улицам Киева, набирая своё виртуальное войско. Дошло до того, что однажды забралась на дерево в парке Тараса Шевченко, чтобы снять с ветки существо. Марк даже охрану приставил за ней присматривать. Не помогло. Пришлось аккаунт отключить. С Жанной случилась истерика, утопиться грозилась, но обошлось. Надолго ли?

Нина забежала в туалет, покрутилась перед зеркалом, полюбовалась своим отражением. Чёрные слегка раскосые глаза, скулы высокие, небольшой подбородочек, лебединая шея. И всё натуральное. Пошла породой в деда по линии отца, то ли татарина, то ли чуваша. Показала себе язык и кулаком погрозила, маленьким да сильным. Не раз доказывала это, вступая в схватки с наглыми прилипчивыми мужиками, если чрезмерно хамить начинали. А сейчас сама на себя разозлилась, что пустилась в рассуждения, когда Жанне плохо. Ехать немедленно, спасать надо подругу, неизвестно, что ей в голову взбредёт! Бывает так с Жанной, что накатит дурная волна и тащит её туда, где водовороты, быстрина и камни. А сейчас притащила на балкон восемнадцатого этажа.

Решительным шагом вернулась в зал.

– Я должна ехать! Гуляйте без меня!

Сестра Вера вышла из-за стола.

– Нина, куда ты? К Жанне?

– Да! Ей плохо.

– Вы видели такое?! – всплеснула руками Вера. – У тебя же день рождения! Уедешь – нам будет плохо: отцу, матери, Таше, Феде, мне.

– А если Жанна с балкона бросится, вам будет хорошо? Первая же плакать будешь. Жалко её, дурёху. Празднуйте без меня. Я всё оплатила. Адью!

Жанна сидела за столом и пила чай с печеньем из куркумы. Нине обрадовалась:

– Нинок, печенье – класс! Помогает худеть. Давай тебе чайку налью!

– Не ешь много куркумы, Жанна! Понос будет, – отомстила Нина за поднятую волну.

– Кто сказал?

– Посмотри в интернете.

Подружка тут же кинулась справляться в интернете. Посмотрела и с восхищением Нине:

– Нинуся, какая ты умная! И правда – куркума полезная, худеть помогает, но может вызвать понос. Хорошо, что сказала. Мне эта неприятность не нужна. Завтра Марк прилетает.

– Так быстро возвращается из Панамы? А что стряслось? Что ты так запаниковала? Я бросила родителей в ресторане, стол накрытый – и к тебе.

– Нина, прости. Марк хотел лететь на Кипр. Без меня.

– И что?

– Передумал! Возвращается, потом вместе на Кипр. Может, и ты с нами?

На Жанну невозможно долго обижаться. Разве можно обижаться на курицу, что во дворе гребёт и пыль поднимает? Курица из-за отсутствия мозгов в маленькой голове не помышляет, чтобы кого-то обидеть, а своё дело делает: питание добывает и регулярно яйца несёт. Вот и Жанна так – нет в её глупенькой голове никакого зла. Всем помогает. У церкви ни одну нищенку не пропустит, пять гривен не подав.

Пили чай с печеньем, но вначале по рюмке коньячку пропустили. Марк может себе позволить иметь в доме до-

рогой коллекционный коньяк – умеет зарабатывать деньги. Открыл отделение своей клиники в Панаме и планирует начать бизнес на Кипре, тем более что в Лимассоле хороший партнёр нарисовался – Костакис, кардиолог. Всех местных красавиц знает, да и богатые украинки у него лечатся, из тех, кому мужья купили виллы на острове. Уж Костакису обстановка на Кипре известна! А то, что он не хирург, неважно. Красивым женщинам не только пластика, но и уход нужен. Интеллигентный и всегда улыбающийся Костакис для Марка находка. Жанна с жаром рассказывала Нине о новых перспективах семейного бизнеса. Семейного, потому что Марк половину акций на неё переписал.

– Нинуля, я узнала, что недалеко от города Полиса есть отель для знаменитостей, мы с тобой туда поедем. А что? Я вся такая! И ты при мне.

– Успокойся, Жанна! Я-то на какие шиши в такое место поеду? У меня Марка нет и вообще мужа нет. На себя только могу надеяться. Зарабатываю неплохо, но не столько, чтобы в элитном отеле на Кипре отдохнуть.

– А я на что! Марк нас двоих легко потянет!

– Не-е. Это уже слишком.

Нина не сказала, что Марк уже как-то пытался в ресторане по коленке её погладить, но она так на него посмотрела, что сразу охоту отбила. Тоже мне красавец! Кругленький, с пузком, а туда же! Не постеснялся, что они с Жанной подруги.

Подруга всё уладила. У неё всегда получается так, как ей хочется. Изменила свою внешность и превратилась из провинциальной девчухи в столичную даму. Нашла мужа, солидного и богатого. Уболтала Марка поменять её старенький «Ягуар» на спортивный серебристого цвета «Бентли». А «Ягуар» перешёл к Нине за символическую плату, примерно в десять раз дешевле рыночной стоимости. Возражений не приняла:

– Нина, я хочу, чтобы ты ко мне приезжала на солидной машине. И мне будет приятно увидеть, что мой «Ягуарчик» в хороших руках. Он Марку служил пять лет, мне – два года и тебе ещё послужит.

– Жанетт, ну ты и крутая! Про мужиков с таким настойчивым характером девушки говорят, что им невозможно отказать. Но по правде, мне твой «Ягуар» безумно нравится, и я уже хочу его.

С поездкой на Кипр тоже всё получилось. Нина отказывалась ехать, но случилось так, что Марк задержался в Панаме, и пришлось Нине заменить его. Не оставлять же Жанну одну. И вот они в отеле «Anassa 5*», что рядом с деревней Лачи недалеко от Полиса. Море, большая территория, а за её пределами обычная жизнь. Но в отеле есть всё для отдыха: роскошные номера, внимательная прислуга, дорогие бутики, спа-салоны, бары, рестораны и прочие маленькие прелести курортной жизни. В деревню не выезжали, что там делать в жару? Публика в основном английская, но и украинцы встречались, не говоря уже о туристах из России. Последних можно везде встретить, во всех уголках мира и за его пределами. Самые отчаянные даже в охваченную войной Сирию отправятся, если рекламу хорошую дать. Ничто не пугает: ни жара, ни холод, ни пираты, ни террористы. И цунами не пугает – после разрушительной волны в Азии туристы из России продолжали выкупать путёвки в Таиланд. Хотя экстремалы во всех странах имеются. Писали, что одна англичанка осталась жить в джунглях, так ей понравились дикари в набедренных повязках из банановых листьев. А Жанна взбалмошная, но практичная, она проверила в интернете и выбрала именно ту гостиницу, о которой мечтала. Партнёр мужа Костакис специально поехал в отель, проверил номер и упругость матраса. Жанне не нравится слишком мягкое ложе, и слишком жёсткое тоже не нравится. По настоянию Костакиса администратор поменял матрас и поставил на стол статуэтку обнажённого африканца. А Нина ничего в номере менять не стала.

Середина июля. Температура воздуха на солнцепёке под сорок градусов, а в номере прохлада от неслышно работающего кондиционера.

– Нинос, сегодня отдыхаем. Никакого пляжа. Попью чаю с печеньями из кукарачи и спать, – объявила Жанна, осматривая номер люкс из двух комнат.

– Какой кукарачи? Может, из куркумы?! Кукарача – по-испански таракан! Песенка такая есть, – расхохоталась Нина и стала, дурачась, напевать:

Айя-я-я! Я! Айя-я-я-йя!
Я – кукарача!
Так ты меня обозвала!
А я не плачу, а я не плачу...

– Ой, Нинуся, ну развеселила меня! Спасибо. Тараканов нам не надо. А печенюшки из куркумы будем, похрустим с чаем!

В ресторане долго не могли понять, чего желает чудная русская, хотя Жанна никакая не русская, а украинка в седьмом поколении. С другой стороны, кто из славян чистой крови? Столько всего намешано за тысячи лет: татары, турки, евреи и разные другие народы появлялись и оставались жить рядом со славянами.

Заказ приняли и печенье в номер доставили, а из чего оно сделано, разве поймёшь! Но не из кукарачи – точно!

На следующий день с утра подруги посетили Костакиса в Лимассоле. Жанне не терпелось определиться с открытием совместной клиники пластической хирургии. Клиника «Блюменталь – Костакис». Звучит! Сидели в приёмной и ждали, когда освободится доктор. Жанна не выдержала и шепнула Нине:

– Маленькое помещение. И район непрестижный. Надо подыскивать другое место.

– Неужели ты этим будешь заниматься?

– Заниматься не буду, а направлять и контролировать буду. Поговорю с Костакисом и сообщу Марку своё мнение.

Из кабинета вышла красивая женщина лет пятидесяти. Статная, породистая, с белозубой улыбкой! Поздоровалась с подругами:

– Калимера! Good morning!

Вслед за ней появился Костакис:

– Жанна! Рад видеть вас в моём скромном заведении. У меня закончился приём, предлагаю вместе пообедать.

Он повернулся к красивой женщине:

– Присоединишься к нам, Павлина? Приглашаю.

Женщина что-то ответила по-гречески и ушла, приветливо помахав на прощанье рукой.

– Жаль, торопится, – сказал Костакис. – Павлина – известный на Кипре юрист. Тоже интересуется пластикой.

– Суперженщина. Я думала, артистка. Мне бы так в будущем выглядеть, когда пятьдесят стукнет, – затараторила по-английски Жанна.

– Павлина постарше. Следит за собой. Да и природа одарила её щедро: и внешностью, и здоровьем. Но что-то подправить никогда не помешает.

После обеда подружки вернулись в отель. Стояли на веранде и делились впечатлениями о поездке в Лимассол. Костакис обещал снять офис в «Olimpic residence», новом современном жилом комплексе на Sea front в районе набережной, где проживает обеспеченная публика. В общем, всё складывалось как нельзя лучше, о чём Жанна с восторгом сообщила по телефону Марку.

– Гульнём сегодня вечером, подруга! – объявила Жанна. – Ресторан, шампанское. Может, кого-то из знаменитых мужиков зацепим?

– А я красные туфли на высоченных каблуках привезла! И платье серебряное! – подхватила Нина.

– Нинок, смотри, какой мужик классный в шортах! Вон, вон смотрит в нашу сторону!

Мужчина в белых шортах и широкополой синей шляпе стоял у бассейна с бокалом в руках.

– Нина, так это... это... он в фильме «Титаник» снимался. Леонардо зовут!

– Ди Каприо!

– Он самый!

– Ошибаешься, подруга. Ди Каприо не больше сорока. А этому под шестьдесят.

– Какая разница! Всё равно душка. Смотри какой – высокий и стройный.

Мужчина приветственно помахал им рукой и отправился ко входу в отель.

Десять дней отдыха пролетели как один день. Днём на пляже, купались и загорали. А вечерами, после ужина, сидели в баре, пили коктейли, шампанское или просто чай. Слушали музыку. Высматривали интересных мужиков. Да, высматривали, а что тут скрывать? Давешнего Ди Каприо нигде не было видно. Понятно, не Ди Каприо он, ну и что? Всё равно мужчина видный.

– Слушай, где этот Леонардо в шортах? Как сквозь землю провалился! – не выдержала как-то Жанна.

– Утонул, наверно, – безразлично ответила Нина.

– Ты что, Нина! Такие мужики не тонут! Забурился где-нибудь и гуляет.

– Нам-то он на фиг нужен! Как и мы ему.

И вдруг этот самый Ди Каприо появился и прямоком к бару. В белом костюме с синей бутоньеркой в петлице. Джентльмен! Не первой молодости, но красавец-мужчина. Конечно, он сразу заметил подружек. Разве можно не заметить таких дам в элегантных вечерних платьях?

– Добрый вечер, девушки! Как приятно опять встретить вас! – произнёс мужчина по-русски, приложив правую руку к сердцу, и добавил: – Меня зовут Леонардо!

Нина чуть не поперхнулась коктейлем:

– Ди Каприо?

– Заметили сходство? Нет, я – Лучанский!

– Блюменталь, – Жанна протянула руку, при этом губы её вытянулись трубочкой, явно готовясь к поцелую.

Нина не выдержала и пнула её под столом ногой.

– А это моя подружка Нинель! Знакомьтесь, – добавила Жанна, изобразив на лице приветливую улыбку.

Леонардо не смутился, приложился губами к Жанниной ручке, не отрывая взгляда от лица. А Нину переспросил:

– Нинель, а как мадам Блюменталь зовут?

– Ой, простите, я – Жанна! – тут же отреагировала подружка.

Леонардо оказался учтивым и весёлым московским бизнесменом. То ли торговец химическими удобрениями, то ли металлами. У него офис в Монте-Карло. Он откровенно пялился на Жанну и оказывал ей всяческие

знаки внимания. Та, узнав, что у Леонардо свой бизнес в Монако, тоже не сводила с него глаз. Потом Леонардо пригласил девушек в «Юлий Цезарь», казино в Пафосе.

– А не поздно ли приличной девушке в одиннадцать вечера ехать? – засомневалась Жанна.

– Что вы, Жанетта! В самый раз! А потом, приличные девушки приносят удачу азартным игрокам. А я – азартный игрок, намедни проиграл двести тысяч евро. Может, поможете несчастному отыгратья?

И Жанна с явным удовольствием согласилась помочь. Нина же наотрез отказалась.

Нина стояла на балконе своего номера и думала о несправедливости судьбы. У Жанны и так всё есть, и вот на неё целый вечер пялится московский олигарх. Сто лет он не нужен Нине, но обидно же! Накачанная ботоксом Жанна при муже, хорошо устроена, и вот на тебе! Чёрт с ним, с этим Леонардо! Потёртый старый кот. Но всё равно обидно. Чем Нина хуже Жанны? Скорее всего, наоборот, лучше – естественная брюнетка! Свободная. А Жанна даже не скрывала, что она замужем. Тут же выложила всё Леонардо: о муже – пластическом хирурге, о панамском филиале клиники, о намерении открыть бизнес на Кипре.

Небо было усыпано яркими звёздами, маленькими и большими. Праздник огней! В сравнении с небесным звёздным миром тёмное море казалось чужим и опасным. Где-то далеко – один тусклый огонёк. Может быть, рыбацкая шхуна? «А плевать на всё! – подумала Нина. – Жанна заводная, вот мужики и липнут к ней. Пусть развлечётся немного. Лишь бы не попала в какую-нибудь историю. С неё станется». При этой мысли она уснула и проспала до шести утра. Её разбудил звонок:

– Нина, зайди ко мне! Прошу, зайди сейчас же! Не могу оставаться одна! – кричала Жанна.

– Я сейчас! Бегу!

Что опять произошло со взбалмошной подругой?! Проигралась в казино? К удивлению, Нины подруга встретила её весёлая и счастливая. Номер был завален

цветами. Цветы были везде: в кресле, на подоконнике, на кровати. Жанна была в том же вечернем платье, но со сверкающей бриллиантами диадемой в волосах.

– Нинуся! Я выхожу замуж за Леонардо! Он сделал предложение.

– Как? Ты ведь замужем! За Блюменталем.

– Нинок, да мы легко разведёмся с Марком. Леонардо всё устроит. Подпишем брачный контракт. Будет роскошная свадьба на Кипре и в Монако. Леонардо всех знает. Он уже договорился с Павлиной, она составит контракт. И доктора Костакиса знает, он согласился быть свидетелем у нас на свадьбе.

– Жанна, ты что такое говоришь? Разведись вначале с Марком! Может, он ещё не даст тебе развод? Может, Леонардо передумает на тебе жениться?!

– Не говори так! Леонардо не передумает! А Марка я оставляю тебе. Я видела, как он на тебя смотрит. Помню, помню, как он в ресторане под столом твою коленку гладил.

Нина смутилась. Вот это да! До сих пор молчала! А каков напор! За одну ночь охотунала олигарха. Она ничего не сказала, только обняла Жанну и расплакалась.

Что взять со взбалмошной подруги? А Жанна – барышня непредсказуемая! Глядишь, в следующий раз выйдет замуж ещё за какого-нибудь покемона!

Манана – чистая душа

Новый посетитель сразу понравился Кристи. Как только она увидела его входящим в таверну, тут же подскочила к нему:

– Калиспера!

– Добрый вечер, – ответил мужчина по-английски. –

На веранду можно?

У него был какой-то странный акцент.

– Пожалуйста. Но там нет кондиционера.

– А мне без разницы, – ответил мужчина и прошёл вперёд, как будто он здесь уже бывал, хотя Кристи видела его впервые.

Достоинством этого маленького неприметного кафе «Ностальгия» считалась большая веранда, выходящая в сад. Здесь не слышен шум улицы, обстановка уютная: покрытые белыми скатертями столики, цветущие кусты роз, деревья – лимонные, оливковые, апельсиновые. Лето было довольно жарким, и сейчас, в конце сентября, жара ещё не совсем спала. Посетители кафе сидели в зале с кондиционером.

Отказавшись от винной карты и меню, приятный гость сразу сделал заказ:

– Бутылку белого вина и фрукты.

– Какое вино вы хотели бы?

– Не важно. Сама выбери.

Кристи отправилась выполнять заказ, но её не покидало любопытство. Довольно симпатичный мужчина среднего роста и лет не старше пятидесяти. Чёрные как смоль волосы, глаза – карие. И говорит с красивым акцентом. Итальянец! Нет-нет, итальянские мужчины не такие, они экспрессивные. А этот какой-то сам в себе. Невесёлый, даже, можно сказать, угрюмый. И разве италья-

нец останется безразличным к хорошенькой девушке? А Кристи была хорошенькой и знала это. Русоволосая, с короткой стрижкой, чуть-чуть курносая задорная милашка с большущими серыми глазами. И пофлиртовать с клиентом она не прочь, если мужчина симпатичный.

Кристи выбрала самое дорогое французское вино. Но гость не оценил её выбор, даже попробовать не стал. Сидит в одиночестве и сосредоточенно смотрит вдаль. Что он там видит? Обычный кипрский ландшафт. В свете огромной полной луны – холм и белые виллы на нём, небо усыпано звёздами. Возможно, мужчина ждёт друзей, чтобы вместе поужинать?

Кристи принесла гостю фирменные бутерброды на шпажках и поставила блюдо на стол. Мужчина устало посмотрел на неё:

– Я не заказывал!

– Это от шефа, канapé, – улыбнулась Кристи, – в подарок гостю. У нас принято.

– Спасибо. Хорошо. Оставьте.

Гость был неразговорчив, но девушка решилась:

– Можете звать меня Кристи. Горячее будете заказывать? Или вы ждёте друзей? А можно мне к вам обратиться по имени?

Он взглянул на неё, слегка улыбнулся и сказал вдруг по-русски:

– Я – Георгий. Спасибо, Кристи! Мне больше ничего не нужно. Если потребуется, я позову вас.

– Ой, так вы – русский?

– Нет, не русский. Но язык знаю. Не много ли вы на меня времени тратите?

– Извините, – тихо сказала Кристи и с сожалением покинула Георгия.

А что ей оставалось делать? Она с удовольствием постояла бы рядом со столиком, поговорила бы с гостем, но он не настроен общаться. Кристи нет-нет да и поглядывала в его сторону через стеклянную дверь веранды, а иногда даже подходила и стояла невдалеке от него, у двери. Но суровый мужчина сидел, уставившись на предмет,

видимый только ему одному. Кристи могла минут пять простоять на веранде, ожидая, что он обратит на неё внимание, но пустынный взгляд мужчины не замечал никого.

В какой-то момент Кристи увидела, что Георгий вдруг резко привстал, наклонился вперёд, словно всматриваясь во что-то. Она никак не могла понять, что его заинтересовало. Возможно, луна? Она поднялась выше в небе, стала ещё больше, чем в начале вечера, и продолжала поливать бледным светом землю и всё те же неизменные белые виллы на холме.

Георгий вышел в сад. Кристи хотела спросить его, не нужна ли помощь. Хотя чем она может ему помочь? Пусть вначале скажет, что нужно. Её мысли прервал голос управляющего:

– Кристи, что ты там застряла? Подойти к угловому столику.

– Иду, – с неохотой заторопилась Кристи.

А Георгий наблюдал за женщиной, появившейся на балконе одной из вилл. Его лицо тронула улыбка, губы что-то шептали. Это уже был другой мужчина. Теперь угрюмость отступила, и казалось, что он чему-то рад.

Женщина на балконе стояла неподвижно, возможно, она рассматривала звёздное небо. Силуэт её фигуры в белом платье чётко просматривался в лунном свете. Георгий достал из нагрудного кармана телефон и ещё раз прочёл сообщение. Он получил его сегодня в аэропорту, когда автобус уже подъезжал к трапу самолёта. Как и тогда, слова ещё раз выстрелили в него: «Георгий, твоя жена сегодня вечером встречается с любовником! 20.30. Кафе “Nostalgia”». Сейчас ровно восемь вечера. Что дальше? Отправится на свидание или останется дома? А если уйдёт всё-таки из дома, значит, их встреча здесь? Как можно поверить, что у его Мананы любовник, какой-то другой мужчина? Немыслимо! И всё же червячок сомнения точил душу. Ведь эта ситуация – бомба под их семейное житьё-бытьё.

Не смог он просто сесть в самолёт и улететь. Терзал бы себя мыслями. Лететь долго: до Киева, потом, после пересадки, – до Харькова. Конечно, он мог позвонить;

Манана – чистая душа, доброе сердце, верная жена. У них двое взрослых детей: сын и дочь. Почему он не позвонил? Манана не смогла бы ему соврать. Он её любит, и она его любит. Как он мог в такую чушь поверить?! А теперь из сада таверны подсматривает за своей собственной женой, которая почти рядом, на балконе их дома, и не кажется, что она настроена куда-то бежать.

Но что это? Манана подносит телефон к уху. У него внутри всё перевернулось. Ей звонят? Она звонит? Неужели всё правда и сейчас его жена говорит с тем, другим? Зазвонил мобильник Георгия.

– Да, слушаю, – ответил он машинально.

– Георгий, ты уже долетел? Где ты, дорогой?

– В Киеве.

У него срывается голос. Врать неприятно.

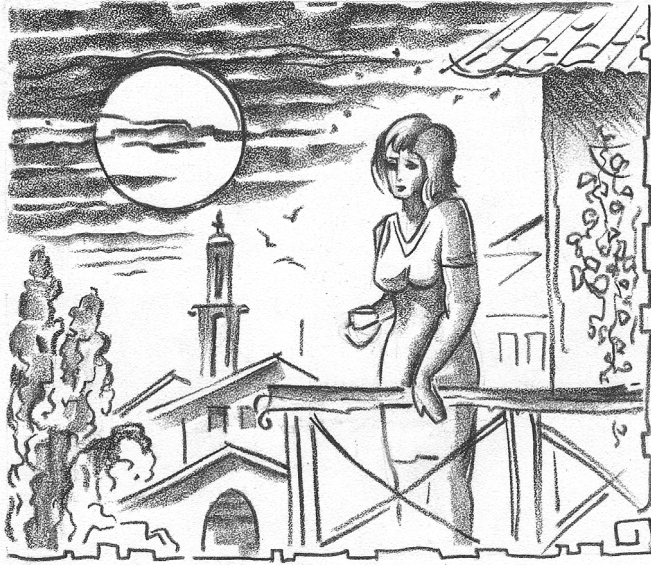
– Что с тобой, Георгий? Ты не заболел? Когда в Харьков?

– Манана, со мной всё нормально. Люблю тебя! В Киеве задержусь на два дня. Я позвоню тебе завтра вечером.

– И я тебя люблю, Георгий. Целую. Пока.

Манана отключила телефон, но осталась на балконе. Какая красота вокруг! В Харькове дожди, а здесь божья благодать. Слава богу, Георгий уже прилетел в Киев. Такое тревожное время. На работе места себе не находила, ждала с нетерпением, когда, по её расчету, самолёт приземлится в Киеве. Вернулась домой – и сразу на балкон, чтобы сбить тревогу в душе. Это небо, эти звёзды – они всегда её успокаивают. «В воскресенье поеду в монастырь Святого Георгия и поставлю свечку», – решила она. Как ещё оградиться от напастей сего мира? Её муж под защитой Святого Георгия.

В душе наступило умиротворение, тревога отошла, но не совсем. Над ней, над Кипром, над всем миром довлеет зло – гибель россиян в самолёте над Синаем, расстрелы людей в Париже; ей кажется, что Кипр – в эпицентре этих событий. Где, как и что ещё может случиться? Невозможно быть полностью счастливой, когда такое происходит.

На Украине неспокойно, а там их дом, родня, друзья, знакомые. Так получилось, что она, грузинка, приехала после школы поступать в Харьковский медицинский институт. Поступила и тут же встретила армянина Георгия (он старше её – уму непостижимо! – аж на десять лет!), влюбилась и вышла за него замуж. Родители Георгия, армяне, когда-то тоже познакомились в Харькове, и этот город стал для них родным. Здесь родились их с Георгием дети. Любимый город! Как ей не хотелось уезжать на Кипр, но муж настоял, купил дом и отправил её и детей сюда. И вот уже два года они в Лимассоле, а Георгий – в Харькове. Один. Зарабатывает там, семью обеспечивает. Здесь бывает наездами.

Конечно, ей хотелось бы вернуться в Харьков, но... Манана прогоняла такие мысли и запретила себе дальше рассуждать на эту тему. Сын уехал в Армению на свидание с девушкой, хочет привезти её на Кипр и жениться. Дочь отпросилась в горы, к подружке. Муж улетел, и, к счастью, его самолёт уже приземлился. Конечно, она тоже может поехать к друзьям мужа в гости – здесь боль-

шая армянская диаспора. Грузин поменьше, хотя, впрочем, выходцев из Грузии – понтийских греков тоже много. А в косметическом салоне, где она работает, девушки в основном из Украины, хотя хозяйка Лена – русская. В Лимассоле и шагу не ступишь, чтоб не услышать русскую речь. Всё-таки хорошо, что она живёт на Кипре! Народ – терпеливый и дружелюбный.

Манана заварила чай и уютно устроилась на балконе. Включила музыку. Приятный баритон запел о любви.

Как восхищают ваши речи!
Тону в мерцанье ваших глаз.
Спят улыбка, руки, плечи!
Какой ваятель создал вас?

Какие силы вами движут,
Когда душа вся на виду?
Вы мне становитесь всё ближе,
Без вас и с вами пропаду!

Какие слова! Для кого эти слова предназначены? Этот диск с песнями сегодня ей подарил какой-то московский чудак. Делала ему массаж лица, так после комплиментами засыпал. А при прощании вручил ей подарок и попросил послушать именно этот романс. Девчата высыпали из кабинетов, чтобы посмотреть на весёлого дядечку. А Лена ещё и пошутила:

– Как вам массаж у Мананы? Понравился?

– С Мананой всегда хорошо, – ответил дядечка, с восторгом глядя на неё, Манану.

Всего второй раз на массаже, а уже шуточки отпускает. Сколько ему? Под шестьдесят?

«Без вас и с вами пропаду...» – запела, улыбаясь, Манана и пошла в ванную. Из огромного зеркала на неё смотрела женщина средних лет, о которых говорят «сорок пять, баба ягодка опять». Большие чёрные глаза, чёрные брови вразлёт, и главное – улыбка, открытая и белозубая. Она задорно подмигнула своему отражению

в зеркале. Видел бы Манану такой весёлой и беззаботной сейчас муж. Что может сделать музыка с хорошенькой женщиной? Особенно если соответствует её романтическому настроению? Женщина становится чертовски привлекательной, неотразимой!

Георгий простоял в саду всё время, пока Манана пила чай на балконе и слушала музыку. Приходила и уходила Кристи, а он её не замечал. Его душа словно освободилась от гнёта сомнений. Это сообщение о свидании в таверне с другим мужчиной – глупая шутка кого-то из знакомых. Он смотрел на Манану и радовался, но его радость омрачало то, что он поверил телефонному посланию, пропустил самолёт и сейчас сидит в этом кафе, словно охотник в засаде. Потерял кучу денег и времени. И ещё соврал, что находится в Киеве!

Его мысли прервала Кристи:

– Георгий, вы знаете эту женщину на балконе? Я часто её вижу вечерами, сидящую в одиночестве.

– Очень романтическая картина: ночь, звёзды, луна и женщина. Я засмотрелся. А вы, Кристи, не знаете, кто она?

– Нет, не знаю. Я иногда думаю: почему она одна?

– У вас, Кристи, имя красивое!

– Так я – Хрыстя! Из Львовской области. Киприоты переименовали имя на свой лад, а мне нравится. И привыкла уже.

– Эх, Хрыстя, не будь я женат, обязательно поухаживал бы за вами. Вам очень идут эти ямочки на щеках.

– Ой, скажете такое, – засмеялась девушка.

Утром следующего дня Кристи проводила Георгия в аэропорт.

В самолёте он думал о том, как переменчиво всё в этом мире: высокое сменяется обыденным, трагичное соседствует с курьёзным. И любовь, как река, начинаясь с ручейка, весело бегущего по камушкам, в горах превращается в бурный, всё сметающий на своём пути стремительный поток, а достигнув равнины, величественно и спокойно продолжает свой путь.

Магия карминных парусов

То-то будет хорошо, то-то будет весело...

В.А. Пронин

Липкий горячий воздух сразу же окутал его, как только он вышел из метро. Июнь месяц, а такая жара, что асфальт плавится под ногами! На небе – ни облачка. Температура за тридцать, дышать нечем – сплошные выхлопные газы. На кой чёрт он поехал из своей Немчиновки в Москву?! И в Немчиновке не сахар, но всё-таки – свой дом, под деревом можно посидеть в тенёчке. Вспомнил кота Иннокентия, который, как только выходишь во двор, тут как тут – появляется словно из-под земли и начинает тереться об ноги. Приблудный, пришёл из ниоткуда ещё котёнком, тощим и умирающим. Откормил заморыша, и вот он в какого красавца вымахал! И преданности беспредельной, в отличие от некоторых друзей. Сколько их вокруг, а случится что, так вмиг разбегутся. Останутся человека два-три таких же, как и он, неприкажных. Так не раз уже было. Как выпить, так вместе, как помочь отмахнуться от «акулы пера» из подворотни, так пустота вокруг тебя.

Мужчина среднего роста с довольно угрюмым лицом шёл по Большой Никитской в сторону центра. Ему нужно было добраться до издательства. Идти – всего ничего, но сейчас! Лицо покрылось испариной, то и дело приходилось вытирать лоб большим клетчатый платком. Он – писатель, только что закончил новый роман и спешил на встречу с издательницей Алёной. Несколько его книг Алёна уже выпустила. Увесистый пятитомник «Деревянный кинжал» – его гордость и радость. Мысли, записанные на полях ранее изданных книг! Это вам не цацки-печки. По-

ловину жизни растратил на них, на эти мысли! И о чём книга? О времени, о товарищах, о друзьях и недругах, о жизни прекрасной и невыносимой? Книга обо всём и ни о чём. В ней – его постоянные беседы с самим собой. Иногда во сне что-то приходило, вскакивал и тихонечко отправлялся на кухню, бывало, и в одном тапочке, чтобы успеть записать, иначе уйдёт мысль, и ищи-свищи, что ветра в поле. Не думал он, что эта книга появится! Ан нет! Алёна уговорила кого надо, убедила его самого, убедилась сама, и – вперёд, пошли-поехали к читателям. В этот раз особо не надеется, что роман легко увидит свет. Но надежда живёт! Может, Алёна изобретёт очередной велосипед? Помогут издать за его счёт или спонсоров найдут. Может, и найдут. Но тираж будет не больше, чем пятьсот экземпляров. Спрашивается, кому это надо? Библиотеке имени Ленина? Издательству? Писательской конторе? Ему – Алексею Викторову – это надо! Конечно, литература – ещё тот бизнес. Миллионером не станешь, но что-то можно заработать, если... Ох, как много этих «если»! Если спонсор солидный найдётся и даст денег на издание книги. Если сценарием на основе романа заинтересуется известный режиссёр. Можно какие-то авторские получить. Если грант кто-то даст. Например, правительство Москвы. Могут, могут они это сделать, но предварительно долго будут всматриваться в текст своей подзорной трубой и указывать, как надо писать. Да и толку от их гранта! Вот вышел у него недавно сборник рассказов, которые полжизни писал, а его долго нигде не издавали. В советское время не печатали, потому что считали неформатом, в постеперестроечное – потому что никому и ничего не нужно было, кроме самих участников криминальных историй. И сейчас книга появилась только благодаря Алёне – ей удалось выбить этот художочный грант из чиновников мэрии! Деньги – копеечные, тираж – мизерный. Не разживёшься. Но книга-то издана, можно её в руках поддержать, кто-то почитает. «Литературка» отметилась доброй заметкой. Премий и дипломов навручали – не сосчитать! А зачем они? У него

за всю писательскую жизнь собралось столько всяких этих бумажек-деревяшек, что музей можно открывать. А вот деньги редко к ним прилагались.

Когда ты при деньгах, много что становится доступным. В Нижнем буфете в Доме литератора можно посидеть с друзьями. Зайдёшь этак в буфет и небрежно скажешь Насте, буфетчице:

– Пару шампанского, бутылку «Столичной». И закуску на четверых. Сама знаешь, сооруди что-нибудь.

– Новый роман? Поздравляю, Лёша, – скажет всё понимающая Настя.

Виктор, друг настоящий, подойдёт, Юра Леший да ещё несколько маститых.

«То-то будет хорошо, то-то будет ладно...» – вспомнил классик. Он любил эту прибаутку. Ещё его отец повторял её, когда что-нибудь хорошее случалось в жизни и ожидалось, что вся родня соберётся за одним большим столом.

– Алексей Викторович! Алексей Викторович! – послышалось с другой стороны улицы.

Хотя в последние годы появились проблемы со слухом, но этот звонкий женский голос невозможно было не услышать. Повернул голову и увидел... Таню из Коктебеля. И тут же кинулся к ней напрямиком через дорогу.

– Танюшка, я сейчас! Иду, иду!

– Ой, Алексей Викторович, осторожно! Машины! Осторожно!

И вот он уже обнимает Таню Сонг. Сколько же он её не видел?! Лет десять, не меньше. Говорили, что Таня вышла замуж и уехала в Америку. И вдруг она здесь! Ослепительно красивая! Может, ещё более красивая, чем была в двадцать лет.

– Таня, как ты здесь? Откуда? Где ты сейчас?

– Я вас ищу. Вот пришла в Дом литератора поспрашивать, где можно вас найти. В Нижний буфет заглянула. Сказали, что бываете. И такая удача! Вышла на улицу, а вы на другой стороне!

– Так ты же вроде в Америку уезжала? И что, вернулась?

– Ой, Алексей Викторович! В двух словах на ходу не расскажешь. Мне очень нужно с вами поговорить. Я сейчас бегу в банк. Деловая встреча. Давайте в Нижнем буфете вечером встретимся. Часиков в семь?

И он с радостью согласился.

Тогда, в Коктебеле, ему было пятьдесят, а ей двадцать. Он в очередной раз прилетел в Крым, чтобы писать роман. Первым делом вышел на бульвар прогуляться и обдумать сюжет. В голове – пусто, никаких мыслей, но не зря говорят: «Поставь подсвечник, а свеча сама найдётся!» Для него подсвечник – стакан красного сухого вина. Выпил не спеша, с наслаждением, всматриваясь в гуляющий праздный люд, и отправился в гостиницу. На бульваре базар жизни: продают, покупают, пьют вино или сок, едят чебуреки. Уже стемнело; звёздное небо, светящееся море, запахи еды, цветов, духов. Он шёл и представлял себе, как заправит в свой старенький, но надёжный «Ундервуд» чистый лист бумаги и напечатает первую фразу – возможно, об этом вечере? Он был убеждён, что с этой первой фразы начнётся жизнь героев его романа, о которых он раньше ничего не знал. Они будут разговаривать, пока неизвестно о чём. Появится интрига. Скорее всего, они, эти ещё неизвестные ему герои, станут плести сети из собственной хитрости и чьей-то глупости. Интрига обязательно будет! Поскольку роман намечается с криминальным уклоном, то возможны неожиданные повороты и всякого рода ложные заходы, чтобы читатель не скучал. Они, эти будущие герои его романа, станут навязывать ему самих себя. Он даже в какой-то мере вынужден будет им подчиняться. Так уже было, и так, он уверен, будет снова. Впереди неизведанная жизнь, и он, Алексей Викторов, станет и творцом, и рабом этой жизни. «Это как в сексе, – засмеялся он своим мыслям, – процесс важнее результата. Когда ставишь последнюю точку, то приходит грусть».

В парке писатель свернул на известную ему с прежних лет неприметную тропинку и вдруг услышал тихие всхлипы на соседней аллее: подумал, что скулит брошенный

щенок. Алексей был жалостливым от природы и с детства очень чтил кошачью и собачью жизнь. Не задумываясь, он кинулся через кусты на звуки плача. Уже подходя ближе, сообразил, что так безнадежно-жалостливо и очень тихо плачет женщина. Словно не хочет, чтобы кто-то услышал её плач, но и не может сдержать рыдания.

На скамейке сидела худенькая девушка, почти подросток, в какой-то неестественной позе, словно ёжик, свернувшийся в клубочек.

– Извините. Я могу чем-то помочь? Что случилось?

Девушка резко распрямилась и испуганно посмотрела на него:

– Я ничего не делаю плохого. Я просто сижу!

Свет отдалённого фонаря падал на неё, и Алексей увидел блестящее от слёз лицо с раскосыми глазами, чёлку тёмных волос. Он какое-то время после института жил на Сахалине, где после войны осталось много корейцев. Подросло новое поколение – красивые парни и девушки. Как-то, добираясь на теплоходе из Корсакова в Холмск, он познакомился с молодой корейкой Наташей. Она ехала к своему жениху. Они проговорили целую ночь, и он готов был продолжать разговаривать с ней всю оставшуюся жизнь. Но, видно, на небесах было запланировано по-другому. Наташа рассказала, что была сосватана родителями за корейского парня и не могла их послушаться. Жених, боцман с рыбацкой шхуны, встретил Наташу в порту и увёз на подержанной японской машине. Алексей больше никогда не встречал Наташу, но забыть её не смог. И вот опять перед ним корейская девушка, так далеко от Сахалина. «А может, это Наташа?» – пришла сумасшедшая мысль. И он неожиданно для себя спросил:

– Как тебя зовут?

– Таня, – ответила девушка. – А что?

– Помочь хочу тебе. Меня Алексеем зовут. Что с тобой стряслось? Почему плачешь?

– Из Москвы я. Учусь в Литературном. Приехала музей Волошина посмотреть. А у меня всё украли. Всё-всё: документы, деньги. Как я теперь домой доберусь?

«Крадут у дурочек, – пришла первая мысль в голову Виктора. – Или сама воровка?»

Таня рассказала, что, окончив школу, приехала из Южно-Сахалинска в Москву и поступила в Литературный институт, уже на третий курс перешла. Долго копила деньги на поездку в Крым. Мечтала об этом ещё со школьной поры.

Тогда они целую ночь проговорили в парке на скамейке. Из гостиницы Таня уже съехала, а пригласить её в свой номер он не решился. Можно было дать вахтёрку, чтобы он пропустил их, но Алексею не хотелось повторять с Таней стандарты общения с другими женщинами. Не тот случай! Это почему же? Кто она? Аферистка? Персонаж его будущего романа? Но он видит другое: чистая и романтическая натура, третьекурсница Литературного института. Умная. Любит стихи Максимиана Волошина. Наизусть читает:

По ночам, когда в тумане
Звёзды в небе время ткнут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.
Я ловлю в мгновенья эти,
Как свивается покров
Со всего, что в формах, в цвете,
Со всего, что в звуке слов.

– Поэзия Волошина – кружева из слов и чувств, – сказала тогда она. – Как бы я хотела какое-то время пожить в Коктебеле! Побродить в горах, где поэт когда-то ходил.

...Передо мной желанный Крым,
Не просто Крым, а Коктебель, –
В предгорье вижу лёгкий дым
И слышу тихую свирель.
Отары призрачных овец,
Как тени, бродят в складках гор.
Бредёт задумчивый певец

И к небу обращает взор.
Брожу и я в седых горах,
Руками трогаю польнь.
С укором смотрит Кара-Даг,
И отступает в море синь.

– Это твои стихи, Таня? – удивлённо спросил он.

– Нет, это современный поэт. Я не поэт. Я хочу стать литературным критиком. Мне нравится представлять мир поэта, догадываться о том, что напрямую он не высказал, что спрятано в образах, метафорах, между строк. Я люблю поэзию загадочную, романтическую, с неожиданными поворотами сюжета. Я люблю, когда в маленьком стихотворении сказано очень много, когда можно представлять сказанное. Когда в стихах жара и прохлада, дождь и мороз. Когда кажется, что со мной это уже было, или хочется, чтобы со мной это тоже было. Вы понимаете меня? Вслушайтесь в стихотворение Волошина, в нём эпоха, в нём Россия, в нём – о том, что мы никогда не сгораем, что мы как та неопалимая купина:

...Реки вздувают безмерные воды,
Стонет в равнинах метель.
Бродит в точиле, качая народы,
Русский разымчивый хмель.

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина.

Зная повадки карманников, Алексей предположил, что её документы они должны были выбросить где-то поблизости. Когда рассвело, он тщательно обследовал территорию парка и недалеко от скамейки, приютившей их на всю ночь, нашёл паспорт девушки и пустую сумочку. Это уже была удача. Забежал в гостиницу, взял деньги, которые приготовил на свою скромную писательскую

жизнь в Коктебеле, и отвёз на такси новую знакомую в аэропорт.

На прощание дал ей номер своего московского телефона, взял адрес её общежития. Потом в течение месяца часто возвращался мыслями к этой удивительной девушке. В чём-то наивной и беззащитной, но когда дело касалось поэзии, то она преображалась: становилась уверенной в себе и не по возрасту рассудительной.

Время течёт неумолимо, истёк и срок пребывания Викторова в Коктебеле. Новый роман почти завершён, но неожиданный звонок из Москвы спутал карты. Ему предложили написать сценарий фильма! За основу предлагали взять старую повесть «За всё надо платить». И пришлось ему задержаться в Крыму ещё на месяц. Сценарий удался на славу, через год под другим названием на экраны вышел фильм с очень известным артистом в главной роли. Но эта задержка с возвращением в Москву стоила ему дорого: он потерял Таню. В общежитии её не было, сказали, что она бросила институт. До него дошли слухи, что она вышла замуж за американца. Так ли это?

И вот встреча, спустя десять лет после той ночи на скамейке в парке.

Остаток дня он волинил, сидя в кабинете Алёны. Пили кофе, беседовали о возможности получения гранта для издания новой книги. Алёна дала ему рукопись неизвестного поэта и попросила высказать своё мнение о стихах. Он читал, недовольно морщился, когда наткнулся на банальности и неточности.

– И каково ваше мнение? – спросила в конце дня Алёна.

Он помолчал. И, тщательно взвешивая каждое слово, сказал несмело:

– Я бы поправил.

– И я бы поправила, – сказала Алёна, вздохнула и убрала рукопись в стол.

Договорились, что его новый роман будет выпускаться небольшим тиражом, а параллельно Алёна будет пы-

таться заинтересовать книгой кого-нибудь из спонсоров. Потом он поговорил с Соней Барановой, выпускающим редактором издательства, молодой и очень приятной женщиной.

Всё это время, пока он находился в издательстве, беседовал с Алёной и Соней, пил чай, читал чужие стихи, вялые и безликие, он не переставал думать о Тане, внешне возникшей из небытия.

Вместо наивной и влюблённой в поэзию Волошина девчонки он увидел уверенную в себе и, видимо, знающую цену своей красоте женщину. Кто она? Что он знает о ней? Время изменилось, он сам изменился. Страшно подумать: ему уже шестьдесят! Ей тридцать. За последнее время он довольно сильно сдал. Мало улыбается. И много ещё чего, что пришло к нему с возрастом. Вовсе не потому, что он мужчина, а оттого, что остался один на один с героями своих повестей и романов. Старость приходит и к женщинам, но некоторые дамы и в шестьдесят помнят, как крутить хвостом. Может, он, Алексей Викторов, уже настолько стар, что не понимает изменившихся правил, по которым живёт мир? Чёрт его знает, что это такое, когда два мужика регистрируют брак! А он боится встречи с молодой и красивой женщиной, которая младше его в два раза. А ведь из-за неё он десять лет назад развёлся с женой и с тех пор живёт вдвоём с котом Иннокентием в большом доме в Немчиновке.

Измученный ожиданием, Викторов пришёл в Нижний буфет пораньше. Выбрал столик слева в углу. Хоть какое-то уединение. Подошёл Леший, так в шутку называли приятели бородатого поэта Кукрова.

– Приветствую, Алексей! Хорошо, что ты здесь. Давно мы с тобой не сидели вдвоём.

– Прости, Юра! И сегодня не получится. Занят я. Очень важная встреча. Женщину жду. Десять лет не виделись.

– Понимаю. Всё понимаю, – видно было, что Юра обиделся.

И тут появилась она! Таня. Причёсана на японский манер: волосы стянуты синей ленточкой с огромной зо-

лотистой заколкой. Глаза – широко расставленные, с восточной косинкой. Юра чуть не выронил бутылку с пивом, увидев Таню! Повернулся к Викторову и тихонько показал ему поднятый вверх большой палец.

Викторов пытался предложить стул, как-то неуклюже расшаркался, но Таня сказала:

– Алексей Викторович, а давайте перейдём наверх, в ресторан. Там нам удобнее будет говорить. Я уже заказала столик.

– А что? Пойдём, – внутренне радуясь, что одолжил сегодня у Алёны деньги, согласился Викторов. – Только, чур, я приглашаю и я плачу за ужин. Не обижай отказом.

И вот они сидят за столом и смотрят друг на друга. Откуда-то появилась ваза с букетом карминных роз. Хотя они пока ничего не заказывали, но на столе – два бокала с шампанским.

– Алексей Викторович, дорогой мой, я так рада, что вас нашла. Я сегодня прилетела в Москву – и такая удача! За нашу встречу!

– За встречу! Неожиданно и чертовски приятно, – улыбнулся Викторов.

Шампанское, фрукты и ничего больше. А они говорили и говорили. О чём? Ослепительно красивая молодая азиатка заливисто смеялась каким-то словам Викторова. Это был не тот Викторов, которого многие коллеги по писательскому цеху привыкли видеть в Нижнем буфете, хотя и там он привлекал к себе внимание не только приятелей-друзей, но и многих женщин, особенно поэтесс. А почему бы женщинам не благоволить к Алексею Викторову? Видный мужчина, мэтр литературы, прекрасный собеседник! Когда сбросит с лица маску озабоченности и станет самим собой, Лёшей из Немчиновки, то мало какая женщина удержится, чтобы не улыбнуться в ответ на его взгляд. Вот и в тот вечер за столиком ресторана в Доме литераторов рядом с восточной красавицей сидел молодцеватый писатель с благородной седой бородой. Впрочем, не будем завидовать «классикам» из Нижнего буфета, а будем завидовать Алексею Викторову и его молодой спутнице.

Алексей Викторов как-то затерялся с того дня. Мне ни разу не удалось встретить его ни в писательских коридорах, ни на творческих вечерах. Исчез, испарился. И даже Алёна ничего конкретного не могла сказать, только как-то загадочно улыбнулась, отвечая на мой вопрос, нет ли каких известий от Алексея Викторова.

– Работает, видимо. Может, проект новый.

– И не заходит в издательство?

– Так его нет в Москве.

Я подумал, что Викторов засел где-нибудь в Коктебеле, и ожидал, что скоро он удивит всех новым криминальным романом. Почему в Коктебеле? Потому что это юг, потому что это место, где он знает всех и все знают его. Потому что он любит этот самый Коктебель. А ещё потому, что Таня встретила его в Коктебеле. Давно уже он рассказал мне эту историю о своей встрече с девушкой в ночном парке. Помнится, я тогда ещё ему сказал, что такие встречи бесследно не проходят, они повторяются. Так природа устроена, всё в ней повторяется: зима, лето, возвращение птиц на родную землю. Любовь тоже повторяется, с другими героями, а если посчастливится, то в жизни двоих любовь повторяется много-много раз. Но это скорее исключение, чем правило. Жизнь ужасно скучна без таких исключений, без неожиданностей, без редких вспышек молний, без раскатов грома, без полёта над землёй, когда вдруг у человека вырастают незримые крылья. А всё остальное – рутина быстротекущего и оттого малоценного бытия.

Как-то ранней весной я прилетел на Кипр и поселился в довольно милом, без претензий на роскошь отеле «Елиас». Прекрасный песчаный пляж, парк, прогулочная дорожка, пирс. За те два года, что я не был в Лимассоле, много чего произошло. Несмотря на экономический кризис, недалеко от отеля появились современные виллы, выкрашенные в разные цвета, – целый комплекс. Особенно мне понравилась одна из них, с крышей под зелёной черепицей и с ослепительно белым фасадом. Мой старый знакомый Михалис сказал, что эта вилла принадлежит

очень эффектной даме азиатской внешности, говорящей по-французски и по-русски. А ещё ей якобы принадлежит парусная яхта. Капитан на яхте тоже из России, улыбочивый мужчина с сединой в бороде, довольно моложав и общителен.

– Михалис, откуда ты всё знаешь? Может, ты знаешь и как зовут этих людей из России? – спросил я неожиданно даже для себя – а вдруг?

– Почему нет! Их все у нас знают. Он – Алексей, а она – Таня! Очень добрые и уважаемые люди.

Меня как жаром обдало: неужели это Алексей Виктор и Таня? И почему она говорит по-французски? Виктор – капитан яхты? Нет, невозможно! Для этого надо иметь диплом! По крайней мере, пройти специальные курсы обучения. Где Алексей мог выучиться? За два года стать капитаном морской яхты! Даже мне, знающему морское дело, капитану дальнего плавания, чтобы управлять морской парусной яхтой, надо пройти курсы. А Виктор? Да его руки, кроме карандаша и клавиатуры пишущей машинки, ничего больше не касались. Писатель, и всё этим сказано! «Писатели создают виртуальный мир и живут в этом мире, – подумал я и тут же себя поправил: – А Хемингуэй?!» Потом стал вспоминать, что многие писатели были сильны тем, что жили настоящей жизнью и любили по-настоящему. Таких примеров великое множество.

На следующий день Михалис нашёл в интернете интервью с хозяйкой яхты Татьяной Сонг и капитаном Алексеем Викторовым. Мне захотелось встретиться с Алексеем, поехать непрошеным гостем к вилле, нажать кнопку звонка на воротах. Мой пыл остудил Михалис:

– Я предполагал, Алексис, что ты захочешь встретиться со своим другом, и захватил с собой старую газету. Смотри: вот на фото яхта твоих друзей и сообщение, что они первого мая 2015 года отправились вдвоём на ней в кругосветное путешествие.

– Михалис, нет пределов моей благодарности. Я так поражён этими новостями, что мне нужна, наверное, неделя, чтобы их осмыслить.

В интернете всё найдётся. И я нашёл сайт, где ежедневно сообщается о кругосветном походе яхты «Неопалимая Купина» под управлением капитана Алексея Викторова. Там же было цветное фото парусника: синий корпус, белая рубка. До чего же была хороша летящая под карминными парусами яхта!

«Господи, – подумал я, – что может сотворить с мужчиной красивая и умная женщина!»

Женщина может превратить обычного мужчину в рыцаря, в героя своей мечты. Вернее, мужчина ради женщины способен возвыситься над собой, перейти через горы, достигающие до небес, стать морским капитаном, отправиться в кругосветное путешествие под парусом, полететь к звёздам, и много-много чего ещё он может совершить ради её величества Женщины.

Больше месяца я следил за плаванием «Неопалимой Купины». Но когда яхта находилась в Южно-Китайском море, информация о ней на сайте перестала обновляться. Известно, что в морях Юго-Восточной Азии свирепствуют пираты, захватывающие суда ради выкупа. Где яхта? Куда судьба привела Алексея Викторова и его очаровательную спутницу Таню? Я не теряю надежды, что однажды он позвонит мне и скажет: «Привет, старик! А знаешь, я совершил кругосветное путешествие на яхте под карминными парусами».

То-то будет хорошо, то-то будет ладно.

Букет на пляже

Примерно в трёх метрах от кромки воды – холмик из песка, обложенный морскими камушками-голышами. Сверху красивый букет из белых роз.

Вчера рано утром вот на этом самом месте лежал мужчина. Вокруг столпился пляжный люд: крепкий молодой парень делал искусственное дыхание, кто-то подкладывал под голову лежащего валик из одежды. Никакой суеты. Пытались спасти несчастного. Утопленник? С чего бы в такое спокойное и ясное утро человеку тонуть на мелководье? А может быть, бедолаге стало плохо на глубине, у волнолома? Какая разница, что и почему! Наверно, уже вызвали скорую помощь, но до приезда врачей люди делают, что могут. Не зная греческого языка, я здесь лишний. Чтобы не глазеть впустую, пошёл дальше, вдоль моря, к огромному валуну, торчащему из песка, словно обломок гор Троодос. Я чувствую какой-то необъяснимый страх. Издалека валун похож на ярко-красный корабль, который уже неделю без движения болтается на рейде. Сегодня на корабле что-то происходит. К нему подогнали огромный плавучий кран, рядом платформа, катер. «Наверное, ремонтируют эту махину», – думаю я, сливаясь мысленно с кораблём. Из парка – нескончаемый щебет. Это вездесущие воробьи! Повезло птичкам родиться на Кипре. Ишь расчирикались! А ты попробуй почирикай в холодную подмосковную зиму, когда мороз за двадцать градусов и земля покрыта снегом. Где корм добудешь? А этим, кипрским, что? Лафа, а не жизнь! Диких трав с семенами полно даже на пустующих участках в городе. Конечно, надо ухаживать за землёй, скашивать бурьян и перепаживать землю. Но на месте скошенного бурьяна вскоре вырастет другой бурьян. Жизнь во всём

её многообразии и благозвучии! Всё живое приспособляется к временам года; цветёт, плодоносит и, исполнив своё предназначение, умирает. Но человек – не цветок. Природе нет дела до человека и до его переживаний, хотя он тоже её часть. А человеку? Кто борется, тот выживает и остаётся на земле на установленный ему срок жизни. Это относится и ко всему живому: зверям, птицам, деревьям, растениям. Вот и подумаешь: замысел Божий о человеке такой же, как о цветах или траве? Корабль же – дело рук человеческих, а огромный валун у кромки прилива – чьих?

Навстречу шли женщины, примеченные мной вчера, и что-то обсуждали, говоря так же быстро и одновременно, как воробьи в парке. По озабоченным лицам, по тону разговора можно было догадаться, что речь о пострадавшем. Мне хотелось надеяться, что мужчину откачали, я представлял себе, что ему делали искусственное дыхание и он вдруг очнулся и закашлял. Всегда хочется верить в лучшее! Не может и не должно так быть, чтобы в такое утро, под ярко-синим небом, под таким ласковым солнцем человека не спасли!

Весь день не мог забыть я этого случая, и мысли постоянно возвращались к утреннему событию. Мне почему-то вспомнился рассказ Василия Шукшина о том, как на пыльной привокзальной площади произошло несчастье. Это был маленький, затерянный в сибирских просторах городок, где жизнь течёт монотонно и скучно. Обычно ничего в таких местах не случается. Все друг друга знают. Какие события? Кто-то родился. Кто-то умер. Кто-то из армии пришёл и женился. А если что-то из ряда вон выходящее происходит, то об этом долго помнят и рассказывают друг другу. Однажды жарким летним днём на площади встретились двое: высокий, красивый, спортивного вида парень и плюгавенький мужичок в старой и облезлой шапке, похожий на бомжа. Как они там встретились и почему, случайно – неслучайно? Неожиданно между ними возникла драка, и маленький человек выхватил из кармана ножик и каким-то макаром ухи-

трисся ткнуть им в парня. Тот упал и остался лежать недвижимым. Набежали люди, скопом кинулись на бродягу и с остервенением стали его избивать. Подоспевшие от вокзала милиционеры разогнали толпу. А мужичок деловито отряхнулся, поднял с земли шапку и покорно уселся в милицейскую машину. Его – маленького и хиленького – под охраной увезли в милицейском уазике, а тело молодого крепкого парня – видимо, в морг. Как легко жизнь уходит из человека, и как живуч человек!

Почему именно эти сцены остались навсегда в моей памяти? Сейчас, глядя на букет на песке, я не мог отделаться от ощущения нереальности случившегося. Ведь так же, как вчера, светит солнце. Или не так? Возможно, я не всё вижу или не так вижу? Весело чирикают воробьи на отдалённом дереве. Или не весело? Возле берега плещется в воде народ. Нет, что-то не так! Вчера люди громко разговаривали, смеялись, а сейчас голосов почти не слышно. Я опять иду к своему валуну. Внешне – вроде бы всё по-прежнему. Но нет, мир изменился. Солнце не такое весёлое. Щебетанье воробьёв – монотонное и скучное. Громадина-корабль с пришвартованным к нему высоким краном застыл на рейде, раздражая меня своим уродливым видом.

Я возвращаюсь от валуна и вижу людей, стоящих у песчаного холмика. Здесь все друг друга знают. Я мог бы тоже постоять рядом. Но я иду дальше. Мне расхотелось плавать, расхотелось что-то говорить. А что говорить? Жизнь такая хрупкая. Одна ошибка, одно неосторожное движение, и ничего уже не вернуть.

Оглядываюсь назад. У воды, почти незаметен, – одинокий маленький букет.

Шатенка из моря

Где туристы больше всего общаются между собой? Конечно, на пляже. Малыши ковыряются в прибрежном песке. Мамаши переговариваются. Мужчины спорят о футболе. А ещё люди знакомятся в воде. Не на танцах, не в ресторане, а, как ни странно, – в море. Стоят в воде и что-то обсуждают. Плынешь и видишь знакомого, с кем в лифте вчера поздоровался, и он тебе говорит, например, «Хеллоу» или «Калимера», хотя чаще всего слышится наше русское «Здравствуйте!». Какое это душевное слово! Подумать только, что оно означает: живи и здравствуй на этом белом свете! Замечательная привычка людей на отдыхе здороваться с незнакомыми людьми. Пусть всего несколько секунд предстоит вместе провести, но это уже сближает. И российские туристы переняли такую привычку у иностранцев, хотя дома, в городских квартирах, соседи с одного этажа друг друга часто вообще не знают. А на отдыхе люди очень быстро сходятся. Вот и я познакомился с Нелли Даниловной в море. Плыву от буя к берегу, а навстречу мне шатенка неспешным брассом, держа голову строго над водой, чтобы причёску не попортить.

– Хорошая погода! – приветствует меня пловчиха.

– О да! – отвечаю. – Доброе утро, вы из отеля?

– Не-е-ет! Я живу на Кипре уже двадцать лет.

– Хорошего дня вам, – кричу.

– И вам! До встречи! – отвечает дама.

Но очень скоро, опять подплыв ко мне, она продолжает разговор в воде, недалеко от берега.

– Меня Нелли Даниловна зовут, – представляется, – добро пожаловать на наш Кипр!

– Кипр уже наш? – шучу. – А я Александр Иванович.

– Я люблю Кипр, вы его тоже, наверно, любите. Значит, наш! Ведь вы не первый раз на Кипре, Александр Иванович? Признавайтесь!

– Не первый, это – правда. И люблю Кипр – тоже правда.

Далее Нелли Даниловна рассказывает, что у неё свой дом в Лимассоле, и многие русские купили здесь недвижимость. Узнав, что я уже с десяток лет приезжаю сюда с женой на отдых, она так картинно и энергично всплескивает руками, что поднимается фонтан брызг:

– Сколько же вы денег потеряли! Купили бы квартирку здесь или дом! За десять лет цены на недвижимость в два раза выросли.

– Никогда об этом не думал. Я на две недели приезжаю. А с квартирой лишние хлопоты и расходы нести надо. Нет, не по мне это.

Но от Нелли Даниловны так просто не отделаться. Она продолжает приводить аргументы в пользу покупки своего угла на Кипре. Предлагает посмотреть несколько готовых квартир рядом с отелем, домой к себе приглашает. И я наконец осознаю, что передо мной профессиональный квартирный маклер. И что своих клиентов она выуживает из воды!

– А юристы? Без юристов обмануть могут. Где этих юристов искать? – провоцирую женщину на откровенность.

– А я зачем? – отвечает она. – Я всех здесь знаю. Мне приятно помочь землякам. Вон недавно семейная пара из Барнаула купила дом. Очень приличный дом в Гермасойя. Всю сделку оформили через юристов.

Я уже знаю, что Гермасойя – довольно престижный район Лимассола. Хороший городской парк у моря, обихоженные песчаные пляжи, супермаркет «Папас», круглосуточно работающая булочная «Сигма», ресторан французской кухни «La Maison Fleuries», очень популярный среди состоятельных русских. Здесь много маленьких магазинчиков и таверн. А ближе к порту красивая набережная, где по выходным любят прогуливаться киприоты, да

и русские тоже. Но ничего этого я не говорю. Шатенка из моря, как я мысленно назвал Нелли Даниловну, в ударе: сыплет словами во славу приобретения недвижимости в Лимассоле. Я смотрю на неё и восхищаюсь. Женщине далеко за пятьдесят. За двадцать лет проживания на Кипре, под палящим солнцем, она сама стала похожа на киприотку: загорелая, с тёмными от природы глазами. Но всё-таки поведение, разговор – другие. Местные женщины более энергичны, говорят громко. Нелли Даниловна всегда настороже. Она – охотник. Ей надо зацепить клиента, привлечь его, заинтересовать. Вездесущий маркетинг! Даже работая на таком уровне, приносит плоды. Мне становится неприятно, что морочу голову серьёзной женщине, и я даю задний ход:

– Мне нужно подумать. Я ещё не готов к покупке недвижимости на Кипре.

– Как будете готовы, звоните. Вы где расположились? На песке или под пальмами?

– Под пальмами у прогулочной дорожки.

– Я найду вас, Александр Иванович, и передам свою визитку. Звоните, обязательно звоните, даже просто так звоните. Поедем посмотрим мой дом, – продолжает по инерции она.

Но оперативный интерес ко мне уже уменьшился. Она уплывает к группе галдящих русских женщин.

Потом я ещё не раз видел Нелли Даниловну. На следующий год я отдыхал в другом отеле под названием «Элиас Бич». Очень уютный, с песчаным пляжем, рядом пирс, выступающий в море метров на двадцать. По вечерам на причале накрывали белыми скатертями столы для банкетов. Фейерверки в небе над тёмным горизонтом. Сполыхи огней отражаются в воде. Снуют в белых фраках официанты, звучит музыка. Спецобслуживание, как недавно было принято говорить, когда ресторанов в России было мало, а желающих в них попасть много. Хорошо, что в Москве сейчас не так. А о Кипре и говорить нечего! Здесь даже в сезон многие таверны полупустые! Потому что их, этих самых таверн, очень много, и потому что кризис!

Но это не касается тех, кто на пирсе гуляет! У них кризиса никогда нет. Кто они? А чёрт его знает! Может, наши земляки, а может, киприоты. Возможно, свадьба. Я не выдержал и подошёл поближе – и кого, вы думаете, увидел? Да-да, Нелли Даниловну, в шикарном белом платье, танцующую с моложавым блондином!

Нет, нехорошо подсматривать за счастьем других людей! И я удалился восвояси, радуясь за землячку.

Однажды, к концу отдыха, встретил я знакомого с Дальнего Востока. Он шёл навстречу по прогулочной дорожке вдоль моря.

«Что за хмырь? – думаю. – Видать, наш. Ишь, по встрече прёт».

Узнал я его на подходе. Ба! Так это Григорий Борисович! Жив курилка! Проходимец высшей марки. Многих обманул на Дальнем Востоке. Жулик, каких свет не видал! В перестроечное время, работая мэром в маленьком сахалинском городке, до того обнаглел, что всех коммерсантов поставил на учёт и мзду собирал. Да и тырил деньги из бюджета города без стыда и совести. Как это делалось? Я тот же вопрос задал председателю дорожно-строительного кооператива из того же городка, моему земляку. Виктор, так его звали, один из первых в России кооператоров-строителей, и рассказал:

– Через таких коммерсантов, как я, и тырил. Предложил мне он как-то подряд на ремонт дороги в городе. Я принёс ему смету, он покрутил-покрутил её в руках и пишет на бумажке: «Моя комиссия?» Я пишу: «Десять процентов». А он: «Смету увеличь в два раза, и превышение – пополам».

– И ты согласился, Витя?

– Пришлось. Такое время было. Не согласишься – бизнес потеряешь.

Сколько лет, сколько зим прошло с тех пор, и вот сам Григорий Борисович передо мной. У этой семейки из поколения в поколение два имени передаются по наследству. Отец его был Борис Григорьевич, он – Григорий

Борисович, а сын его опять Борис Григорьевич. Внучок подрастает, соответственно, Григорий Борисович, и дальше, видно, так и будет идти. Фамилия одна на всех: Зенькин. Не разберёшь, кто есть кто! Наплодили Зенькины одноимённых людей и фирм на Сахалине – не счесть!

Пока эти мысли мелькали в моей голове, поравнялся со мной Григорий Борисович и радушно поприветствовал:

– Здравствуйте, дорогой Александр Иванович! Доходили до меня слухи, что вы на Кипре, а вот встречаться до сих пор не приходилось.

– А вы что, сюда переехали жить? – спрашиваю я.

– Хотел, да не придётся, видать! Нагрела меня одна тут! Шкура собачья. Кинула! Подписал купчую на дом, деньги перевёл, а она исчезла. И ведь через юристов всё делали, да только юристы липовыми оказались.

Меня словно осенило:

– Нелли Даниловна? Она удружила?

Григорий Борисович посмотрел с надеждой:

– Что? И вас она кинула?

– Вы ведь с ней в воде познакомились? На пляже? В море заговорила с вами?

– Так и было. Вы её знаете? – лицо его ещё больше оживилось.

– Шатенка из моря – я её прозвал. Пыталась меня объегорить, но не вышло, – сказал я, ликуя в душе.

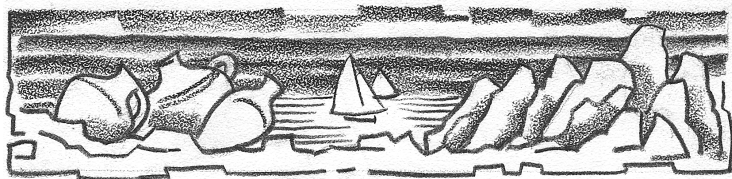
Распрощался со мной Григорий Борисович без той радости, с которой приветствовал, и каждый пошёл своей дорогой.

Был замечательный вечер, какие бывают на Кипре в середине октября. Не жарко. Вдруг – словно перевернулась земля, и посыпались из её нутра взрыв за взрывом. Это – петарды. Над пирсом возле гостиницы «Элиас Бич» они взлетали в небо и, рассыпаясь на мелкие огоньки, падали в тёмное море. Потом – следующая волна, и так одна за другой. Вспомнилось, как две недели назад танцевала под взрывы петард блистательная Шатенка из моря. Видимо, это была её последняя гастроль на Кипре. Где она

теперь? В каком краю рассказывает истории о домике, о юристах и прочих прелестях сладкой жизни аферистка с длинным-предлинным стажем?

«Да, – подумал я, – на каждого Григория Борисовича найдётся своя Шатенка из моря».

Что ж? В их встрече была своя справедливость. Жулик жулика обжулил!

Виктория Буш и её жизнь

(Имя как судьба)

Говорят, что судьба человека зависит от имени. Получается, как меня нарекли, такая и судьба будет? Но если так, то родители выбирали бы судьбу ребёнка сами. А как узнать, какое имя соответствует хорошей судьбе, а какое – плохой? Где это определяется? На небесах?»

В голове Виктории хаотичные мысли метались, словно стайки испуганных птиц. Она стояла у развалин древнего города на берегу моря и смотрела на красное закатное солнце невидящими глазами. Имя Виктория! А никакой «виктории» в её жизни как не было, так и нет. Опять поражение. Умер муж, англичанин Джордж. Вчера похоронили, и сегодня она пешком отправилась из деревни Айос-Тихонас в Лимассол, чтобы хоть немного побыть одной, вдали от всех и всего.

С первым мужем прожили меньше года. По молодости, а скорее, по своей глупости вышла замуж. Кто из девчонок не влюбляется в юности. И что же? Сразу под венец? В десятом классе среди подружек она выглядела белой вороной. Не целовалась ни с кем, а о другом... думала по ночам со страхом и тайным желанием, в котором сама себе боялась признаться. Однажды после тренировки оказалась в душе вместе с Элей из параллельного класса. Эля оценивающе осмотрела её фигуру:

– Вика, а ты ничего! Во как налились желанием сисуй, – и стала бесцеремонно водить пальцем по её соску.

– Ты чего? – с ужасом отстранилась Вика, ощущая, что ей приятно это прикосновение.

– Дурочка! Смотри, как он набухает. Ведь нравится тебе. Давай я тебе ещё кое-что покажу.

– Идиотка! – закричала Вика и выскочила из душа.

Следом раздался гомерический хохот.

С Игорем она познакомились на дне рождения той же Эллы, папа которой был партийным чиновником. У них была шикарная дача: деревянная – в два этажа, крашеная в голубенький цвет. Собралось несколько подружек, знакомые ребята и два курсанта пограничного училища. Элла собрала девчонок в отдельной комнате и предупредила:

– На Рому не западать! Он – мой! У меня уже было с ним, а на Игоря – пожалуйста. Мне всё равно, кому достанется.

– Ну и стерва ты, Эллка. Когда успеваешь? Ведь у тебя с Витей любовь. Все знают, – пыталась устыдить подружку Света.

– С Витей у меня любовь, а с Ромой секс. Учитесь, дуручки!

Потом, после школы, Элла хорошо покуролесила. Училась в инязе, с африканскими студентами любовь крутила, а вышла замуж за тихого и неприметного на вид Вениамина, сына дипломата.

В тот вечер Игорь танцевал только с Викой, шептал ей на ухо комплименты, подливал вина за столом.

Звучала манящая музыка танго. Певец приятным голосом зазывал в далёкий и притягательный Сингапур:

В бананово-лимонном Сингапуре, в буре,
Когда поёт и плачет океан
И гонит в ослепительной лазури
Птиц дальних караван...

Кружились пары, кружился мир неизведанных желаний, Игорь прижимал её к себе и нежно шептал: «Виктория – Магнолия!»

В тот же вечер она неожиданно для себя отдалась Игорю прямо на полу второго этажа. Отрезвление пришло на следующее утро: болела голова, было стыдно и обидно. Ведь она с детства знала, что их род имеет дворянские

корни, хотя об этом тогда не принято было говорить. Бабушка учила её хорошим манерам и лелеяла мечту, что замуж она выйдет за ровню, – жених должен быть из благородного общества. А Игорь? Игорь оказался из маленькой деревни во Владимирской области, недалеко от города Гусь-Хрустальный. Узнав, что она беременна, тут же предложил выйти за него замуж. Вот и выскочила сразу после школы. Игоря отправили служить на далёкую пограничную заставу, а ей дорога – в захолустную деревню, к его матери. Обещал, как устроится на месте, приехать и забрать к себе.

Через два месяца, не выдержав придинок свекрови и неустроенного быта, Виктория сбежала домой к родителям. Вскоре Игорёк прилетел с Дальнего Востока и потребовал вернуться в деревню и там рожать. На её робкие попытки что-то объяснить среагировал неадекватно – ударил по лицу, а потом попытался изнасиловать.

После того вечера все мужчины перестали для неё существовать. Растила сына, работала научным сотрудником в университете и настойчиво совершенствовала английский язык. Никаких развлечений в её жизни все эти годы не было. Симпатичная и недоступная, она нравилась мужчинам, а сама не испытывала к ним никакого влечения.

Когда ей было около тридцати, за ней стал ухаживать новый завкафедрой Венедикт Иннокентьевич! Он был старше её на пятнадцать лет. Но кто же придумал так называть его! Она прыскала со смеху, когда приходилось обращаться к нему по имени и отчеству.

Про себя она прозвала его Гусь-Хрустальный! Она понимала, что замуж выходить нужно, да и Гусь-Хрустальный оказался внучатым племянником поэта Аполлона Григорьева. Могла сбыться мечта бабушки – породниться с достойным человеком. Но при чём здесь Аполлон Григорьев с его «Цыганской венгеркой»? Не случилось. Как только Венедикт попытался её поцеловать на скамейке перед домом, она тут же отстранилась. Противно было. Противно было смотреть на его холёное лицо, на тонень-

кие усики, слышать его учащённое дыхание и ощущать его руку на своём колене. Резко встала и ушла. А Венедикт вскоре женился на Белле, арфистке из симфонического оркестра. Потом, в перестроечные времена, они благополучно эмигрировали в Израиль.

И вот новое приключение в её жизни. Как-то Виктория зашла с подругой в кафе на Невском выпить по бокалу вина и просто посидеть, поговорить о своём, женском, наболевшем. Был промозглый ноябрьский вечер.

– Вика, а давай коньячку сообразим грамм двести на двоих? И потом кофе из маленьких чашечек выпьем. Помнишь, какое в прошлый раз было?

– А давай! Что нам, красивым и независимым!

– А то!

С Аней всегда было легко, весело и непринуждённо.

В дальнем углу сидел породистый мужчина. Перед ним на столе стояла бутылка виски с голубой этикеткой, вода, толстостенный широкий стакан с кубиками льда и никакой закуски. Пиджак в мелкую клетку, тёмно-синяя сорочка с отложным воротником. Мужчина не смотрел по сторонам, чувствовалось, что он уже в приличной степени подпития.

– Вика, смотри: точно не наш мужик! Заграничный! Как ты думаешь?

– Да. Похож на иностранца. Одежда. Манера пить. Не пялится в нашу сторону.

Вскоре мужчина прикончил бутылку виски и продолжил цедить воду. Вика и Аня с любопытством наблюдали, что будет дальше.

Внезапно мужчина резко поднялся и твёрдой походкой подошёл к столику подруг.

– George. My name is George! Could you help me, ladies? Я есть плохо говорить на русский. Можете мне помогать?

– О, наш человек! – засмеялась Аня. – А давай к нам, Георгий. Присаживайся за наш столик. Что с тобой случилось?

А с Джорджем ничего необычного не случилось. Просто его бросила жена. И ему хотелось выговориться. Ан-

гличанин. Археолог. Вернулся из экспедиции, а жены дома нет. Голые стены. Джордж говорил по-английски, перемешивая речь русскими словами, но подруги его отлично понимали.

В основном говорила Аня:

– У твоей жены был бойфренд? Так бывает. Не печалься, Георгий. Найдёшь другую жену.

– Другую не надо. Почему жена меня оставила? – настойчиво спрашивал Джордж. – Вы женщины. Вы понимаете, наверное. Бойфренд не было.

– У тебя жена была русская? Русская жена бросает мужа тогда, когда у неё есть любимый бойфренд.

– Нет, моя жена Линда – англичанка.

– Значит, ты не уделял ей внимания. Как мужчина, понимаешь? И она нашла другого мужчину.

– Это правда. Я был много времени в Египте, а она жила в нашем доме на Кипре. Но почему она мне не сказала ничего? Я приехал, а её нет дома. Денег нет. Кровати нет. Ничего нет. Может, её ограбили, убили?

– Ты обратился в полицию? К её родственникам?

– Полиция ищет. Они сказали, что она улетела в Лондон в тот день, как я прилетел в Ларнаку. Её родственники сказали, что она не прилетела в Лондон. Где она?

– Жена – не иголка в стоге сена! Найдётся. Где-нибудь в Майами на пляже лежит!

Вот так она познакомилась с Джорджем. Он приехал в командировку в московский институт археологии, а в северную столицу случайно отправился заодно с другом, всего на два дня.

Прошёл почти год после той встречи в кафе. В октябре Вика по туристической путёвке отправилась на Кипр. Начиная с аэропорта, ей всё нравилось. Гостеприимные киприоты, русскоговорящий гид, прекрасный номер с видом на море в пятизвёздочном отеле «Аматус», пальмы, обилие цветов. Дорожные полосы за городом разделены цветущим кустарником олеандром: розовым, белым, красным. Редкие деревья, выжженная солнцем трава, но до чего же по сердцу был ей этот южный ланд-

шафт! Десять дней у моря и в экскурсиях по Кипру. Ощущение свободы, восторженные взгляды южных мужчин! Какой женщине это не понравится?! За три дня до отлёта она случайно встретила в гостиничном баре Джорджа! Как много в нашей жизни значит случайность. Хотя поэт как-то воскликнул: «Сама случайность неслучайна!»

Эти вычитанные из журнала стихи запали в её душу.

Через два дня Джордж предложил ей выйти за него замуж и остаться на Кипре. Вика согласилась. Неслучайной была их первая встреча в кафе на Невском. Неслучайными оказались её поездка на Кипр и встреча с Джорджем в баре. Потому что есть судьба! На скрижалях судьбы расписаны наши жизненные пути. Верит ли она в судьбу? Да, теперь, после смерти Джорджа, верит.

Виктория смотрела на играющее в предзакатных лучах море и думала: «Как красив этот мир! И как он жесток! Почему так быстро ушёл из жизни Джордж? Почему судьба так безжалостна ко мне?» Семь счастливых лет на острове! Как теперь жить? Есть дом, и благодаря предусмотрительности Джорджа есть небольшие денежные средства на её банковском счёте. Но дальше ничего не ясно. Нет больше Джорджа, который стал ей и опорой, и защитой в чужой стране, а главное – он стал для неё всем её миром. Как без него? Опять одиночество. А ей уже сорок восемь!

От горестных мыслей Викторю отвлёк солидный мужчина в шортах.

– Калиспера! – улыбнулся он.

– Good evening, – ответила она удивлённо и добавила на всякий случай по-русски: – Что вам угодно?

– О, русская красавица! Рад встрече. Я – Аргос! – перешёл на английский киприот.

– Пошёл к чёрту! – ответила Виктория по-русски.

Ох уж эта непосредственность кипрских мужчин! В каждой красивой иностранке они видят свою будущую любовницу. На улицах Лимассола водители машин, не стесняясь, сигналият и предлагают подвезти. Она рассердилась на себя за то, что вообще стала разговаривать с

этим наглецом. Нужно было отвернуться и молча уйти. Но ничего не бывает просто так. Этот незнакомец заставил её встряхнуться, вернуться в мир реальной жизни. Она решила, что завтра займётся бумагами Джорджа, посоветуется с его адвокатом и, возможно, что-то придумает.

Утром адвокат Анжелос разъяснил ей, что по кипрским законам она вступает в наследство через полгода, если за это время не объявятся другие наследники.

За неделю до истечения срока заявления прав на наследство объявилась бывшая супруга Джорджа. Нет, она сама не приехала на Кипр, а вот её адвокат, соблюдая все формальности, объявил, что Линда претендует на половину дома. Мотивация: имущество, совместно нажитое в браке.

– Как же так? – возмущалась Виктория. – Ведь она обобрала Джорджа как липку! Бросила его. Сняла деньги с его счёта, фактически украла их. Ведь Джордж объявлял её в международный розыск. И что? Теперь она может требовать половину дома? Теперь, когда Джорджа уже нет в живых? А совесть где?

– Юридическая практика не знает такого понятия, как совесть, – ответил адвокат. – Да, Линда совершила преступление, украв деньги и ценности. Но за сроком давности это уже не имеет никакого значения. Она имеет право требовать свою долю, так как дом является совместно нажитым имуществом в их с Джорджем браке.

– И что мне теперь делать?

– Договариваться с Линдой через её адвоката, иначе она может получить своё по суду. Фактически половину дома ей присудят. Есть маленькая вероятность доказать, что она потеряла право на дом в связи с тем, что была признана пропавшей без вести. Но я уверен, что после смерти Джорджа она восстановилась в своих правах. Ожила и объявилась. Не прокатит! – добавил кипрский адвокат по-русски.

– Вы что, по-русски понимаете? – спросила его Виктория.

– Очень мало понимаю. Нахватался некоторых слов от русских клиентов, – рассмеялся Анжелос.

Хочешь не хочешь, а пришлось Виктории идти в кабалу к банку: взять кредит и выкупить у Линды половину дома. Что поделаешь! За любую работу бралась: отвезти знакомых в аэропорт, перевести документы с русского на английский или с английского на русский, составить заявление в суд, помочь больному в разговоре с врачом и многое, многое другое. Капля в море!

В этой суете с тщетными попытками выкарабкаться из долгов случилась ещё одна беда: заболел муж подруги Насти, тоже англичанин. Навестить больного отца из Лондона приехали дочери Аделина и Робертина.

– Скажите, Виктория, Майкл имеет страховку? Отца не хочется тревожить. А Настя?! Семнадцать лет с отцом – и не знать английского!

– Почему вас это тревожит, Аделина?

– Как же? Отец умрёт, а нам придётся за его лечение платить из наследства.

«Ну и стерва! Имя Аделина свидетельствует о благородстве женщины, а здесь жлобство проявляется во всём своём уродстве», – подумала Виктория, а вслух сказала:

– Почему вы думаете, что он умрёт? Настя верит, что ваш отец поправится.

Робертина оторвалась от газеты, сдвинула очки на лоб и сказала, укоризненно глядя на Викторию:

– После такой болезни больше пяти лет не живут. Это статистика.

– У нас, у русских, не принято живого хоронить.

Через неделю, прощаясь в аэропорту, Аделина сказала:

– Виктория, передайте Насте, что после смерти отца она должна уехать.

– Поживём – увидим. И Майкл, даст бог, поправится.

С тяжёлым сердцем Виктория возвращалась домой, в Айос-Тихонас.

Ночью плохо спала, думала о себе, о Насте, о человеческой подлости. «Чёрт их поймёт, этих европейцев: кошку, застрявшую в лифте, спасут, и интернет взорвётся от

восторгов и сострадания к животному. А тут при живом отце дочери наследство делят, и ничего не происходит». Наивная Настя! Нет чтобы прямо, по-русски поговорить с внезапно свалившимися на её голову «падчерицами», ведь прожила с Майклом семнадцать лет в гражданском браке. Он так и не предложил ей официально оформить отношения. Майкл на двадцать лет старше подруги, теперь ей пятьдесят пять. На Кипре таких одиноких и нестроенных русских женщин много. Если, не дай бог, Настя останется одна, то пропадёт: языка не знает, не работает, да и эти две сухопарые «леди» её не пожалеют и выгонят из дома. Мысль рвалась, перескакивала с одного на другое. Она то засыпала, то просыпалась. В какой-то момент перед ней возник Джордж и сказал: «Помоги Насте, а о Майкле мы позаботимся». Утром проснулась, вспомнила сон и ужаснулась: «Кто это – мы? Джордж с того света, а кто ещё?»

Сон оказался вещим: Майкл вскоре умер. Опять похороны. И опять все хлопоты достались Виктории. Имя такое, что ли? Всё трудное и невозможно тяжёлое для женских плеч достаётся ей. А она терпит.

Аделина и Робертина приехали в Айос-Тихонос на третий день после похорон отца. Виктория встретила их в аэропорту. Сёстры весело щебетали в машине, обсуждая варианты продажи дома.

– Надо дать объявление в газету через агента по продаже недвижимости. Виктория, вы можете порекомендовать нам хорошего агента? – спросила Аделина.

– Нет, не знаю никого.

– Как не знаете? Разве вы не продаете дом Джорджа? Говорят, что Линда возвращается на Кипр.

– Из уважения к памяти Джорджа я решила сохранить дом и буду жить в нём сама.

– Но если Линда захочет, то она тоже имеет право жить в этом доме.

Виктория промолчала. При чем здесь Джордж, Линда? Главное сейчас – защитить Настю от этих настырных дам. И, кажется, ей это удалось.

Как-то незадолго до смерти Майкла она говорила ему:

– Майкл, у нас, у русских, есть такое понятие, как «жить и поступать по совести». А вы, англичане, поступаете по совести?

– Я знаю, что ты имеешь в виду, Виктория. Ведь я хорошо учил русский язык, семнадцать лет имел счастье жить с русской женщиной. Я позабочусь о Насте. Ты не против быть моим душеприказчиком?

Когда сёстры ознакомились с завещанием, случился скандал с битьём посуды, с истерикой Аделины, с последующим поглощением сестричками большого количества виски. Были суды, многотрудные переговоры сторон, но Виктория всё выдержала, стерпела все оскорбления, не потеряла самообладания. Всё закончилось подписанием мирового соглашения сторон, по которому Настя получила право пожизненного пользования домом, с оплатой расходов только в размере, пропорциональном её доле наследования.

– Вика, что бы я без тебя делала? В России у меня уже никого нет. И на Кипре – одна-одинёшенька. Спасибо тебе.

– А адвокат Анжелос? А соседи? Всё будет хорошо, Настюха. Мы – русские, и мы не дадим себя в обиду, – обняла подругу Виктория. А у самой кошки скребут на душе: свой дом может с молотка уйти – денег нет, чтобы с банком рассчитаться.

Утром, разбирая старые бумаги Джорджа, она обнаружила три лотерейных билета и очень удивилась. Джордж никогда не увлекался лотереей. Два с половиной евро за билет – не деньги, но зачем всё-таки он их купил? Для порядка решила проверить.

На следующий день в кипрских газетах написали, что русская женщина из Айос-Тихонас отхватила джекпот: выиграла в лотерею два с половиной миллиона евро!

«Ищите, и обрящете, стучите, и откроют, просите, и дано будет», – сказано в Библии, но это сказано о дороге к Богу!

А недавно с Кипра приехал мой приятель и поведал, что одна русская женщина открыла на острове благотворительный фонд «Виктория» для помощи попавшим в беду соотечественникам.

«Наверное, это наша Виктория», – подумал я.

А вдруг и вправду имя человека и его судьба взаимосвязаны и от имени зависит судьба, а возможно, и жизнь?

Один день на Кипре

Алиса замоталась в жаркой Москве: работа достала – принеси, позвони, организуй, подай. Работает в семейной компании. Муж – генеральный директор, а она – секретарь, но акции в компании поделены между ними поровну. В последнее время Григорий стал нервным, чуть что – грубит. Поздно домой возвращается. А то и совсем не приходит. И всегда объяснение у него найдётся. Недавно пришёл в субботу к полудню с помятым лицом и сразу спать.

– Гриша, ты где целую ночь шлялся? Я не спала, волновалась.

– У тебя одно блядство на уме! Я этим не занимаюсь. Партнёры из Германии у нас. Ты же знаешь. Ездили после работы на рыбалку. В шалаше заночевали.

– Что, предупредить нельзя было? Странно, но я в неведении, что ты с партнёрами ночь провёл.

Махнул рукой и скрылся в своём кабинете.

Дочь Элина накуксилась, вот-вот разревётся. Пять лет, а всё понимает. Она, как барометр, реагирует на погоду в доме: при малейших признаках грозы Лина тут же начинает тереть мамино платье, капризничать. Однажды по-взрослому сказала:

– Мама, папа, не ругайтесь.

Григорий, при всей своей чёрствости, не выдержал и взял её на руки:

– Что ты, золотце моё, мы не ругаемся, мы так разговариваем, мы – партнёры.

У Алисы слёзы появились на глазах от умиления. А ночью шептала ему:

– Гриша, ну что мы с тобой собачимся? Ведь хорошо нам. Правда, хорошо? И Лина такая разумница.

Но в ответ услышала храп.

Утром, наскоро позавтракав, Григорий заторопился:

– Поеду немцев провожу.

– Гриша, давай и я с тобой поеду? А что? Представишь меня не как секретаршу, а как совладелецницу компании. Да и переводчиком поработать могу.

– Ну, для переводов у нас Агния есть. А ты лучше Лину в зоопарк своди. Хочешь в зоопарк, Лина?

– Я с тобой хочу, папа!

– А мороженого хочешь? Пойдёшь с мамой в кафе?

– Пойду.

Конечно, Лина с мамой пойдёт. А папе будет переводить новая переводчица Агния! Блондинка. Бюст кофточку разрывает. Самоуверенная – полный воз! Но умная стерва, очень умная. Университет в Киеве окончила и сразу в Москву. А чем ей Киев не подошёл? Красивый город, уютный. Один Крещатик стоит того, чтобы жить в этом городе и любоваться им, особенно когда цветут каштаны.

– Свалилась на мою голову! – воскликнула в раздражении Алиса.

– Кто, мамочка, свалился?

– Линочка, это я про одну нехорошую тётю, а мы с тобой пойдём мороженым угощаться. Наденем на тебя голубое платье, прикрепим к нему бантик оранжевый и значок возьмём, где солнышко нарисовано. Помнишь, в Киев с папой ездили, на концерте были, там девочка песню исполняла «Солнечные зайчики», а тётя композитор раздавала детям значки?

Дочь запрыгала от восторга и стала напевать:

– Помню, помню тётю Ксеню! «Солнечные зайчики, как я вас люблю...»

В кафе Алиса взяла дочери пломбир, себе шербет. Надо за фигурой следить, а то вдруг какая-нибудь Агния из Киева захочет Гришу увести? Сегодня много охотниц до чужих мужей! Светка, бывшая соседка, рассказывала, что её брата, трижды женатого, увела от последней жены какая-то вертихвостка. А он чем думал, оставляя третью жену с малолетней дочерью? И фамилия какая знатная: Стороз-

ум! Владимир Сторозум из, видите ли, бело-шоколадного украинского городка Кременец! Фамилии просто так не дают! Чтобы такую фамилию получить, надо очень умным быть! Сто розумов надо иметь! А что? Может, предки были умные, а этот не удался. Да и ростом чуть ли не с ноготок, а вот поди ты! Позарилась на него пигалица из ниоткуда, поманила сладкой морковкой, а он, старый козёл, повёлся! Светка про своего брата нелестно отозвалась, мол, ни рожки ни кожи, а туда же – распоганился на старости лет! Пятьдесят ему! Дамочка моложе в два раза! Эта Лида оказалась способной мошенницей, но известно – подобное к подобному тянется, ну да это отдельная история.

Вот недавно подслушала разговор двух таких же вертихвосток из бухгалтерии:

– Кать, у меня через неделю днюха. Хочу на три дня в швейцарский Сан-Мориц смотаться. Айда со мной!

– А деньги? На авиабилетах разориться можно. А гостиницы там, наверное, дорогушие.

– Катька, я была уже. Всё окупается, даже с лихвой. Знаешь, какие там крутые мужики отрываются! Наш Витальевич собирается туда. Агния шепнула. Его захомутать бы!

– Ирка! Ты что? Он – женатик!

– А плевать! Жена – не стена, подвинется! Или подвинем! – захохотала Ира.

Только сейчас Алиса сообразила: о Грише они говорили. Григорий Витальевич! Вот тебе и Гриша!

– Стерва! – не сдержалась Алиса.

– Мама! Что такое «стерва»?

– Прости, девочка моя, прости. Забудь это слово. Оно нехорошее.

– Смотри, мамочка, какой дяденька смешной! Весь разукрашенный!

«Между столиков шествовал мим...» – вспомнилось из услышанного по радио романса. И правда: между столиками ходил странный мужчина. Лицо-маска: с одной стороны красное, с другой белое. Мужчина остановился перед ними, театрально поклонился и вручил Лине красную розу, невесть откуда появившуюся у него в руке.

«Дура я, дура, – подумала Алиса, – накручиваю себя, а Гриша любит нас».

Вспомнила ночь и почувствовала, что краснеет. Поискала глазами мима, а его и след простыл.

Вечером Гриша вернулся рано и был само совершенство: ухаживал за Алисой, как в первые дни знакомства. За ужином открыл бутылку вина и торжественно объявил:

– Алиса, Линочка, есть новости! Первая – через две недели улетаем на Кипр, на це-е-елый месяц! А вторая – с завтрашнего дня ты, Алиса, в отпуске!

– В море купаться! Солнечные зайчики пускать! Ура! – закричала Лина.

– А мне на работу через месяц выходить?

– Никакой работы. Мы не бедные. Занимайся Элиной. С собой занимайся. Готовься к отпуску. А потом оформим отпуск без содержания.

«И действительно! Какая необходимость вкалывать вдвоём? Буду дома заниматься», – подумала, а вслух сказала:

– Спасибо, милый!

Немного расстроилась, когда узнала, что Агнию перевели на место секретаря генерального директора компании. Но успокоилась после того, как пришла в офис и Агния встретила её вежливо и предупредительно. «Молодец Гриша. Поставил эту девицу на место!» – подумала с облегчением.

Но бог, к сожалению, шельму Агнию не метил почему-то.

В конце августа в весёлом расположении духа семейка улетела на Кипр. Месяц блаженства. Было жарко, но в пятизвёздочном отеле «Four seasons» жара переносилась легко. С утра муж убежал на море, потом втроём ходили на завтрак, после завтрака Гриша общался через интернет с офисом, а к одиннадцати семейство отправлялось на пляж. По вечерам гуляли по набережной. Звёзды над головой казались в два раза больше, чем в московском небе. Однажды ехали на такси в ресторан, что в рыбацкой деревне Зиги. Машина шла вдоль моря, а впереди

низко над дорогой огромный лунный диск – какой-то небывалой, почти эллиптической формы.

– Мама, мы на луну едем! Да? На луну? – восхищалась Лина.

В последнюю неделю на Кипре Гриша стал каким-то озабоченным. Часто выходил на балкон гостиницы и разговаривал по телефону. Днём уезжал куда-то на переговоры.

– Гриша, что тебя так взволновало? Что-то не так в компании? Твой заместитель Никитич – надёжный человек, неоднократно доказывал преданность нам.

– Так-то оно так! Но есть правило: бизнес никогда нельзя надолго оставлять без хозяйского глаза. Слава богу, через неделю будем в Москве.

– А я бы ещё недельки две с Элиной в море поехала. Но ты прав. Надо ехать.

Григорий оживился и сказал, улыбаясь:

– А почему бы нет? Отдохните. Я сниму отдельные апартаменты для вас на месяц. Кредитная карточка у тебя есть. Ни в чём себе не отказывайте.

– Нет, Гриша! Это будет нечестно! Оставлять тебя одного в Москве, без нас?

– Честно, честно. И правильно. Линочка здоровья здесь наберётся. И тебе не помешает отдохнуть от Москвы. Помнишь, как ты нервничала в Москве? Я же видел, работа тебя достала!

– Лине хорошо здесь! Наверно, ты прав.

Потом Алиса не один раз будет вспоминать этот разговор. Всё обернулось неожиданным для неё образом. Ей пришлось остаться на Кипре надолго, если не навсегда.

* * *

Я познакомился с Алисой в доме моего нового приятеля, киприота Атанасиоса. Он пригласил меня на выходные отдохнуть в горах. Мне тоже хотелось сменить обстановку, да и любопытно было увидеть, как киприоты живут в горных селениях.

– Поживёшь пару дней. Может, стихи напишешь? Прославишь нашу деревню, – шутил Атос.

– А что? Мне интересно, – согласился я.

Ехали по петляющей дороге. А когда взобрались, как мне казалось, на самое высокое плато, то аж дух захватило от красоты: внизу белели кипрские селения, дальше громадой высились горы Троодос. И сама деревня поразила: новые, как с иголки, дома с садами и плавательными бассейнами.

– Атос, кто здесь живёт вдали от цивилизации? – удивился я. – Почему здесь поселились люди?

– Я построил весь посёлок для английских пенсионеров. И себе заодно – дом. Несколько русских тут тоже живут. Здесь – ближе к небу, ближе к звёздам.

– Да ты романтик, Атос, в твои-то шестьдесят лет!

– У меня жена молодая, тридцать пять ей. Надо соответствовать.

Мы вошли в дом и сразу попали в удобно обставленную гостиную. На стенах – картины, две из них с зимними пейзажами. На журнальном столике в серебристой вазе – красные розы!

– Любимые цветы моей жены, – утолил моё любопытство Атос.

Женой Атоса оказалась красивая русская женщина по имени Алиса.

– Алиса из страны чудес, – пошутил я. – Да вы и сами – чудо.

– Это сейчас всё в моей жизни прекрасно благодаря Атосу. Три года назад я была в этой стране бомжом, не имея средств к существованию.

Она мне рассказала свою историю, как муж Григорий оставил её с дочерью на Кипре, со временем перестал высылать деньги на расходы, потом и вовсе объявил, что женился на другой. При живой жене! Оказалось, что сумел каким-то образом развестись – убедил суд, что жена его бросила и уехала жить на Кипр.

– Но вы же совладельцами были в компании?

– Мою долю переписал на новую жену, секретаршу Агнию. Наверно, я неосторожно подписала какие-то бумаги и, сама того не зная, продала ей свои акции.

Алиса два года перебивалась на Кипре случайными заработками.

Потом встретился Атос и предложил место экономки в своём доме. Для получения права на работу предложил оформить фиктивный брак. Свидетельство о разводе с Григорием с большими сложностями удалось получить из Москвы. Со временем дружеские отношения с Атосом переросли во взаимную привязанность.

– А дочь, дочь Элина где? Григорий забрал? В Москву увёз?

– Да нет, что вы? Разве Агнии нужна моя дочь? У Лички сегодня уроки музыки в Лимассольской школе искусств. Атос отвёз её в город, а я сейчас поеду и привезу домой. А вы отдыхайте. Осмотритесь. Здесь очень красиво. А вечером будем ужинать на террасе. Увидите, какое в горах потрясающее небо, звёзды таинственно сверкают, а внизу огоньки деревень.

Так получилось, что я провёл в гостях у Атоса и Алисы всего один день, но этот день остался в моей памяти на всю жизнь.

Лазурное небо в седом обрамлень
Причудливой горной гряды.
В горах и долинах белеют селенья,
И в каждом – живые сады.
...Куда вы спешите? Спешить вам не надо, –
Неспешная жизни река.
Стою на вершине в огне звездопада, –
Касается неба рука.
... Один день на Кипре и в сердце смущенье –
Зачем мне куда-то спешить?

Назавтра рано утром я с Атосом уезжал в Лимассол. На повороте, из-под ветвей древней оливы оглянулся на оранжевый дом с голубой крышей у самого обрыва. С его террасы стройная женщина и девочка-подросток прощально махали руками.

Человек со злобным лицом

На дорогу выскочил чёрный кот, и Павел резко затормозил. Кот вильнул хвостом и был таков. Исчез в зарослях придорожного олеандра. Сзади засигналили, и красная «тойота» появилась слева от машины Павла; водитель, киприот в возрасте, стал что-то говорить, энергично жестикулируя. Было понятно: он возмущался тем, что создалась аварийная ситуация:

– Да ехай ты, ехай, – раздражённо стукнул двумя руками по рулю Павел.

Киприот осуждающе покачал головой и нажал на газ, видимо, не желая тратить время на неразумного иностранца.

Всеволод Иванович сидел на переднем сиденье рядом с Павлом и молчал, недоумевая: чего это вежливый и обычно сдержанный приятель вдруг взорвался? И несвойственное ему словечко «ехай» выдал, словно бандюган-водитель крутой иномарки из криминальной хроники. Надя не выдержала и сделала замечание мужу:

– Паша, что ты возмущаешься? Он же тебя не слышит!

– А что, я должен был кота задавить? Молчи, женщина!

Павел привык так разговаривать с женой: полушутя, полусерьёзно, без улыбки и с тщательно скрываемой любовью. Вроде бы стесняется показывать свои чувства! Может быть, уродился таким серьёзным? Или стал таким, потому что внутренне сконцентрирован на чём-то своём, никому, кроме него, не известном? Павел – творческая личность, всю жизнь постигает что-то новое. Английский выучил в совершенстве, да так, что некоторые англичане-грамотеи на фирме обращаются к нему за консультацией, когда деловые письма пишут. И

японским владеет. Целый год на курсах в Москве учил, а потом аж семь лет работал в агентской компании в Токио; начинал в советское время, а закончил уже при Ельцине. В Россию не вернулся, а отправился в Гонконг на службу в рыболовную компанию с промысловым флотом на Сахалине. Владельцы компании – выходцы из Одессы, бывшие цеховики, а заправлял там всем некий Ралф, гражданин Австралии, когда-то работавший биндюжником в одесском порту! Вот так бывает: в Одессе был грузчиком, а в Гонконге стал солидным бизнесменом. Новые времена на постсоветском пространстве породили новых героев и разбросали их по всему миру. Павел пять лет продержался в гонконгской компании. Бизнесменом не стал, но на заработанные деньги смог купить небольшую квартиру в Лимассоле на Кипре и остался здесь навсегда. И снова повезло: сумел попасть в компанию ещё одних одесситов, снабжавшую топливом и маслами суда на российском Дальнем Востоке. И тоже пришлось соответствовать: выучил греческий! Павел, сколько помнит себя, всегда учился. Не до улыбок ему. Он хорошо усвоил уроки выживания в этом беспокойном мире: не высываться, не нарываться и соответствовать. Соответствовать должности и времени. Но время диктует свои требования, часто невыполнимые. Как-то незаметно подошёл-подкрался пенсионный возраст, и пришлось уволиться. На смену менеджерам старой закваски пришли новые ребята с бульдожьей хваткой. Наглые и агрессивно-предприимчивые, такие, что не только своего нигде не упустят, но того гляди и чужое урвут. А Павел Морковников с его честностью и порядочностью перестал отвечать новым реалиям. Сам взятки не берёт и другим давать не умеет. А без этого новых клиентов уже не привлечёшь. Да и возраст за шестьдесят, былой резвости, напора не стало у него. Сам ушёл из компании или его ушли – не так важно, важно, что свободного времени стало много! Нашёл себе новое дело: стал стихи писать. И всё о любви! Вот здесь, казалось, и пришло время и шутке, и улыбкам. Так нет же, лирика у него тоже ка-

кой-то серьёзной оказалась. В его стихах главные герои – собственная жена и домашняя кошка! И ту, и другую любит Морковников безмерно. Кошка из дому ни на шаг! Чувствует животина любовь человеческую, хотя и лишили её важных кошачьих радостей – кастрировали. Может, потому такая преданная, что не отвлекается ни на кого? А жена Надя? Без Нади Павел – никуда, будь то ловля карпов и карасей в кипрских водоёмах или концерт какого-нибудь Губермана из Израиля. Они всегда вместе – неулыбчивый Паша и весёлая хохотушка Надя. Весёлая-то весёлая, но и умеющая, когда нужно, своего Пашу приструнить. Вот и сейчас Надя за словом в карман не полезла, а тут же ответила мужу:

– Паша, посмотри на Всеволода Ивановича! Всегда в хорошем настроении. Со всеми приветлив, шутит. А ты вечно недоволен. И лицо у тебя злобное! А ты ведь, Пашенька, добрый, я-то знаю.

– Молчи, женщина, – опять повторил Павел, но голос его был совсем не строгим.

Всеволод Иванович привык к чудачествам своего приятеля, упрямого и неуступчивого даже в мелочах, но вежливого и культурного до невозможности.

– Паша, ты можешь хоть раз в жизни заматериться? – как-то лет пятнадцать назад спросил его сахалинский дружок Дусик, в обычной жизни плутоватый Серёга из Херсона.

– Нет, не могу, – невозмутимо проронил Павел.

Эх, было время! Работали вместе в государственной судоходной компании. Стабильная высокая зарплата, квартальные премии, понятное будущее на пенсии с северными надбавками. И рыбалка в студёных сахалинских речках, когда рыба сама за гольный крючок цепляется. А в конце лета и осенью ягодное раздолье: брусника, красника – хлопковка по-народному, смородина на дачном участке. А грибы, грибы какие! Боровички ядрёные и на засолку годятся, и пожарить можно, да и сушёные радуют в супчике зимой. Бросишь горстку в кипящую воду, добавишь картошки да крупы какой-нибудь, хоть бы и пер-

ловки, и грибной дух по всему дому разносится. От воспоминаний лицо Павла стало ещё более напряжённым. Какой чёрт занёс его на этот Кипр? Здесь самых разных грибов в магазинах хоть пруд пруди, а не то. Искусственно выращены! Хотя в горах в сезон дождей в конце осени можно найти и дикий гриб. Дикий, да не свой какой-то. Не родной! Куда кипрским грибам до наших белых! Или взять те же подберёзовики, подосиновики. Но нет здесь ни берёз, ни осин. А под пальмами да под оливами грибы не растут. А если бы росли, то как бы они звались? Подоливники? Подумал – и, вместо того чтобы рассмеяться от придуманного смешного слова, Павел чертыхнулся:

– Чёрт бы вас побрал!

– Ты чего, Паша? Кого ты к чёрту посылаешь? Меня с Надей?! – удивился Мареев.

– Да нет! Водилы местные никогда поворотники не включают. Вон перед самым носом та же красная «тойота» перестроилась внезапно. А пару минут назад меня вздумал учить.

– Паша, а ты, я вижу, выучился на Кипре ругаться! А на Сахалине всегда начинал со слов «извините, пожалуйста». На рыбалку ходишь здесь?

– Хожу! На подлёдную!

– Ну, Паша, да ты ещё и в шутники здесь записался? Значит, не ходишь!

– Да какая рыбалка?! Карпа и карася уже не ловим, воды в водоёмах мало, рыба тиной пахнет. Разве что зимой в море, когда фермерские садки штормом поразматывает, так сбежавшая рыба сама бросается на блесну. Лавраки – так здесь окуня называют. Или ихняя ципура, что-то вроде морского леща. Ну разве это рыба! Мясо от комбикорма жирное и дряхлое. То ли дело наш дальневосточный окунь – терпуг! Помнится, когда на Курилах пароход стоял на рейде, так мы такие «лапти» вытаскивали из воды! А здесь в магазинах вся рыба из садков! Форель норвежская свежая продаётся, головы отдельно во льду лежат, по килограмму каждая. Может быть на Кипре свежая норвежская форель? Вот то-то и оно! Привезут за-

мороженную, разморозят, в лёд положат и продают как только что из моря выловленную!

– Паша, не брюзжи! Что было в молодости, не вернётся. Вспомнил бы ещё, как кижуча на Камчатке когда-то ловили! Или это было на мысе Лазарева? Но там двенадцать месяцев зима, остальное лето. А на Кипре всегда лето. От жаркого, начиная с весны, до просто тёплого зимой, – вмешалась Надя. – И рыба местная свежая здесь есть: групер красный, групер белый, мелкие рыбки в магазинах продаются. А кальмары, осьминоги... Да чего тут только нет! Не то что раньше, на Сахалине: вокруг море, рыба косяками ходит – а в магазинах, кроме ржавой сельдki и лежалого мороженого минтая, ничего нет! А здесь рыбы, овощей местных свежих, фруктов – завались! Те же лимоны кисло-сладкие, как яблоки, с кожурой едим. Нет, на Кипре очень хорошо! И киприоты – народ доброжелательный и дружелюбный, правда, Всеволод Иванович?

– Да, я заметил уже. Незнакомые люди утром на пляже говорят друг другу «калимера», то есть «доброе утро». В глаза смотрят и улыбаются. Открытые люди. А насчёт рыбы на Сахалине ситуация поменялась: на рынке всё можно купить, от крабов до икры морских ежей! Хотя самую хорошую рыбу вывозят в Японию, Корею, Китай.

После прогулки с четой Морковниковых на машине по окрестностям Лимассола вернувшийся в гостиницу Мареев наугад открыл подаренный ему сборник стихов Павла. Бросилось в глаза стихотворение «Не поступлюсь ни строчкой...».

...Вот паучок к нам в комнату проник,

Ползёт куда-то по твоей сорочке.

Да будет славен жизни нашей каждый миг! –

Не поступался в ней я ни единой строчкой.

«Неуступчивый ты наш, Паша!» – рассмеялся своим мыслям Мареев и тут же на полях книги написал простым карандашом довольно острую эпиграмму.

Открыл фотографии в айфоне. Вот насупившийся Павел рядом с Надей, жизнерадостно-улыбчивой. А вот он с ним, Мареевым! Опять же стоит этаким суровым неприступным мужчиной, и ни тени улыбки на лице. А Мареев улыбается. «Лицемер ты, Мареев! – подумал о себе. – Вот только что написал злобную эпиграмму на Морковникова, а полчаса назад улыбался ему во весь рот. – Но тут же оправдался: – Славная пара. Люблю их обоих. Но Паша всё-таки какой-то замороченный. Не поймёшь, что у него на уме. И говорит как-то витиевато, то извиняющимся, то брюзжащим тоном».

С самого первого приезда на Кипр Мареев подружился с пенсионером, бывшим бизнесменом-строителем Атанасиосом. Имя, созвучное русскому Афанасий, но все друзья обычно зовут его Атосом с ударением на первом слоге. Прелюбопытнейшая личность. Много домов построил за свою жизнь на Кипре. Начал этим заниматься поздно, лет в сорок, а до того девятнадцать лет прослужил детективом в лимассольской криминальной полиции. В пятнадцати минутах пешком от пляжа у Атоса домик среди деревьев – дача. На даче с полсотни кур и с десятков котов. Вот и вынужден каждое утро приезжать на эту дачу кормить живность. А когда обедает с друзьями на веранде, то и куры, и кошки тут же крутятся и подбирают кусочки рыбы, хлеба или мяса. Пока какая-нибудь кошечка аккуратно принюхивается к брошенному кусочку, глупая курица тут же кинется и склюёт добычу. «Вот так и в человеческой жизни, – подумал Мареев, наблюдая за нахальными курицами и интеллигентно-скромными кошками, – кто пошустрей, тот и выхватывает кусок пожирней. А скромняги типа того же Морковникова довольствуются крохами, в лучшем случае зарплатой, честно заработанной». Вон очередного мэра в России арестовали за то, что воровал в открытую и много. А воровал бы скромно, не выбиваясь из рядов других высокопоставленных воров, глядишь, и пронесло бы! Высунулся – и получай, хотя оно и не совсем так. Много таких жуликов-воротил при чиновничьих должностях. На них пробы негде ставить, а –

ничего! Никто их не сажает в клетку позора в зале суда! Хотя и те, кого посадили, выглядят не угнетёнными, а скорее озлобленными и обиженными: «Как же так?! Другие воруют, и никто их не трогает, а тут за мелкие шалости преследуют!» Пытаются преследовать, да не очень-то получается. «И на Кипре бывают случаи жульничества», – подумалось Марееву. Как ему надоели эти еженедельные репортажи по телевизору о ворах-чиновниках, об отпрысках богатых россиян, разъезжающих на крутых иномарках в нетрезвом виде. Показывают, говорят, обличают, а ничего не меняется. Вот и захотелось успокоить себя тем, что коррупция – не только российская беда. Атос такого же мнения, а ему-то многое известно, как бывшему детективу. Сейчас Атос интересуется искусством. Запал на нэцке – резные японские фигурки. Собирает только женские статуэтки. Даже с десятков редких старых нэцке в его коллекции имеется. Не подделки, нет. Купленные в разных местах по миру, с сертификатами известных экспертов, подтверждающими их подлинность. Атос может часами сидеть с лупой и любоваться своими сокровищами. И рассказывать о них может бесконечно долго.

Как-то Атос предложил Марееву поехать с ним в Ниокию на японскую выставку.

– Да, я с удовольствием поеду, – обрадовался Мареев. – Сегодня?

– Нет. В пятницу.

– Ну ладно. Подожду.

И вот пятница. Мареев основательно подготовился, прочитал в интернете всё, что нашёл на эту тему. Внимательно рассмотрел две фигурки, которые давно купил в Японии: одна выточенная из кости – возможно, даже мамонта? Да так искусно сделана, что действительно хочется смотреть и смотреть на склонённую в поклоне обнажённую японскую девушку. Всё при ней: маленькие груди, аккуратные ручки, и всё остальное, что положено девушке иметь, тоже имеется. А сзади, красным цветом, оттиск маленькой печати с иероглифами. Интересно бы узнать, что там написано. А вторая фигурка деревянная,

но не менее красивая, и тоже красная печать на ягодице, но иероглифы другие.

Ехали в машине и болтали о всякой всячине. Агос – тёртый калач! Попутешествовал по всему миру. Тонкий ценитель женской красоты. А какой киприот не ценитель женщин? Но Агос – особый случай! Родился в бедной крестьянской семье в деревне Пахиаммос, что недалеко от курортного городка Полиса. Помнит, как начал ходить в деревенскую школу, четыре класса окончил, а дальше надо было учиться в городе. Отец наотрез отказался платить, и не потому что не хотел, а потому что денег не было. Откуда деньги у крестьянина? В те послевоенные времена большинство киприотов испытывало нужду. Учитель и так, и этак уговаривал семью отпустить сына, но никакие уговоры не помогали. И вот после окончания сельской начальной школы учитель пригласил Агоса и ещё одного смышлёного мальчика к себе домой погостить на три дня. А сам записал их в городскую школу, с

чем родители потом смирились. Некогда Агосу было на девушек обращать внимание: учёба, а после уроков отцу помогал.

Это уже потом, когда в полиции Лимассола начал работать, кто-то ему сказал, что в соседней деревне есть красивая девушка на выданье. Вот и отправились с родителями свататься, хотя невесту и в глаза не видел. Отец Илиады считался богатым по тем временам, поэтому не сразу согласился на брак своей дочери с бедным детективом. Не отказал, но и не согласился. Обещал известить о своём решении письмом, но прошёл месяц, а никакого письма нет. Агос сам написал будущему тестю, попросил ещё раз руки его дочери и спустя неделю получил утвердительный ответ. Вот так Агос познакомился с первой своей девушкой, которая и стала ему женой. Двоих детей родили: сын Панос и дочь Платонида. А потом жизнь Агоса круто изменилась, красивый был, нравился женщинам, а жена Илиада не стерпела измен. Но это уже было в те времена, когда Агос стал строителем, появились большие деньги. Известно, что чем больше денег, тем больше соблазнов у мужчины.

Агос рассказывал Марееву историю своей жизни, а тот удивлялся перипетиям его судьбы.

– Да, Сева, погулял я в своей жизни хорошо! А сейчас гулять уже здоровье не позволяет. Осталось любоваться японскими нэцке, – пошутил Агос.

– Любишь, друг мой, азиаток? – поддержал игру Всеволод Иванович.

– От макушек и до пяток, – ответил по-русски киприот фразой из стихотворения Мареева и добавил по-английски: – Вот и всё, что я знаю по-русски.

– И это уже немало, – рассмеялся Мареев.

По небольшой комнате ходили люди, в основном японцы, и рассматривали маленькие фигурки с написанными на белой бумаге иероглифами. Потом Всеволод Иванович узнал, что это были стихи танка известных с древности японских поэтов. Кроме фигурок женщин на отдельном стенде были выставлены фигурки японских

детишек, на другом фигуры мужчин, в основном стариков, боги и божки или просто тучные мужчины с обнажёнными животами. Были фигурки различных животных: зайцы, лягушки и даже две коричневые обезьяны. Нэцке из кости, из дерева, из керамики высотой не более двух дюймов. Атоса же интересовали только женщины. Он восторгался тонкостью работы японских мастеров и то и дело приглашал Мареева разделить с ним его восхищение какой-нибудь красавицей в кимоно, а то и обнажённой. Некоторые мастера Атосу были знакомы, и он с удовольствием узнавал их работы и комментировал для Мареева. И вдруг он как вкопанный остановился перед изумительной фигуркой из чёрного дерева – сидящей на корточках миниатюрной красавицей с веером.

– Не может быть! – воскликнул Атос. – Я читал, что существует нэцке обнажённой японки с веером, но никогда не видел даже её изображения. Вот так удача!

– Красиво, но что же здесь необычного?

– Это работа современного мастера. Он никогда не подписывает свои работы.

Стоящий недалеко японец в строгом костюме с синим галстуком, наверное, экскурсовод, внимательно посмотрел на Атоса и спросил на хорошем английском языке:

– Вы действительно интересуетесь этим мастером? Он здесь, в соседней комнате, даёт интервью японскому журналисту.

– И я могу с ним поговорить? – спросил Атос.

– Конечно, когда с ним закончит беседовать журналист. Но увидеть его вы можете и сейчас.

И японец подвёл приятелей к полуоткрытой двери. Сказать, что Мареев испытал шок, – это почти ничего не сказать. Это было и удивление, и потрясение. Вполоборота к двери сидел Паша Морковников и говорил с пожилым японцем, а тот торопливо записывал его слова в блокнот. Это был совершенно другой Паша, улыбающийся и счастливый. Мареев тихонько потянул Атоса за рукав от двери. Они снова подошли к экскурсоводу, и Мареев спросил:

– Извините, этот европеец, говорящий по-японски, и есть мастер нэцке – обнажённой японки с веером?

– Именно так, – поклонился почтительно японец. – Это господин Павел Морковников, русский. В своё время он жил в Японии и увлёкся нашим традиционным искусством.

«Вот тебе и человек со злобным лицом!» – подумал Мареев, но вслух не стал ничего говорить.

Не ожидая, когда Паша его увидит, Мареев поспешил покинуть выставку. Зачем смущать друга? Захочет – сам когда-нибудь расскажет о своём увлечении.

Атосу он что-то наплёл, почему ему нужно срочно вернуться в Лимассол. Дома первым делом нашёл поэтический сборник Морковникова и стёр написанную на полях страницы эпиграмму. Стёр не потому, что Мареев изменил мнение о его поэзии, нет, не потому. Он решил, что не имеет права судить стихи. Вспомнил выставку нэцке, вдохновенное лицо Павла, увлечённо беседующего с японским журналистом. «А Надя? Где была в это время Надя? Знает ли она об этом увлечении мужа?»

В конце дня Мареев стоял на пирсе у набережной Лимассола. Лучи скатывающегося за горы солнца щедро освещали море, стоящие на рейде корабли, далёкий горизонт, отделяющий чертой светло-голубое небо от спокойного синего моря. Безмятежность и покой в природе. Но что за этой безмятежностью скрыто? Что происходит в глубинах морских? Возможно, вот так же тысячу лет назад на этом берегу стоял человек и с теми же мыслями обращался к морю. «Взлетаю, как птица, с тобой в поднебесье, стою пред тобою один на причале...» – Марееву вспомнились слова песни, и он несколько раз повторил знакомые строки.

Разве возможно этим поступиться? Отказаться от того, что было в этой жизни? Наверно, прав Паша Морковников – невозможно и не нужно.

Что происходит в глубинах души поэта? Кто знает? Кто скажет? Да и знает ли сам поэт эту тайну?

В горной таверне

До чего же я люблю эти мощённые камнем кривые улочки старых деревень в горах Троодос! Узенькие, машину с трудом проведёшь. Местный житель разве что изредка на своём стареньком авто к дому подкатит. А турист ходит пешком и наслаждается красотой. У каждого строения свой архитектурный стиль, а всё вместе составляет неповторимый облик каждой деревни. В давние времена, видимо, не было архитектурного надзора, каждый хозяин возводил дом по своему вкусу и пониманию красоты, непохожему на соседский. Строили из тёсаного камня, неторопливо, на века. Вот и дошли эти здания до нынешних времён в неизменном виде. Стоят они, как стояли и сотни лет назад – камень не требует особого ухода. А как там внутри, туристу и дела нет. В каждом селении православный храм, где мал и прост, а где и большой, с богатой историей. Вот монастырь Святого Креста в деревне Омодос! Сколько ему лет? По преданию, Животворящий Крест был обретен императрицей Еленой в Иерусалиме в 326 году. Монастырь был построен местными жителями ещё до посещения этих мест святой равноапостольной Еленой. Доподлинно известно, что она останавливалась на Кипре по пути из Иерусалима и оставила в монастыре частицу Креста и узы (верёвки, которыми Христос был привязан к Кресту). В праздничные дни священнослужители открывают дверцу, за которой находится святыня, и верующие могут приложиться к ней.

Вчера Михалис возил меня в эту знаменитую деревню. Дорога петляла среди гор, открывая виды на озёра и селения внизу. Сколько раз я просил остановиться, чтобы сфотографировать живописные места! А сама деревня Омодос?! Древние строения, современные магазинчики,

многочисленные музеи. Магазинчики ничего особенного из себя не представляют – хлеб, другие повседневные продукты и великое множество фруктов. Гордость местных жителей – гранаты. Лежат они грудками на лотках, и невозможно не купить десяток-другой. Крупные, спелые, зёрнышки внутри так и брызжут красным соком. Обедали в местной таверне. Молодая и красивая киприотка сразу предложила мне свежий гранатовый сок. У неё была такая обворожительная улыбка, что я и кислоту из её рук выпил бы, а тут гранатовый сок! Да с превеликим удовольствием! Затем домашнее вино в кувшине, разные местные закуски и главное блюдо из мелкой зелёной фасоли – луви. Если ещё и правильно произнести название блюда с ударением на последнем слоге, то и вкусовые его качества, и симпатия киприотов определённо будут на нужном вам уровне. Хотя луви всегда при своих качествах, но, приправленное взглядом больших глаз черноволосяй красавицы из горной таверны, оно становится непередаваемо вкусным.

В нашей компании оказался давнишний мой приятель Атос. Великолепный рассказчик, он ни на минуту не останавливается, смакуя то одну, то другую историю. Его внимательно слушает Андреас, старший брат Михалиса, владелец гостиницы и ресторана на первой линии в Лимассоле. Со стороны, наверное, странно видеть четырёх галдящих немолодых мужчин, слушать их хохот и сомнительные шутки, отпускаемые в адрес красавицы Мелины. В таверне никого, кроме нас, нет – не сезон, и женщине приятно внимание пусть и немолодых, но довольно взрослых посетителей.

– Алексис, ты нравишься Мелине, – начинает Атос.

– Мы все ей нравимся, – парирую я, – разве могут не нравиться клиенты в этой до лета забытой туристами горной таверне?

– А вот может и такое случиться, – начинает новую историю Атос.

Андреас тут же подался вперёд, отложив в сторону вилку, а Михалис продолжал невозмутимо накладывать в свою тарелку сочные кусочки говядины. Его с ходу не ув-

лечь многозначительным вступлением, он ко всему подходит основательно и ждёт, в какую сторону закрутит новую байку балагур Атос. Но и тот не спешит раскрывать все карты сразу и разливает по фужерам красное вино. Я с интересом наблюдаю, что будет дальше.

– Давайте, друзья, поднимем бокалы за женщин! Что может быть лучше в жизни мужчины?! Вот я и предлагаю выпить за единственную женщину в нашей таверне. За Мелину!

Мелина нас не слышит, она на кухне. Но для Атоса это неважно. Ему важно выразить свой восторг перед женщиной, и он искренен в этом.

– О, Атос! Не ожидал от тебя такое услышать. Вечный романтик. Не устал ещё? – подтруниваю над другом.

Но он, не обращая внимания на меня, смотрит на жадно внемлющего ему Андреаса и продолжает:

– Ты, Андреас, знаешь меня смолоду. Любил я покурлесить. Сердце у меня такое: жаркое и неумное. Всегда зовёт меня в неизвестность. Кажется, что сорвусь с места, помчусь по извилистой дороженьке и за одним из поворотов попаду в мир художника Ватто. Был в давние времена во Франции такой художник, на его картинах люди счастливые и влюблённые, женщины необычайно красивые. Сказочная жизнь.

Михалис невозмутимо пьёт вино. Андреас кивает головой в такт словам рассказчика. Он разделяет, в отличие от брата, чувства кипрского заводилы, вечно влюблённого! В одну, или в другую, или в нескольких сразу! – какая разница. Не бывает на солнечном острове мужчины без любви к женщине. Разве что монахи! Но кто знает, что творится в душе монаха, если он не старец, погружённый в осмысление бытия и молитву?

Тем временем Атос уже не сдерживает эмоций:

– Эх, Андреас! Знал бы ты, какие большеглазые, стройные и длинноногие красавицы встречаются на морском побережье в Болгарии! От улыбки моей Иванки солнце по утрам поднималось над морем, а птицы встречали её пробуждение залихватским пением. Когда я впервые

попал в Болгарию и познакомился с Иванкой, то сказал себе: «Атос, ты попал на седьмое небо! Такой песчаный пляж, да с бронзовой синеокой Иванкой, не может находиться на земле».

– Что же ты, Атос, вернулся? Наслаждался бы тамошними красотами. Расскажи лучше, чем тебя кормили там? Мясо давали? Или ты был сыт любовью Иванки?

Андреас повернулся и с осуждением посмотрел на Михалиса, уплетающего за обе щеки говядину, поданную с кисло-сладким гранатовым соусом. Подошла Мелина и, подливая в мой фужер вина, слегка коснулась моего плеча. Её загорелые руки с удивительно длинными пальцами ловко убрали первую сервировку, и спустя мгновение передо мной оказался чистый прибор. Мне казалось, что я ощутил лёгкое дыхание красавицы, даже почудилось, что прядь её блестяще-чёрных волос коснулась моей щеки. Я не выдержал, слегка повернулся к ней и встретил взгляд выразительных оливковых глаз. Что там в них было? Лукавство? Смешинки? Я слегка стушевался, но выручил меня Атос.

– Мелина, тебе нравится Алексис? – без обиняков спрашивает Атос нашу хозяйку.

– Да. Мне нравится этот остроносый русский, он не похож на наших мужчин, – ничуть не смущаясь, женщина с удовольствием приняла предложенную ей игру.

Атос тут же перешёл с английского на греческий, выдав длинную тираду. В ответ Мелина весело захохотала и убежала на кухню. Андреас захлопал в ладоши.

– Атос, досказывай свою историю об Иванке. Оставь в покое хозяйку таверны, тем более что я не понимаю по-гречески.

– А знаешь, Алексис, я завидую тебе. Ты впервые в этой деревне, и такая красивая женщина оказывает тебе внимание. Только есть маленькая проблема: Мелина не замужем, её отец приготовил для дочери в качестве приданого эту таверну и замечательный дом в Лимассоле. Семья ждёт серьёзного жениха. Так что безответственное ухаживание здесь не пройдёт.

– Господи, да такая красавица вмиг выйдет замуж! И с таким приданым! И молодая она. Сколько ей лет?

– Меньше тридцати. Я помню её девчонкой, – вмешался Михалис, – и отца её знаю смолоду. Хорошая семья. Отец Мелины – полицейский.

За что я люблю киприотов? За непосредственность, за доброжелательность и за врождённое чувство такта. Если шутят, так со вкусом и с уважением. В отношениях мужчины и женщины никакой многозначительности, всё довольно откровенно и открыто.

– Иванка, Иванка, – продолжает Атос, – десять дней пролетели, и настала пора прощанья. В то время я только начинал свой строительный бизнес. Оставил службу в полиции.

– Атос, ты служил в полиции?

– Да, в криминальной полиции, и в те ещё времена, когда в старых кварталах Лимассола случилась вендетта – противостояние двух семейств. Каждый день кто-то погибал. Мне тогда было тридцать лет. Да что об этом вспоминать? Я ушёл из полиции и начал строить дома. Вот после первого построенного дома и поехал в Болгарию. Хотел с болгарскими партнёрами законтачить. И контакт получился, но с Иванкой. Да такой, что жену оставил. Иванка обещала приехать на Кипр.

– И что? Приехала? – чуть не подскочил со своего места Андреас.

– Если бы она приехала, то ты, Андреас, знал бы об этом, как и многие другие мои друзья. Не приехала. Времена были другие. Да и Иванка вскоре вышла замуж за молодого болгарина. Мужчина не должен расставаться с женщиной надолго.

Михалис отодвинул еду и смотрел на Атоса по-другому – с участием и пониманием. Андреас склонил голову, задумавшись о чём-то своём. Возможно, рассказанная Атосом история всколыхнула в его душе глубоко спрятанные давние воспоминания. Любой мужчина хранит в потаённом уголке сердца за крепко закрытой дверцей что-то своё, о чём, может быть, тайно вспоминает. Ока-

зывается, что даже Атос, балагур и весельчак, сожалеет о том, что когда-то не удержал молодую болгарку.

В таверну вошла группа англичан: пожилая пара и довольно симпатичная женщина, не определишь, какого возраста, – не старая и не молодая. Англичане заказали у Мелины ужин.

– Неужели туристы? – тихонько спросил я у Михалиса.

– Нет. Живут в деревне. Пенсионеры. Возможно, мужчина бывший военный, служил на английской военной базе. Привыкли к Кипру, к теплу, к солнцу, к нашей пище и не хотят уезжать на туманный Альбион. Да и жизнь здесь подешевле, чем в Англии.

А я смотрел на неспешно беседующих англичан и думал: смог бы я жить, как они, в этой тихой деревне, ничего не делая? Просто доживать свой век вдаль от родных? Вряд ли. Хотя в век интернета и самолётов что такое большие расстояния? Да ничего, если рядом любимая женщина. А этот англичанин окружён двумя женщинами: жена, дочь, сестра? Да мало ли кем они приходятся друг другу. Всё их внимание ему предназначается. И так проходит год, два, десять...

Атос задумчиво потягивал вино, Андреас продолжал сидеть, отрешённо склонив голову, а Михалис усердно орудовал вилкой и ножом, справляясь с куском баранины, потеряв всяческий интерес к рассказу приятеля. Вдруг Андреас встрепенулся, поднял голову и спросил:

– Атос, ты начинал свой рассказ с того, что в такой забытой богом и людьми таверне могут быть и не рады новым гостям. Что ты имел в виду? В твоём рассказе ничего такого не было.

– Я ждал этого вопроса, Андреас. Ты очень внимательный слушатель. Так вот. Многие годы я жил один, но во всём помогал бывшей жене. Дети выросли, у меня уже есть внуки, но я до сих пор не забываю об Илиаде. Лет десять назад я прекратил заниматься бизнесом и разделил, что заработал, между детьми, оставив себе столько, чтобы безбедно жить на Кипре и путешествовать по миру. И, конечно, я, как свободный кипрский мужчина, встречал-

ся с женщинами. О, в моей жизни было много женщин! Достойных и красивых.

– Атос, такие откровения, по-моему, несвойственны кипрским мужчинам. Ты меня поражаешь и восхищаешь, – не сдержался я.

– Ты прав, Алексис. Вряд ли ты услышишь от кого-либо здесь, на Кипре, что-то подобное. Я расслабился и расчувствовался. И всему виной эта таверна. Эх, расскажу-ка я вам ещё историю. Хотя, Алекс, тебе уже кое-что известно.

Я вспомнил русскую жену Атоса Алису и её музыкально одарённую дочь Лину.

Андреас отставил в сторону фужер с вином. Симпатичная англичанка повернулась в нашу сторону и внимательно посмотрела на Атоса. И даже Михалис, продолжая жевать, уставился на рассказчика.

Рядом с нашим столиком остановилась Мелина, заинтересовавшись байками Атоса.

А тот преобразился. Приосанился, глаза заблестели.

– Мелина, когда вы приобрели эту таверну? – весело спросил он хозяйку.

– В мае 2010 года.

– А я приезжал сюда в январе того же года. Целыми днями ездил по горным дорогам, посещал любимые с молодости места. Побывал в деревушке Лания, где находится галерея художника Майкла Оуэна, любовался его новыми акварелями. И только поздно вечером добрался до этой деревни, где рассчитывал поужинать. Но не тут-то было. Отказали мне в ужине. Тогда здесь работала молодая русская женщина.

– Я её уже не застала. Она уволилась до того, как мой отец приобрёл эту таверну, – прервала его Мелина.

– Да, это случилось потом. А в тот вечер я чуть не остался без ужина. Женщина закрыла таверну перед самым моим носом и умчалась куда-то на маленькой подержанной «тойоте».

– А другие таверны? Они тоже закрылись? – с подвохом спросил Михалис.

– Нет, были открыты, и я поужинал в соседней. Но на следующий день я вернулся сюда.

– Атос, тебе понравилась злая русская официантка? – не выдержал Андреас.

– Она оказалась даже очень доброй. В тот вечер заболела её маленькая дочь, и она поехала в Лимассол, чтобы купить лекарства в аптеке. Её звали Алиса. И она стала моей женой, а её дочь Элина – наше маленькое чудо, наше счастье. Знаешь, Алекс, – повернулся ко мне Атос, – нет ничего лучше, когда родной человек рядом с тобой. Я многих женщин знал в этой жизни, но словно ничего и не было до Алисы. Жаль, что это пришло ко мне слишком поздно. Хотя... А расскажу-ка я вам, друзья, ещё одну историю из моей работы в полиции.

– Нет, нет, – возразил я, – не надо больше историй. Я от последней ещё не пришёл в чувство.

Меня поддержали остальные друзья, и мы, распрощавшись с Мелиной и англичанами, отправились в Лимассол.

Дома Михалис вручил мне упакованную коробку с лuvi. Под упаковкой я нашёл визитную карточку Мелины с номером её телефона. Что ж, у рекламы свои законы! Но как попасть в такую горную глухомань?! Придётся ждать, когда Атос пригласит.

Эфрозини – в подарок

Никос проснулся в пять утра и, не позавтракав, засоби-рался ехать на свой клочок земли в ближних горах. Какой завтрак в пять утра! Еду надо заработать! У Никоса с вечера готов план на день, и он следует ему неукоснительно. Сегодня поливает оливковые деревья. Впервые за несколько лет после того, как он выгодно купил этот участок земли, оливы обильно зацвели, и сейчас они усыпаны плодами. Дерево не может набрать достаточно влаги из сухой каменистой земли. Без воды плоды будут мелкие, часть урожая вообще пропадёт: осыплется на землю. А вот если поливать деревья, то с пяти десятков олив можно собрать пару тонн плодов, из них получится литров триста душистого оливкового масла. Почему не помечтать? Хотя главное не количество, а качество. В супермаркете оливковое масло хорошее, но всё же не то, что домашнее – отжатое из своих собственных оливок. О, это просто сказка! И запах другой – натуральный, остро-пряный! И вкус – словами не передать! Нальёшь немного золотистой жидкости в тарелку, слегка посыплешь солью, отломишь кусок белого хлеба, обмакнёшь... А если ещё добавить крупно порезанную луковицу да помидор с собственной грядки! Что может сравниться с этой едой? Ничего нет на свете лучше оливкового масла со свежеиспечённым хлебом!

Никос спешно набросал сена лошадям, поставил миску с кормом для собак, полил цветочную мелочь и помчался на японском внедорожнике в горы. У него всегда всё рассчитано до минуты: два часа поработает в саду, а в девять утра должен быть в офисе в Никосии. Но чего только в жизни не случается!

Однажды Никос гонял на корде своего любимого коня Арамиса, намотав конец верёвки на руку. Конь рез-

во бегал по кругу, иногда он подбадривал лошадь: «Давай, Арамис! Молодец! Ещё круг». Внезапно на площадку выскочил пёс Тайсон и кинулся вслед за конём. У собаки игра такая. Но Арамис вздыбился и рванул в галоп так резко, что Никос упал как подкошенный. Лошадь вылетела за ворота и потащила за собой бедолагу по кочкам и камням. К счастью, соседка Леда заметила неладное. На крики прибежал её муж и изловчился остановить Арамиса. Тогда Никос провалялся в госпитале две недели. Вот плата за собственную небрежность!

Бывает, мешают друзья. Является кто-нибудь в субботу, в тот самый день, когда Никос работает в оливковом саду. Тогда он не церемонится:

– Аристофан, у тебя дело ко мне? Нет дела? Извини, но сейчас я занят. Бла-бла-бла не будет. Иди, друг мой, домой и говори свои комплименты жене.

– Никос, ты что? Спал сегодня плохо? Почему сердитый такой?

– Я не сердитый, я сосредоточен, работаю. Давай встретимся вечером в таверне у Ламбродоса.

Как-то раз ехал на участок и увидел: на дороге без сознания лежит девушка – там, где асфальт заканчивается и дорога начинает петлять вдоль обрыва. Целый день тогда потерял, но не жалеет об этом. О том случае он не любит распространяться.

Никос отбросил лишние мысли – всё внимание крутым поворотам. Последний подъём, и машина выскакивает на плато – его территория, его королевство! Справа невысокие горы, но кажется, что своими вершинами они упираются в небо. Скоро-скоро солнце появится из-за этих вершин. И высветятся краски сухого лета. Это только на первый взгляд ландшафт серый и неприглядный. Даже сухая трава и та играет в лучах восходящего солнца разными красками. И если присмотреться, то среди этой выжженной солнцем растительности можно обнаружить множество скромных цветов. И запах у этой сухой травы особенный: терпко-сладкий. Дикорастущие орхидеи, ирисы, роза, ромашка и множество мелких цветов, из-

вестных только уж очень большим знатокам. Великолепные вечнозелёные сосны! Преклонного возраста кедр! Стройные кипарисы! Да разве есть у него время перечислять все эти растения, окружающие со всех сторон его плато?! Но есть одно дерево, тысячелетиями растущее на Кипре, оно – визитная карточка острова, его лицо! Да, да! Это – олива! С давних времён прививка дикой оливы поощрялась государством. Обнаружил в горах дерево, привил его, зарегистрировал в государственном реестре, получил свидетельство о праве собственности – и вот ты на веки вечные владелец плодоносящего дерева, независимо от того, кто потом купил землю. Когда-то в аккультурации оливы очень преуспели пастухи овец: скитаясь с отарами по горным склонам, они находили и прививали дикие оливковые деревья. Со временем их владелец мог стать богатым человеком.

У Никоса на участке пятьдесят одно оливковое дерево. Лет семь уже он неумоимо обихаживает деревья: поливает, опрыскивает по весне, чтобы избавиться от паразитов, и много чего ещё делает. Шутка ли, но некоторым деревьям несколько сот лет, каждая олива охраняется государством. Есть желающие купить пышнокронных красавиц и перенести на свой участок, но Никос не соглашается, оберегая свои оливы.

До сада – метров пятьдесят, уже ворота видны. Прокукарекал петух Камерон. Чует хозяина! Ему ответили гоготом гуси. Посмотрел в небо, нет ли извечного врага кур – орла. Исчез куда-то разбойник. Прошлым летом почти всех кур потаскал.

Остановил машину перед воротами. Эх, достроить бы дом! Но нет, придётся погодить, пока младшего Кристиана не выучит в Лондоне. Скорее бы наступил тот день, когда здесь будет стоять дворец! Пусть это будет небольшой дом, но для него он будет дворцом! Какие виды! Вон светится бухта Миланда. А правее – горы Троодос! Красота непревзойдённая! Величественные вершины! Маленькие деревни! Древние монастыри и церквушки!

Надо съездить в монастырь Киккос и поклониться иконе Богородицы, написанной святым апостолом Луккой. «Обязательно поеду пятнадцатого августа, – решил Никос, – на Успение». А с другой стороны, на пути к Ларнаке, монастырь Ставровуни, там икона Кипрской Божьей Матери! Туда, в Ставровуни, поедет четырнадцатого сентября, в день Воздвижения Креста Господня. До недавнего времени Никос не думал о посещении монастырей, но всё в нашей жизни меняется, если готовы меняться мы сами. Недавно жизнь Никоса полностью перевернулась, и теперь он хочет наверстать упущенное и начнёт с посещения этих знаменитых монастырей.

Не успел открыть ворота, как увидел человека, идущего в сторону его сада! Как он не заметил его раньше? Нет, он уверен, что на дороге никого не было. Но другого пути сюда нет! И спрятаться негде! Никос подождал, пока незнакомец подойдёт поближе.

– Калимера! – учтиво поздоровался мужчина, на вид лет этак пятидесяти.

– Калимера! Калимера! – ответил Никос. – Я только что проехал и не видел вас. Куда путь держите?

– Я шёл по горной тропинке. Поэтому не встретился. В этих краях мой дед, а потом и отец коз пасли. Все склоны обошли. И мне передали свои познания. Приятно здесь гулять перед восходом солнца. Вы ведь Никос Кристодуло?

– Да, – ответил озадаченный Никос. – А вы кто?

– Кристос Димитриади! Мы не встречались раньше, но наши деды были хорошо знакомы и даже дружили.

Никос насторожился. Конечно, приятно встретиться с потомком дедова друга. Но не сейчас! Ведь у него свой план! Ему оливы надо поливать! А вслух спросил:

– Так вы ко мне пришли?

– И так, и не так. Я, собственно, к своей девочке пришёл! Давно не навещал!

– Какой девочке? Здесь не бывает девочек. Или вы так мою жену Аманду зовёте? Так её сейчас нет здесь, – напрыгся Никос.

– Мою девочку зовут Эфрозини. В честь матери моего деда назвали.

– Знаете что, не морочьте мне голову! Скажите, кого вы ищете? Эфрозини здесь нет, – сказал, теряя терпение, Никос.

Ему надоел этот бессмысленный и какой-то не такой разговор, да и время было дорого.

Кристос заулыбался и примирительно замахал руками:

– Простите меня, Никос! Эфрозини – имя пятидесятого по счёту оливкового дерева, привитого дедом на этом плато. Радости тогда столько было, вот и назвал он это дерево Радостью. Все деревья отец продал, а Эфрозини сохранил. Я пришёл навестить нашу родовую оливу. Не так давно нашёл документы, подтверждающие права нашей семьи на неё.

– Но при покупке земли не было никакого обременения!

– Наверное, это так. Продавец земли не сказал вам, вы не проверили. Но это ничего не меняет. Олива принадлежит нашей семье. У меня есть сертификат собственности. И я хочу пройти к ней, к моей Эфрозини.

Никос не стал больше спорить. Кристос подошёл к самой красивой оливе, стоящей в верхней части плато. Поклонился ей, перекрестился и отбыл весьма довольный её состоянием. Пообещал осенью прийти и собрать урожай.

Утро было испорчено. Что за дурацкие законы?! Почему кто-то может приходиться к нему на участок и говорить, что здесь его олива? Несмотря на плохое настроение, Никос добросовестно полил водой деревья, включая спорную оливу. Честно сказать, она была ему приятней и дороже всех остальных её сестёр. Он больше всего уделял ей внимания и поливал щедрее, чем другие деревья. Она была его радостью, а теперь оказывается, что радость-то она радость, да не его!

Поехал домой, чтобы позавтракать и переодеться. По пути не смотрел по сторонам, теперь его ничто не радо-

вало: ни восходящее солнце, ни чистое небо, ни бордово-жёлтый пейзаж июльского утра, который он так любил.

«А не буду я пускать этого Димитриади на свой участок! Пусть любит свою оливу из-за забора. – И тут же усомнился: – Этот Кристос имеет право собирать урожай по закону! А если я не буду поливать оливу, то и хорошего урожая не будет».

Ему стало стыдно за такие мысли. Как так – не поливать! И что она скажет? А ей какво? Люди не могут поделить между собой свою любовь, а ей страдать? Он не заметил, что стал рассуждать об оливе как о любимой женщине, которую у него собирается отбить соперник.

«Как бы в этом случае поступил мой отец, будь он жив? Ушёл отец из жизни и ничего не сказал. Неужели он не знал о Кристосе Димитриади? И кто такой этот Кристос? Есть Кристос Димитриади, известный юрист, бывший член правительства Кипра! Но тот человек гораздо старше. Он, помнится, тучный и неповоротливый. А этот, словно юноша, бегает по неприметным горным тропкам», – толклись мысли в голове Никоса.

Во дворе дома Аманда кормила кур. Тут же крутился вездесущий Тайсон. Рассказал жене о случившемся.

– Аманда, я хочу предложить Кристосу продать мне оливу. Иначе ему придётся согласовывать со мной порядок доступа к ней. Не может же он приходиться к дереву, когда ему заблагорассудится? А если мы в это время сексом будем заниматься на нашей земле и под этим деревом?

– Нико, что ты такое говоришь? – смутилась Аманда. – В нашем возрасте и под деревом? На земле? О, так романтично! Lovely!

– А что? Я становлюсь романтиком! Может, я и сад этот купил, чтобы жить свободно в горах! А теперь я зависим от какого-то Кристоса Димитриади!

– Не какого-то, а известного юриста. Я с ним знакома и даже встречала его недавно. Как он помолодел! Таким стройным стал! Очень симпатичный мужчина! Говорят,

что он регулярно стал посещать монастырь Ставровуни. Его жена жаловалась подруге, что Кростос хочет уйти в монастырь.

– Чего он тогда с утра припёрся на мой участок, если такой добродетельный? Испортил мне настроение на целый день, а может быть, и на неделю или на год! – продолжал горячиться Никос.

Мир меняется, жизнь наша меняется, и мы сами меняемся, даже не догадываясь об этом. Конечно, мы старше! Но главное в другом: наши души меняются, очищаются от ненужного. Приходит час, и мы по-новому смотрим на этот мир, на себя в этом мире и на наших друзей, соседей, знакомых!

Через неделю Никос получил письмо от Кростоса Димитриади. Уважаемый юрист благодарил его за то, что он разрешил пройти на участок и попрощаться со своей оливой. Самое неожиданное оказалось в конце письма: Кростос Димитриади отказался от своих прав на Эфрозини и попросил Никоса Кростодуло принять оливу в подарок.

Карлис

Карина посмотрела в окно, и лицо её поскучнело. С утра идёт дождь, мелкий и нудный. И это в конце лета! Вот такая своеобразная погода северного приморского города: то солнце щедро поливает землю светом и теплом, а то небо покроется серыми тучами, с Балтики накатит туман – ничего не видно ни в небе, ни на земле. И некуда себя деть. Выходить из тёплой квартиры никуда не хочется, и дома сидеть целый день не в радость. Но она любит Калининград за переменчивость погоды, любит Балтику со всеми её капризами, любит бродить по побережью, собирать ракушки и радоваться, когда море выбросит на песок янтарный камушек. Что за прелесть янтарь, особенно когда внутри него окажется, например, комар из далёких-далёких времён или пузырьрёк воздуха, невесть как застывший в смоле. Карина любит рассматривать такие камешки через лупу. У неё накопилась целая коллекция янтаря с необычными вкраплениями. Подумать только: видишь застывшую букашку, которой, может быть, много миллионов лет! И тогда приходят разные мысли. Хочется стихи писать, но стихи она не сочиняет, хотя поэзия – её подруга.

Вспомнилось, знакомый поэт читал:

Держу в руке янтарный камень –
О, сколько тайн он сохранил!
Ушедшей жизни спящий пламень –
Комар реликтовый застыл...
...Земной наш путь так скоротечен –
Кто вспомнит нас в глубинах лет?

У стенного шкафа в прихожей есть ниши, а в них кусочки янтаря с подсветкой. Все – с моря, найденные в разное время. Вот этот, совсем малюсенький, необычной формы, словно ребёночек в утробе матери. Она его так и назвала – «Ребёночек». На первом курсе университета нашла его летом на песке. Карина взяла камушек в руки и любовно погладила. А вот ещё! Этот нашла, когда с мужем на следующий день после свадьбы убежали от гостей к морю. Слово золотой самородок – бесформенный, с впадинами и холмиками, похожий на горы. Назвали его наудачу «Счастье». А брак и вправду оказался счастливым, сыну вот уже двадцать два года, а она с мужем ни разу не поругалась. Добрый, внимательный, ласковый. Что ещё нужно для счастья? Хотя иногда в глубине души вспыхнет что-то такое, непонятное для неё самой. Хочется куда-то ехать, лететь. Особенно когда зимними вечерами сидит одна дома, а за окном пронизывающий ветер с моря продувает город. Тогда она любит посмотреть в фейсбуке, чем занимаются друзья, послушать их музыку, поболтать в чате, оставить свои комментарии на странице друга. Неважно, встречалась с ним или нет, главное – душа родственная и близкая. А есть и такие, встречи с которыми помнит и с удовольствием заходит к ним в гости через интернет. Вот морской капитан Мареев, солидный дяденька с Кипра. Заглянула на его страницу и заулыбалась, увидев объявление в рубрике «Места»: «Здесь Карина Лисовская была с Всеволодом Мареевым». Это про кафе «Molly Malones», что в Лимассоле. Было дело, было. А фейсбук предатель, всё выдаёт. Этот Мареев в возрасте, но смешной, стихи пишет, любовной лирикой балуется. И песни на его стихи поют, романсы. Кто сейчас их слушает? Такие же повёрнутые на романтике, как он сам. Карина любит другую музыку, но и романсы ей не чужды.

Шуршали ленивые волны,
Играя с прибрежным песком.
Луна в ожидании томном
Сияла в окне золотом.

Три розы, три красные розы
На белую скатерть легли...

История о раздоре и примирении двух влюблённых сердец. «Вот бы и мне хоть раз поругаться с мужем и помириться, так же романтически, как в стихах Мареева». Нет, с Ильёй поругаться невозможно, он во всём потакает ей, отпускает одну на отдых. Ровные и спокойные отношения, и так на протяжении более двадцати лет.

На экране компьютера высветилось извещение – кто-то ей прислал письмо. Кто бы это мог быть? А, университетская подруга проявилась, Магдалена.

– Привет, Карлис! Как ты? Где ты? Всё так же поражаешь мужчин своей красотой?

Когда-то в университете её в шутку прозвали Карлис, от первых трёх букв имени и фамилии: Карина Лисовская. В замужестве сохранила девичью фамилию. Муж называет Карина, Карюша, Карюха. А вот старые университетские друзья нет-нет да и напомнят ей о беззаботной юности.

– Привет, Магда! Я в порядке. Погода не в порядке, в Калининграде дождь с утра. Ты-то как, где?

– Всё там же, в Хабаровске. В отпуск собираюсь. Одна. Без мужа. Может, махнём вместе куда-нибудь?

– А куда?

– На Филиппины. Или в Таиланд. Прилетай ко мне, Карлис! В Хабаровске погуляем, а потом в Юго-Восточную Азию рванём.

– Я на Кипре в прошлом году отдыхала. Класс! Давай, Магда, вместе на Кипр! В конце октября. Там ещё купальный сезон.

– А давай!

Так и сговорились. Магда прилетит на Кипр, где Карина будет её встречать. Сказала подруге, что организует всё к её приезду: проживание, программу развлечений, а Магде только взять билет и прилететь. Не стала говорить, что недавно муж купил дом в Ларнаке, что есть своя машина, пусть всё это будет сюрпризом. Обязательно по-

везёт Магду в горы Троодос, где знаменитый монастырь Киккос. Полюбуются восходами-заходами солнца над морем. Да мало ли красот на Кипре!

Вечером рассказала Илье о планах поехать с Магдой на Кипр и пожить неделю-две в их доме.

– Знаешь, Илья, мне хочется на солнышке погреться. А то здесь дожди да дожди. А зимой и того хуже. Может, ты с нами поедешь?

Спросила так, для порядка. Знала, что муж собирается в это время отправиться на Филиппины с друзьями. Они все сёрфингом увлекаются и за хорошей волной готовы хоть на край света лететь. Не её это. Ей хотелось с Магдой вдвоём поехать. Поболтают. По кафешкам вечером побродят.

Илья тут же согласился с ней:

– Конечно, Карюша, поезжай на Кипр. Отдохни, – он подошёл сзади, нагнулся над ней, сидящей в кресле, и поцеловал в лоб.

Что за дурацкая идея целовать в лоб? Сколько раз говорила ему, что не любит поцелуев в лоб, но с него как с гуся вода! Привычка такая, что ли? Ну ладно бы в щёчку поцеловал. Но она промолчала. Иногда лучше промолчать. А Илья спокойно разместился в кресле напротив и стал пить пиво прямо из бутылки, закусывая солёными орешками. Пил со знанием дела, радуясь, что удалось купить настоящего баварского. Что ещё нужно успешному мужчине? А Карина своим молчанием корила его: «Вот радость из бутылки пиво пить! Неужели нельзя взять бокал? Специально купила хрустальные для пива».

– Умеют баварцы пиво варить! Свежайшее достал. Хочешь, Кариша?

– Илья, ты же знаешь, я не люблю пиво. Зачем предлагаешь?

– И ладно, Кариночка. Не любишь – не пей, а я расслаблюсь.

Его лицо светилось довольством. Уши покраснели. Казалось, отбери у него сейчас бутылку с пивом, и он расплачется, как ребёнок. Муж был похож на такого добро-

го и упитанного немецкого бургера, белобрысого, аккуратно подстриженного, как газон.

Наметила отправиться на Кипр первого октября. Написала заявление на месяц отпуска за свой счёт и стала готовиться. Перво-наперво решила поменять купальные костюмы. Долго примеряла в бутике французской моды и выбрала два прелестных бикини. Одно – оранжевого цвета, а другое – синего. Оба подчеркивали её стройную фигуру, небольшой бюст. «Небольшой, но красивый», – сама себя похвалила Карина, переодеваясь в примерочной. Роскошные русые волосы, выразительные глаза и руки... руки с тонкими и длинными пальцами. «А ты, Карлис, ещё ничего!» – улыбнулась себе в зеркало. Тело показалось ей бледноватым, но это поправимо: за месяц в солярии доведёт до бронзового цвета.

И вот этот тягучий месяц ожидания подошёл к концу. Ещё раз созвонилась с Магдой; та подтвердила поездку, хотя с задержкой на неделю. Карина тоже хотела поменять свой билет, но потом решила, что за эту неделю как раз всё подготовит к приезду Магды.

Москва встречала её прекрасным солнечным днём, и Карина даже пожалела, что не остановилась на день-два в столице, а сегодня же улетает в Ларнаку. Радовало то, что на Кипре тепло, море ласковое и спокойное, в отличие от капризной Балтики.

Место в самолёте оказалось прямо у аварийного выхода, а в соседнем кресле у прохода уже разместился жгучий брюнет лет тридцати пяти, с яркой белозубой улыбкой. Увидев Карину, он тут же встал и помог уложить её сумку на багажную полку.

Мужчина оказался довольно высокого роста, спортивного телосложения.

«Красивый мужик», – отметила про себя Карина, поблагодарив попутчика за помощь.

– Меня зовут Тигран, – улыбнулся мужчина. – А вас, мадам? От вас, может быть, зависит моя жизнь.

Она назвала своё имя и тут же переспросила удивлённо:

– Это как понимать? Ещё не успели познакомиться, а я уже в ответе за вашу жизнь?

– Кариночка, так вы ведь у аварийного выхода сидите и по правилам Аэрофлота отвечаете за открытие двери в аварийном случае.

– Ну, надеюсь, до таких крайностей не дойдёт. Но если потребуется, могу ли я рассчитывать на вашу помощь, Тигран? – отшутилась Карина.

Три с половиной часа полёта пролетели незаметно, в разговорах и шутках с весёлым попутчиком. Всё в нём было ей интересно. Имя Тигран ему дали в честь гротесмистера Тиграна Петросяна. Отец и сам неплохо играл в шахматы, но сын пошёл дальше и стал мастером спорта. Удивительно, летел на Кипр всего на неделю, чтобы дать мастер-класс местным шахматистам.

– Вы – армянин, Тигран?

– У меня отец армянин, а мать еврейка. Поэтому я больше еврей, чем армянин. Люблю и тех и других, но себя считаю евреем.

И Тигран начал сыпать анекдотами. Давно известно, что евреи любят рассказывать анекдоты, подтрунивая сами над собой. Неунывающая нация.

– А вы, Тигран, любите «гарики» Игоря Губермана? – сама не зная почему, внезапно спросила Карина.

Весной она побывала в Лимассоле на вечере поэта, приехавшего из Израиля, и ей было интересно узнать мнение Тиграна.

– Не люблю. Человек давно живёт в Израиле. В России бывает наездами. Не знает новой России. Но зарабатывать деньги как-то нужно. Вот он и ездит по странам, где есть русскоязычная диаспора. Обыгрывает русский мат. Мнит себя великим поэтом. У него довольно много поклонников, потому что в народе любят солёненькое. Да и наша интеллигенция готова крепкое слово к месту и не к месту употребить.

– Но дело же не в мате. Он обличает пороки российские. Поэт!

– А в каком обществе нет этих самых пороков? Где-то больше, где-то меньше. Кто-то обличает пороки с любовью к народу, к стране, где он родился и вырос, старается помочь их преодолеть. А Губерман просто злобствует, но перед толпой рядится в тогу пророка.

– Но у него в интернете масса подписчиков.

– Давайте, Карина, я лучше почитаю вам стихи Ивана Бунина.

К её удивлению, Тигран стал по памяти читать лирику Бунина.

И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом... Была весна...
Она меня простила – и забыла.

И Карина вдруг неожиданно для себя поняла, что она готова слушать и слушать этого мужчину: весёлого, остроумного и такого по-мужски симпатичного.

Объявили посадку в Ларнаке.

– «Она меня простила – и забыла». А давайте вечером повстречаемся с вами, Карина. И продолжим нашу интересную беседу. Как вы? Если, конечно, я не очень наскучил вам. Мне хотелось бы ещё раз с вами встретиться.

– А давайте, – согласилась легко и безо всякой задней мысли о возможной интрижке.

Никакой интрижки и не было. В течение недели они встречались каждый день: то в Лимассоле, то в Ларнаке, то в Никосии. Бывало, он к ней приезжал в Ларнаку или она к нему – в город, где он оказывался. Нормальная дружба мужчины и женщины. «А бывает ли такая дружба?» – не раз задавала она себе этот вопрос. Вот с Ильёй, с мужем, у неё дружба. У них общий сын. Она доверяет Илье, и Илья доверяет ей. А кто для неё Тигран? Друг? Наверное, друг. Уж точно не товарищ и не брат. Ей нравится смотреть на него, слушать.

Настал день, когда Тиграну нужно было улетать в Москву. Накануне вечером они ужинали в кафе «Тропи-

кана». Вечер кипрской музыки: артисты танцевали сиртаки и другие танцы. Карина с тревогой наблюдала, как киприот размещал у себя на голове всё больше и больше стаканов, потом поднялся на плечи партнёра и продолжил ставить стакан на стакан, а те угрожающе раскачивались, и казалось, что в какой-то момент вся эта конструкция развалится, с грохотом полетит на каменный пол и – вдребезги! Как стеклянная бомба. Но артист удачно отработал номер и изящно поклонился публике.

– У меня душа ушла в пятки. Я так переживала, что всё сжалось внутри. Вот это чувство равновесия! – воскликнула Карина.

– Умение держать баланс, – ответил Тигран. – И в жизни так надо уметь! Баланс в отношениях, в учёте интересов партнёров, друзей, душевный баланс. Как только наступает перекося, возникают проблемы.

– Это всё так. Но как найти компромисс между обязанностью и желанием? Между душой и разумом? Когда сердце говорит одно, а разум твердит другое. Как тут быть? Бывают такие случаи, что не знаешь, к чему прислушаться: к сердцу или рассудку. Что тогда делать?

– Здесь невозможно со стороны подсказать. Когда приходится выбирать, каждый человек решает по-своему. Да, иногда баланс нарушается. И надо всё начинать сначала. Возникает новая ситуация, которая тоже выстраивается на балансе отношений.

«Какие сложные ответы на очень простые вопросы, – думала Карина. – Если он меня сейчас позовёт, я готова на всё. Пойду за ним в огонь и в воду, останусь с ним в номере, полечу с ним в Москву. И будь что будет». А в слух сказала:

– Вам завтра улетать. Да и мне ещё час до Ларнаки добираться. Давайте прощаться, а завтра я отвезу вас в аэропорт и пожелаю счастливого полёта.

– Вы правы, Карина!

По дороге слушала песню Криса Ри «И ты моя любовь...», слушала и плакала. Слова, музыка, голос – всё всё совпало с её настроением. Калининград, семья, муж

Илья, встреча с Тиграном сплелись в один клубок, и она даже сама себе не хотела объяснить, почему слёзы текут из глаз.

Утром приехала пораньше, чтобы проводить Тиграна, но его уже не было. Уехал на такси, а ей оставил записку, в которой было всего несколько слов: «Кариночка, простите меня. Я был на Кипре по просьбе вашего сердобольного и внимательного мужа Ильи. Он попросил меня помочь организовать для вас отдых, чтобы вы не скучали. А я влюбился в вас, как последний мальчишка. И что теперь делать? Не знаю. Ведь мы с Ильёй друзья ещё с института. Сбегаю от вас, от себя».

Первая мысль – «Догнать!», но первая – не всегда разумная. Карина кинулась к машине и помчалась в аэропорт. А потом вдруг сбросила скорость, включила песню Криса Ри, и по щекам опять потекли слёзы.

На следующий день прилетела Магда. Сидели вечером дома у камина, и Карина рассказывала Магде о своей жизни в Калининграде, о муже, о Тигране. Та молча слушала, а потом со свойственной ей бескомпромиссностью сказала:

– Карлис, красавица моя! А пошли ты этих козлов подалее: и Илью, и Тиграна. Сама знаешь куда подалее. Господи, это же надо, какими дураками мужики могут быть. Ну и пусть продолжают держать баланс, гарики хреновы!

Через неделю Карина и Магда улетели в Лондон.

Зачем полетели? Погулять по осеннему Лондону? Увидеть Криса Ри? Впрочем, какое это имеет значение – все красивые женщины любят Лондон. И Париж тоже любят. Любят – и всё, не задумываясь о жизненном балансе.

Злата и её мужчины

Город засыпан снегом по макушку; на улицах сугробы – машину не припаркуешь, по Арбату не пройдёшь – ноги вязнут в снежной каше. Почему она не улетела за границу? Уже Новый год на носу! Решила вместе с подругами из салона красоты отпраздновать в Москве, а потом – к Джеймсу в Португалию. Да и Витольда надо держать в поле зрения. Как же он, бедненький, будет в новогоднюю ночь один, без неё? А зачем он ей, когда давно в разводе? Надоело замужество, и она развелась, но бывший муж продолжает работать в её салоне директором. Что-то между ними было, но что? Любовь или влечение? Когда женщина и мужчина расходятся, что-то кончается, а что-то остаётся, вот и пошла она почему-то на уговоры Витольда.

Мы предполагаем, а Бог располагает. Джеймс отправился за океан, в Штаты. Приглашал и её, но мало радости привязаться к креслу на девять часов. Конечно, можно полететь, но поближе – к Клаусу в Германию, только следовало бы решиться заранее. Клаус рад ей в любое время, но у него тоже свои планы, своя жизнь, и нельзя свалиться к нему на голову внезапно, подобно снегу с крыш Москвы. От таких мыслей Злате стало смешно. «А чёрт с ними со всеми: с Витольдом, с Джеймсом, с Клаусом. Плевать на них. Полечу в Таиланд!» – решила она и стала неспешно нажимать кнопки на мобильнике.

Искренне заулыбалась и с радостью сказала в трубку: – Привет, Густаво! Твоё предложение в силе?

Видимо, на другом конце города или мира (кто знает!) ей говорили что-то приятное: её большие карие глаза стали ещё больше, заблестели и наполнились по-кошачьи фосфоресцирующим светом. Когда он есть в

женщине, какой бы супермен ты ни был, ты полностью подвластен ему и погружаешься в него, сам становишься не свой. Если этот таинственный свет исходит из глаз женщины, то у мужчины вырастают крылья, его душа парит в пространстве, сливаясь с душой влекущей женщины. Им двоим всё видно, они включаются в игру мужской и женской сущности. Сказать, что это страсть, в основе которой мужское и женское начала – значит ничего не сказать. Сказать, что это любовь влечёт их, – сказать ещё меньше, чем ничего. Это – и страсть, и любовь, и вдохновение, и – не то, не другое, не третье, а всё вместе взятое – неосознанно мистическое. А если женщина обладает ещё и талантом привлекать мужчин, то, встретив её на улице, мимо не пройдёшь. Она притягивает всех, мужчины оглядываются, а женщины завистливо оценивают, даже если она годится им в дочери. Такая женщина повелевает мужчинами везде и всегда, в юности и в почтенном возрасте. Именно из-за таких её чувственных превращений многие теряют головы и состояния. Да что там! Из-за таких женщин раньше вызывали на дуэль, уходили на войну, совершали великие поступки. И в наш век мужчины готовы на сумасбродства ради женщины, но сейчас героев стало меньше. Внешне мужчина может выглядеть крутым, а внутри никакой крутизны нет. Так себе, нечто вроде желе там, внутри, где обычно живёт душа! Не оглянется на красоту разлитую, не кинется очертя голову вслед за ней.

Злата умела сердцем прочувствовать даже стопудово каменного мужчину, природа её этим одарила, и не напрасно. Отбоя от воздыхателей у Златы не было. Как она ухитрилась любить сразу нескольких, уму непостижимо! Но это было на самом деле. Боже меня упаси упрекать её в чём-либо. У каждого из них не могло быть никаких причин сомневаться, что Злата любит его и только его. Этакая красотка, и чтобы он ей не нравился?! Вот такая она, Злата, не модельной внешности, но чертовски привлекательная, с ладной фигурой, русыми волосами, добрая и весёлая. О глазах её, наполненных светом страсти и люб-

ви, можно вспоминать даже лёжа на диване с лысиной и астмой в преддверии рая.

Видимо, это чувствовал и Густаво, потому что тут же, в салоне, при мне Злата по мобильнику согласовала с ним дату выезда в Таиланд.

– Извини, Александр! Заставила тебя ждать! Остались последние штрихи, и ты станешь неотразимым с новой причёской! – засмеялась сама своей шутке.

– Злата, ты летишь на каникулы в Таиланд?!

У Златы от меня нет секретов, она делится со мной всеми женскими тайнами, особенно когда в салоне никого нет, как сейчас. И даже если есть кто-то, она, подстригая меня, вполголоса рассказывает свои истории. Поминутно оглядывается, проверяет, чтобы никто не услышал, особенно директор салона, бывший муж Витольд. Его самолюбие она тщательно оберегает. Я у Златы, по её же выражению, числюсь в «друзбанах», поэтому знаю от неё обо всех поклонниках и очень многое из её жизни знаю, в которой когда-то всё было по-другому. А как оно было? Скажем, с Густаво?

– Густаво хороший, очень хороший! – смеётся Злата. – Давно приглашал поехать с ним в Таиланд. Добился своего. Испанец! Натура эмоциональная! Такой красивый мальчик!

– Новый поклонник? Испанец? – удивляюсь я. – И так хорошо говорит по-русски? Понимает всё?

– Так он здесь уже лет пять работает! В представительстве какой-то крупной торговой фирмы.

– И сколько лет этому мальчику?

– Двадцать девять. Молодой! Моя московская любовь. Сколько мы с ним покурлесили по значным местам! Я с ним даже пару раз в Испанию ездила. Замуж зовёт.

– А ты, Злата? Хочешь за него замуж?

– Не-е-е. Зачем мне это? Я люблю свободу. Только-только избавилась от прелестей замужества.

Я не верю ей и спрашиваю:

– Как же Клаус? Ты говорила, что он тоже зовёт замуж?

– О да! Клаус – моя немецкая любовь! Я к нему в Гамбург езжу регулярно. Смотри, какой классный мужик на фотографии.

Пощёлкав кнопками айфона, Злата показывает мне фотографию упитанного белобрысого немца с улыбкой во всю ширь добродушного лица.

– Действительно, впечатляет! Хороший мужик. Лет сорок!

– Сорок пять! На десять лет старше меня!

– Так выходи за него, Злата! Будешь жить в Германии.

– Я думаю об этом. Клаус никогда не ревнует! При моём характере и любвеобильном сердце он – тот, кто нужен. И сам любит свободу. В прошлый раз водил меня в клуб свингеров! Сидели на диване, пили вино. Зашла толстая немка необъятных размеров. Бюст на животе повис. А Клаус был в восторге! Попросился к ней пойти.

– И что? Разрешила?

– Конечно. А зачем свободу ограничивать? Правда, немка была жирная и страшная. И что он в ней нашёл? Тем более что ко мне тут же подошли три молодых симпатичных немца.

Я не спрашиваю про Клауса, не знаю, что такое клуб свингеров. Потом найду всё в интернете, но это – потом. А сейчас я понимаю, что в этом самом свинг-клубе происходят какие-то неприличные знакомства, и перевозку разговор на другой объект:

– А Джеймс? Он тебя любит, Злата?

– Джеймс хочет любить, но пока ничего у него не получается. Но он настойчив и нравится мне. Если бы не улетел в Америку, может быть, что-то получилось бы.

Появляется Витольд, добродушный мужчина, не то армянин, не то еврей.

– Витольд, выведи, пожалуйста, Руди во двор, пусть погуляет немного.

Псина Руди – болоньез препротивнейшего характера – всех ненавидит. Сколько прихожу, столько он меня облаивает. Витольда терпит. Одну Злату Руди любит преданной и бескорыстной любовью. Для хозяйки пронзи-

тельный лай ухоженной болонки мужского рода – словно музыка. И когда он сильно начинает усердствовать, Злата ласково его просит:

– Хватит, Руди. Посиди в кресле.

И Руди молча отправляется в кресло, откуда с обожанием наблюдает за своей хозяйкой, не забывая контролировать общую обстановку в салоне. Злату все обожают: мужики, собачки и даже избранные женщины, которые, как известно, друг с дружкой чаще всего не очень. Но Злату всё равно все они уважают. Может быть, потому, что от неё исходят флюиды радости и доброты? А ещё она – мастер своего дела, известная на всю Москву и за её пределами, в отечествах её любовников и ухажёров.

Пока Витольд гуляет во дворе с Руди, Злата успевает мне рассказать ещё несколько историй из своей жизни. Стала посещать бассейн и плавать стилем брасс научилась под руководством молодого парня, мастера спорта. На фото в айфоне взгляд мускулистого Гоги с обожанием вперился в Злату. В её голосе слышатся сентиментальные нотки:

– Влюбился в меня. Дурачок. Я говорю ему: зачем тебя старая баба? Он на пятнадцать лет младше меня! Ничего не хочет слышать. Глупый ещё. Немного подружилась с ним, и хватит.

– Вон сколько у тебя женихов, Злата! А Наташка киснет одна, хотя симпатичная. Познакомила бы её с кем-нибудь! – предлагаю я, кивая на соседнюю мастерицу – скромницу и тихоню.

– Кто с ней станет гулять? Скучная она до невозможности! Ей, видите ли, сразу замуж подавай. А когда баба хочет замуж, то по ней сразу видно, и мужиков это пугает. От желающей выйти замуж они стараются держаться подале. Я не хочу замуж, потому ко мне липнут и липнут.

– Так научи Наташку, как правильно вести себя!

– Нет, учёба не поможет. Надо так думать, так чувствовать! А притворяться можно, но недолго.

Философия любви и брака? Что ж, и такая бывает. Но красота – божественное явление, а не придумки человеческого ума.

Я выхожу из салона и погружаюсь в суетный мир Москвы, не забывая про Злату. Мне интересно её отношение к ухажёрам. И вряд ли в неё можно кинуть камень. Так она живёт, не причиняя никому зла и даже оберегая близких мужчин от переживаний, потому что она сильнее окружающих и пользуется своей силой не во зло им, оставаясь искрящейся кометой, зачем-то посланной в их мир.

Куда дальше, и что будет потом? Густаво позаботился об авиабилетах в Бангкок, выбрал гостиницу, осталось собраться и уже завтра успеть на вечерний самолёт. После новогодних праздников клиентов не так уж много, но Злата обещала сделать причёску Свете, финалистке программы «Голос». Хороша Светка – заняла второе место, никуда особо дальше не пробилась, но известность есть, словно она её сняла с полки и в карман положила.

Злата, вспомнив что-то важное и срочное, вдруг заторопилась:

– Наташа, я поеду домой, ладно? Мне собраться надо и в порядок себя привести хочется. Обслужишь Светку?

– Конечно, Злата! Не беспокойся!

– Беспокоиться будет Света! Она ведь на тебя, Злата, рассчитывала, – встрял со своими пятью копейками претензий Витольд.

Но появившаяся в салоне Света никакого беспокойства не проявила, а наоборот, порадовалась за Злату – Таиланд, море, солнце, расслабуха!

– Эх, Златочка! Радуюсь за тебя, но не завидую! Я ведь улетаю на Кипр!

– На Кипр? В начале января? Так там, должно быть, холодно в это время? – удивилась Злата.

– Я ведь не к морю еду, а к Макару, – засмеялась Света, – а с ним никогда холодно не бывает.

Она наклонилась к уху Златы и что-то прошептала. Та сделала круглые глаза:

– Неужели? А почему Макар? Ведь его зовут по-другому.

– А я его так зову! Сокращённо – от фамилии. Ему это нравится.

– И что, Светка, у тебя с ним серьёзно?

– Не смейся. Что с ним может быть серьёзного? Бизнес? Наверное. Но я не по этой части.

– Слушай, Света, – понизила голос Злата, – а если я уболтаю Густаво и мы тоже прилетим на Кипр? Хотя что его убалтывать! Рад будет. Только что мне там делать? Я хочу покупаться в море, в тёплой водичке поплескаться. А на Кипре? Сейчас посмотрю, – она пощёлкала кнопками в айфоне и разочаровалась: – Вода 18 градусов, воздух 20–25. Не пойдёт!

Как-то, проходя мимо салона, я увидел Витольда с сигаретой у дверей. Салон – в полуподвальном помещении, и желающие покурить делают это в тихом арбатском дворике. Февраль выдался необычайно тёплым, словно ранняя весна досрочно заявила в Москву. От январских сугробов остались только лужицы на асфальте и кое-где, в тенистых местах, лёд. Чирикали, радуясь теплу, воробьи, голуби лениво склёвывали хлебные крошки, щедро сыпавшиеся из окна.

– Доброе утро, Витольд! Во погода! Пригревает как! – поприветствовал я Витольда, привыкшего улыбаться клиентам.

– Здравствуйте! А я вот вышел на голубей посмотреть, а заодно и курнуть. Зайдёте?

– А Злата на месте?

– Наташа есть. А Злата опять умотала! Вернулась из Таиланда, поработала месяц и – на Кипр рванула.

– На отдых?

– Международный конкурс! Она любит в конкурсах участвовать: в Германии, в Испании, во Франции, как-то даже в США летала!

– Большой мастер! Себя показать – на других посмотреть! Наверно, творцу красоты зрители нужны.

– Это да! – подтвердил Витольд добродушно и повторил свой вопрос: – Зайдёте?

– Нет, пока повременю, рано ещё.

Попрощавшись с Витольдом, я шёл по обновлённому Арбату, радуясь предвесеннему теплу, чистоте улицы с плиточным покрытием и с удовольствием наблюдая за гуляющей публикой. Я думал о Злате, которая, наверно, с очередным кавалером блаженствует на Кипре. Злата любит эту жизнь, любит мужчин – красивых и благородных, и такие мужчины её окружают всегда!

Так случилось, что вскоре и я улетел на Кипр! И вот снова отель «Four Seasons». С балкона – роскошный вид на море. Несколько маленьких рыбацких шхун покачиваются недалеко от берега – скорее всего, выбирают рыбу из садков. Прогресс! В море – фермерские хозяйства, рыбу выращивают едва ли не в бассейне, огороженном сетью. Я не люблю садковую рыбу, она слишком жирная и мягкая, в отличие от дикой. Но зато она намного дешевле и пользуется спросом в ресторанах. Вот от берега отделилась группа пловцов и направилась к ограждающим буйам, кто – брассом, кто – кролем. Это хозяин отеля и его друзья. Они купаются в море круглый год. Своеобразный ритуал! Каждое утро в одно и то же время производят свой заплыв. Молодцы, что скажешь!

Внизу, при входе, между столиков кафе «Тропикана» неторопливо прохаживается метрдотель Андреас – ждёт гостей на завтрак. Воробьяты воробьи уже тут как тут, порхают, пытаясь стащить пищу со стола, или подбирают крошки с пола. Рядом на солнышке греется кот Филипп, мой давний знакомец. Он никогда и ничего не выпрашивает, просто ждёт, когда на него обратят внимание и предложат что-нибудь вкусненькое. Сколько раз я отдыхал в этом отеле и всегда возвращаюсь сюда с радостью! Пока я глядел на эту благостную и милую сердцу картину, мне вспомнилась Злата. Где она сейчас? В чьём мужском сердце раздувает пламя любви?

Спускаюсь на минусовый этаж и вижу в холле ещё одного моего знакомца – художника Михаэля, грузина, давно уже живущего на Кипре. Вдоль стены выставлены портреты постояльцев.

– Привет, Михаэль! Что у тебя новенького?

– Здравствуй, Алекс! Закажи портрет, и я его сделаю для выставки!

– Скажи на милость, кому приятно смотреть на мою старую рожу? Красивая женщина – другое дело! Или ребёночек, вот как этот! Какая прелестная девочка! Чей это портрет? Принцесса! Русская, киприотка?

– Не угадал, дорогой! Грузинка! Нино! Маленькая царица. Дочь моего друга Автандила! В феврале всей семьёй приезжали на свадьбу подруги его жены Машико! Красивая была свадьба! Здесь, в отеле праздновали.

Я радуюсь встрече с Михаэлем, радуюсь за Автандила и Машико, у которых такая сказочная дочь! За неизвестную мне подругу тоже радуюсь. Ведь свадьба у девушки!

– Кипрская свадьба? Много гостей было?

На кипрскую свадьбу обычно приглашают много родственников, друзей, просто знакомых. Свадьбу проводят в красивом месте, не заморачиваясь едой и выпивкой. Конечно, какие-то бутерброды и напитки подают, но это всё не главное! Главное – во внимании к жениху и невесте! Приносят в конвертах деньги на обустройство молодой семьи, как правило, на строительство дома для молодых. А гостей бывает не одна сотня человек. Некоторые подходят к жениху и невесте, чтобы вручить подарок, и даже не остаются на вечер! И это нормально воспринимается всеми. Люди общаются с бокалом вина в руке, играет лёгкая музыка, много цветов.

– Нет, нет! – замахал руками Михаэль. – Свадьба, я сказал бы, интернациональная. Невеста – русская, а жених – испанец! Красивая пара. Хоть невеста и старше жениха, они были очень счастливы! А Злата, невеста, опекала его, как маленького ребёнка.

– Злата, говоришь? И жених – испанец? Случайно не Густаво его зовут?

– Да, Густаво! А ты его знаешь?

– Нет, Густаво не знаю, а Злату, кажется, знаю!

– Так у меня портрет Златы есть! Неоконченный! Но тебе, Алекс, покажу! – Михаэль разворачивает прислонённый к стенке подрамник.

На портрете – во всём блеске своей красоты нарядная Злата. Белое подвенечное платье! Ажурная диадема! Лучистые глаза и скромная, я даже сказал бы, застенчивая улыбка. По рассказам Михаэля, свадьба была роскошной, с распитием шампанского на пирсе и цветными фейерверками в вечернем небе. Гостей по кипрским меркам было немного, человек пятьдесят.

– А родители молодых были? – не выдержав, полюбостыствовал я.

– Нет, родителей не было ни с той, ни с другой стороны! В основном были гости с международного конкурса красоты – друзья Златы.

Всю неделю я был под впечатлением от услышанного. Всколыхнулось что-то в моей душе. Вспомнилось своё, казалось, уже позабытое. И у меня могло сложиться по-другому. В этом же отеле зачин был! Ан нет, не получилось. Где ты, Магдалена, кипрская любовь моя?

Я с нетерпением ждал встречи со Златой, хотя сомневался, что увижу её на старом месте. Положение жены Густаво, наверно, определяет новый стиль жизни?

Прошло больше месяца, прежде чем я снова оказался в Москве. На следующий день позвонил в салон, записался на стрижку к Злате – и через два часа я снова, как обычно, сидел перед ней в кресле и слушал милую болтовню о мужчинах, об отдыхе в Таиланде. Но она ни слова не сказала о свадьбе на Кипре. В подходящий момент, когда Витольд отошёл по делам, я спросил:

– Злата, что же ты не рассказываешь о свадьбе с Густаво на Кипре?

– О боже! И ты, Александр, уже знаешь! Как быстро слухи распространяются в этом мире! Это была шутка! Густаво организовал этот спектакль, а я ему подыграла! Почему бы нет? Праздник любви на Кипре! Густаво был счастлив, друзья радовались! Я заняла первое место на конкурсе женских причёсок!

– Невероятно, Злата! Вы с Густаво разыграли своих друзей? Ведь к тебе на свадьбу даже Машико из Тбилиси приезжала!

– И это ты знаешь! Ну и время сейчас! Всё становится известно прежде, чем произошло. Я заранее всё рассказала Машико, а остальным гостям мы открыли правду по окончании конкурса. Розыгрыш всем понравился!

– А как же твой портрет в подвенечном платье, который мне показывал Михаэль? Суперкрасивая женщина! Ведь Михаэль собирается отправить портрет в Нью-Йорк на выставку! Многие знакомые, твои и Густаво, могут тебя увидеть в образе невесты!

– Эх, Александр! Меня саму это мучает! И есть ещё кое-что, что лишает меня сна и покоя в последнее время.

Я впервые увидел в зеркале, как Злата покраснела и засмузилась. Что ещё с ней стряслось?! Может быть, она переоценила свои силы и сама попала в силки любви, которые расставляла своим мужчинам? И отсюда смущение и упоение в её искрящихся и каких-то отстранённых глазах?

На какое-то мгновение мне стало нестерпимо жаль себя и того, что когда-то со мной не случилось на весеннем острове Кипре, но... печаль тут же улетучилась.

Вечером в старой записной книжке я нашёл телефон Магдалены из подмосковных Мытищ и позвонил ей.

Восход над побережьем Гермасойи

Что может быть лучше встречи восхода солнца на городском пляже Гермасойи в июне месяце?! Светило медленно выныривает из моря, и вскоре огромный белый диск встаёт над горизонтом, поднимаясь всё выше и выше. Добрых полчаса я наблюдал за рождением нового дня. Как я люблю эти кипрские мгновения! Это ощущение прохлады, исходящее от мерцающего в утренних солнечных лучах моря. Осторожно входись в воду, потом бросаешься вперёд и плывёшь метров двести-триста до волнолома. Неповторимое блаженство! Хочется петь.

Я иду с моим кипрским другом Михалисом босиком по мокрому от волн песку в сторону порта и замечаю всё, что происходит вокруг. Наблюдаю за киприотами, когда они общаются с морем. Вот группа, человек десять, держится на воде невдалеке от мола – беседуют. Киприоты любят разговаривать громко и выразительно. Кто-то прямо в море начал петь приятным, с хрипотцой баритоном. Над водной поверхностью слова песни звучат особенно чётко.

– О чём он поёт, Михалис?

– Романтическая песня о любви. Старинная.

И Михалис рассказывает мне, что в песне мужчина обращается к своей любимой, которая его покинула. Он просит её вернуться. Его глаза повсюду ищут любовь свою, а в сердце боль. Банальная история, но сколько в ней чувственных переживаний! Мы удаляемся, звуки песни становятся тише, и вот уже не разобрать слов.

Две девушки разместились на лежаках лицом к солнцу. Загорают топлесс. Одна с малюсеньким бюстом, а другая с выдающимся. Никакого внимания на пляжную публику. Они красивы, нравятся и сами себе, и мужчинам. Красота есть красота! Я знаю, что они из Москвы, –

днём раньше я немного пообщался с ними. Михалис, повернув голову вправо, не отрывает глаз от прелестниц. Споткнулся на ровном месте и чуть не упал.

– Во как зацепила тебя красота, Михалис! – подсмеиваюсь над ним. – Интересуешься?

– Why not!

– Вот именно: «Почему нет!» – повторяю за ним.

Женщина, замерев, сидит на песке в позе лотоса, глядя в сторону моря.

– Молится? – спрашиваю Михалиса.

– Буддистка. Медитирует. К востоку повернулась.

Невзрачный на вид мужчина в плавках идёт нам навстречу.

– Калимера! – приветствует с улыбкой.

– Калимера, калимера! – дружно отвечаем мы.

– Виктор. Архитектор. До кризиса работал с русскими, дома строил. Очень много денег заработал. Уважаемый человек, – говорит мне Михалис.

– Так что же он не купит себе клубную карту хорошего отеля?

– А у него есть, в «Four seasons». И не одна, я думаю. Но он любит приходить на городской пляж. Друзей, знакомых встретит, поговорит. Да, денег у него много, но он нормальный человек.

Женщина в розовой футболке неспешно бежит по песку. Я её знаю. Мы каждое утро здороваемся. Это – Джозефина, англичанка. Род занятий? Неизвестно. Но и летом, и зимой она с утра на пляже, бегают трусцой и затем плавают в море. Уже издалека я вижу её улыбку. Она всегда улыбается, даже когда бежит.

– Good morning, Джози! – кланяется ей Михалис. – Как утро?

– Lovely.

У Джозефины всё и всегда восхитительно.

Взрослые мужики играют в пляжный футбол. Один из них, лет сорока, невысокого роста, – начальник криминальной полиции. Он энергично лавирует с мячом, но теряет его недалеко от нас.

– Калимера, Димитрис! Возьмёте нас в команду? – кричит ему Михалис.

– По одному в каждую, – шутит Димитрис.

Время от времени Михалис останавливается и говорит с кем-то.

Вот и сейчас он приветствует старика с удочкой.

– Как рыбалка сегодня, Спириос?

– Плохо, рыба сорвалась с крючка. Вот такая.

Старик показывает руками почти в метр.

Рыбаки везде одинаковы. Самая большая рыба – та, которая сорвалась с крючка. Но однажды зимой мы были свидетелями, как Спириос одну за другой таскал лавраки из моря. Так они называют морского окуня. Оказалось, что шторм порвал фермерские садки, и привыкшая к кормёжке рыба легко шла на приманку. В тот раз Спириос дал нам две большие рыбины, и я сфотографировался у воды с одной из них, а фото выложил на своей странице в фейсбуке. Друзья звонили и переспрашивали, действительно ли я поймал рыбину в море голыми руками. Конечно, я подтвердил! Зачем разочаровывать?

– Михалис, как у вас, на Кипре, хорошо! Тихо. Спокойно. И преступлений, наверное, нет.

– Раньше почти не было. Когда я ходил в школу в Пиргосе, никто двери не закрывал на замок. А сейчас Пиргос изменился и Кипр изменился! Да что там говорить! Весь мир изменился не в лучшую сторону. Но море и солнце, к счастью, остались прежними.

Подходим к огромному валуну, одиноко лежащему у кромки воды. Как он здесь оказался? И сколько лет, сколько веков здесь лежит? У нас с Михалисом традиция – каждое утро мы направляемся сюда, чтобы поприветствовать камень.

– Калимера! – ласково прикасается к валуну рукой Михалис.

– Доброе утро, мой друг! – говорю я камню и глазу ладонью его тёплый шершавый бок!

Михалис верит, что валун, этот древний старик, всё слышит, понимает и даже помогает тем, кто обращает-

ся к нему с просьбами. Только нельзя ничего просить для себя, нельзя просить материальных благ, нельзя желать зла никому, а всё остальное сбывается обязательно.

– Ты просил, Михалис, что-нибудь у камня?

– Да, конечно. Я каждый раз, встречаясь с ним, обращаюсь с просьбой.

– А сегодня – что?

Лицо Михалиса, покрытое глубокими морщинами, озаряется смущённой щербатой улыбкой, и он тихо говорит:

– Чтобы завтра взошло солнце над пляжем Гермасойя, и пусть повторится для нас всех это прекрасное утро.

Браво, Михалис из селения Пиргос! Я присоединяюсь к твоей просьбе.

«Неисповедимы пути Господни...»

Пахло таким знакомым и таким родным – свежескошенной травой. Всеволод Мареев пошёл на этот запах, плутая среди деревьев, и вышел к аккуратно подстриженному газону. По периметру – цветущий кустарник китайской розы. Рядом стояли ярко-жёлтые мешки со скошенной травой. Он присел на скамейку, с удовольствием вдыхая ароматы далёкого украинского села Дубовэ. Недалеке рыжая женщина читала книгу. «Не иначе, англичанка, – подумал Мареев и загадал себе: – Пройду мимо, загляну в книгу, и если увижу русский шрифт, то поздороваюсь по-русски: “Доброе утро!”»

Поднявшись, не спеша пошёл по влажной асфальтовой дорожке. На обложке книги заметил только вторую часть названия: «...демон...». Он догадался, что это «Ангелы и демоны» Дэна Брауна. Первый из серии романов о Роберте Лэнгдоне, более известном по «Коду да Винчи». Мареев книгу читал, но никаких особенных эмоций не испытал. Также он не был в восторге и от творчества модного ныне в России писателя Акунина. Женщины любят брать в дорогу его книги, но мало кто, дочитав, повезёт её с собой дальше, чтобы поставить дома на полку. Не та это литература, не будут ее перечитывать. Мареев вдруг очнулся: с чего это он ворчать стал? Ни за что ни про что обругал скопом современных романистов. Дэн Браун – знаменитый писатель, автор бестселлеров. Да и Акунина покупают и читают не только в России. Мареев аж покраснел и непроизвольно оглянулся, словно кто-то мог догадаться о его мыслях.

Он остановился перед скамейкой и весело сказал незнакомке:

– Доброе утро!

– Доброе утро, – девушка удивлённо подняла на него глаза.

– Извините, мы не знакомы. «Ангелы и демоны» читаете на русском?

– Ошибаетесь, на украинском.

Слово за слово – разговорились. Новую знакомую звали Мирослава. Из Киева. На Кипре остановилась у подруги. Подруга – хозяйка косметологического салона в Лимассоле, недалеко от муниципального парка. Имя Мирослава вернуло Мареева в далёкие школьные годы. В пятом классе к ним пришла новая учительница украинского языка и литературы – Мирослава Петровна. Ещё совсем девчонка. Видимо, сразу после окончания пединститута её направили в сельскую школу. Всеволод не выдержал:

– Напомнили вы мне, Мирослава, своим именем мою школьную учительницу. Молоденькая была. По отчеству – Петровна. А фамилию забыл.

– Ой, – удивилась девушка, – я ведь тоже Мирослава Петровна! Только уже лет десять как после института. Немолодая, – она засмеялась.

– Всеволод Иванович! – представился он. – Позвольте, я буду называть вас просто Мирослава. Ведь я раза в два старше вас. Украинский знаете?

– Конечно. Но у нас в Киеве многие говорят по-русски.

Не может быть такого, чтобы встретились русский и украинец и не заговорили о политике. Особенно это проявляется, если встречаются украинец из Москвы и украинец из Киева. Вот и сейчас, подумал он, разговор начнётся с обсуждения романа «Ангелы и демоны», а закончится всё той же политикой. Всеволод уже не раз имел такой опыт общения с земляками. Поэтому, встречаясь с ними за границей, он старался деликатно избегать разговоров на скользкие темы.

– Вот в прежние времена так же пахла трава. И жаворонок над лугом висел и выводил свои бесконечные рулады в небе, – перевёл он разговор на пейзажную лирику.

– И кузнечики прыгали на лугу, – добавила Мирослава.

– Неужели вы всё это знаете? – удивился он. – В Киеве луга есть?

– Так я из села. А в Киеве училась в институте и работаю сейчас, но хочу на Кипр перебраться. Давайте я вам стихи прочитаю? Я ведь тоже из-за этого запаха присела здесь на скамейку. Вот, послушайте:

Дохнуло в душу тихим детством,
И не нужны мои слова,
Молчу, теперь не нужно действие, –
Недавно скошена трава.
Дремотой летний день наполнен,
Зависла птаха в вышине.
И где-то здесь родные корни
В земной незримой глубине.
Шумит, поёт со мною рядом,
Как призрак юности, река.
Старик-пастух с коровьим стадом
Бредёт в минувшие века.

– Откуда эти стихи, Мирослава? – спросил он, внутренне удивляясь.

– В Трускавце в местной газете читала.

– На русском языке? Неужели это возможно?

– Так это было лет пять назад. Там два текста было – русский и перевод на украинский. Я оставила себе русский текст.

– А автора помните?

– Нет.

– И на украинском можете прочитать?

– Нет, на украинском забыла.

Удивительная встреча в муниципальном парке Лимассола! Незнакомая девушка читает его стихи. Оказывается, их напечатали в украинской газете. Можно ли представить такое летом 2015 года? Вспомнил, как приезжал в Трускавец и останавливался в санатории «Карпаты».

Тогда не придавал значения знакомству с местным корреспондентом, которому подарил книжицу со стихами.

Распроставшись с Мирославой, Мареев вернулся в отель «Лонда», находясь под впечатлением от встречи в парке. Девушка из Киева читает его стихи на Кипре, да ещё и на русском языке! А в переводе на украинский не помнит. Надо же!

Мареев подумал, что ему вряд ли посчастливится ещё когда-либо встретиться с Мирославой, и немного сожалел, что не оставил ей номер своего кипрского телефона.

Как-то с утра пошёл купаться на отдалённый пляж: песок на берегу – белый, вход в воду – пологий, возле берега неглубоко, людей мало, да и то в основном пожилые. Приятно пройти босиком по песку. При безветрии на берег накатывали крупные волны. Видимо, где-то далеко сильно штормило, и волны докатывались до Кипра, затихая и сбиваясь в пену. В воде компания молодых женщин, у каждой к руке привязана пустая пластиковая бутылка. «Вместо спасательного жилета? Наверное, далеко поплывут», – с иронией подумал Мареев. Вон девушка лихо режет воду кролем. «Надо же, как быстро!» – с завистью смотрел он на удаляющуюся пловчиху.

Мареев плыл, в уме считая гребки-метры. Ну вот и пятьдесят. Здесь волнение моря почти не чувствовалось. Повернул назад. Плыл брассом. Как ни пытался в своё время научиться плавать кролем, но хорошо не получалось – не было координации рук и ног. Но брассом или, как сам любил шутить, по-лягушачьи, мог плыть долго. Вот и сейчас он медленно приближался к берегу. Но спустя какое-то время, когда до места встречи волн с песком оставалось метров тридцать, он вдруг обнаружил, что его уносит в море. Прибавил усилий, но – нет, результат тот же. Что происходит? Течение? Отлив? Ему стало как-то не по себе. Внезапно сообразил: это же отбойная волна! Так бывает, когда огромные массы воды накатывают на берег и из-за мелководья не успевают сразу откатиться в море. В этом месте образуется узкий коридор, по которому вода, отражаясь от берега,

на большой скорости устремляется обратно. В ширину такой коридор может быть от десяти до пятидесяти метров. Мареев вспомнил наставления спасателей: нужно пытаться выбраться из этого коридора, плыть параллельно берегу. И главное, не паниковать. Когда человеком овладевает паника, он пытается плыть прямо к берегу, против встречного потока, и быстро теряет силы. «Сева, спокойно!» – приказал сам себе. Но одно дело понимать всё, а другое – действовать хладнокровно и уверенно. Внутри нарастал страх. Вспомнилось, как в детстве бродячая цыганка нагадала ему, что он утонет. Забыв все наставления, стал грести изо всех сил. Неожиданно хлебнул воды, дыхание сбилось. Охваченный ужасом, он уже почти ничего не понимал и не видел вокруг. Только одна мысль билась в голове: «Тону!»

Вдруг где-то рядом он услышал:

– Спокойно! Не суетитесь! Плывите за мной. Я помогу вам.

Это была девушка – мастер лихого кроля, и Мареев немного пришёл в себя.

– Держитесь параллельно берегу. Скоро выберемся из этой реки.

Девушка махнула рукой, указывая, куда плыть, и добавила:

– Плывите размеренно. Берегите силы.

И действительно, метров через тридцать она повернула к берегу и жестами позвала его за собой. Плыть стало легче. Вскоре ноги коснулись дна на почтительном расстоянии от кромки прибоя.

Он лежал на песке, смотрел в чистое утреннее небо и думал, что ещё несколько минут назад чуть не утонул. Как всё просто. Можно погибнуть и в относительно спокойном море. Проклятая гадалка: её предсказание чуть не сбылось. На его счастье, рядом оказалась незнакомка! Где же она? Поднялся и увидел удаляющуюся фигуру. Как же так? Он даже не поблагодарил!

– Пожалуйста! Подождите! Подождите! – крикнул Мареев по-английски и бросился догонять её.

Перед ним стояла Мирослава.

– Так это вы – спасительница моя?

– Вот так встреча! – удивилась в свою очередь Мирослава. – Ну, Всеволод Иванович, и сюрприз. Я думала, киприот какой-то тонет. А это вы!

«Вот ещё один настоящий друг появился в моей жизни», – подумал Мареев, а вслух сказал:

– Как я рад снова встретить вас, Мирослава! А в такой ситуации рад вдвойне. Хотите верьте, хотите нет, но это мои стихи вы читали в парке. Можно я подарю вам свою книгу?

Потом в мыслях Мареев не раз возвращался к этой удивительной истории: скошенная трава в парке Лимассола, встреча с девушкой, которая оказалась землячкой, да ещё и напомнила ему учительницу из далёкого, но близкого его сердцу украинского села, что на Хмельничине.

В том же году он разыскал в Тернопольской области уже старенькую Мирославу Петровну, которая когда-то предрекла ему судьбу писателя.

«Неисповедимы пути Господни...»

Что же случилось с Мирославой? На Кипре в свободные часы режет кролем средиземноморские волны? Или любуется цветущими каштанами в Киеве? Мареев часто вспоминает тот случай, когда входит в море, и сожалеет, что потерял номер телефона девушки. Кто знает, возможно, она ему встретится когда-нибудь в парке Лимассола, куда он, бывая на Кипре, любит приходить и вдыхать запах свежескошенной травы, напоминающий ему о далёком украинском селе и об украинской девушке Мирославе. Но это будет уже другая история.

Бабушка из Лимассола

Многие туристы из России любят останавливаться в популярном отеле «Mediterranean» в Лимассоле. Собственный пляж. Таверна под пальмами с кипрской кухней. Я сам не раз отдыхал там. Гостиничные номера – поскромнее, чем в соседних «Amathus» или «Four seasons», но и цены почти в два раза ниже. Российскому туристу это и нужно. Море, солнце, фрукты, свежая рыба. Их так не хватает в российской глубинке. Да и в Москве не так много ресторанов с хорошей рыбной кухней, а те, что есть, намного дороже, чем на Кипре. Но главное достоинство острова – обстановка расслабленности и безмятежности.

Когда-то давно, лет двадцать назад, Лилия Александровна отправилась из Киева на Кипр оздоравливать внука. В пять лет у мальчика наметился устойчивый бронхит с перспективой перерасти в астму. Сын с невесткой работали, а Лилия Александровна моталась с внуком по поликлиникам; ей, пенсионерке, было в радость заниматься малышом.

Знакомая врач-терапевт сказала:

– Вам нужно везти Митю на море, в Крым, например. Морская вода, солнце, хорошее питание с овощами и фруктами творят чудеса. Из собственного опыта знаю.

– Сын уже сам додумался. Предлагает на Кипр поехать на две недели.

– Кипр – это хорошо, Лиля, но две недели – мало. На всё лето поезжайте.

Хорошо сказать: на всё лето! А деньги откуда? Она – на пенсии. Сыну зарплату не платят уже полгода, невестка гроши получает.

Свободу дали, поезжай куда хочешь. На какие шиши поедешь, когда везде разруха? Но поднатужились, не-

много заняли у друзей и родственников и на две недели скромного отдыха на Кипре наскребли.

Прилетели на остров в начале июня. Поселились в недорогих апартаментах, зато у моря. Вскоре познакомилась и с местными киприотами, и с земляками. Тогда на Кипре все, кто из Советского Союза, считались земляками. А ей и сейчас, спустя двадцать лет, без разницы, кто и откуда приехал. Она до пенсии жила и работала в Киеве, всю жизнь говорила на русском языке, да и большинство людей говорит там на русском. Близко сошлась с Ириной из Москвы, у той муж – киприот, а сын ровесник её Мити. Но шепелявил шестилетний Костас очень сильно. Несколько букв вообще не выговаривал. Лилия Александровна, некогда врач-логопед, за десять дней поправила его речь. Ирина денег предлагала, но не взяла с землячки, хоть сама и нуждалась.

Две недели словно испарились в жарком морском воздухе. Ирина возьми и предложи ей:

– А вы, тётя Лиля, переходите к нам с Пантелисом жить. За жильё не надо платить. Да и кушать с нами будете. Блинчики у вас классные. Пантелису очень нравятся, – уговаривала её Ирина.

– Ириша, это такой мне подарок! И не знаю, как тебя благодарить. Помогу тебе, чем могу.

Вот так и осталась Лилия Александровна на всё лето на Кипре, а потом, считай, на всю жизнь. В конце августа прилетел сын, забрал Митю в Киев, а она стала скитаться по землякам на острове, помогать им. Кому за ребёнком приглядеть, кому по хозяйству помочь – да мало ли ещё какие дела найдутся.

Мы с женой познакомились с Лилией Александровной на пляже. Шла бабуля по дорожке, улыбалась, приветливо глядя на нас, лежащих под пальмами в полдень. Остановилась и говорит:

– Здравствуйте! Что же вы, мои хорошие, в самое пекло жаритесь на солнце?

– Как вы узнали, что мы русские? – спросил я после взаимного приветствия.

– Да я здесь почти два десятка лет живу. Своих сразу вижу.

Поговорили, а потом и подружились с Лилией Александровной. Каждый год с ней встречались. А несколько лет назад она пригласила нас к себе домой. Сын стал хорошо зарабатывать и купил ей небольшую квартиру на нулевом этаже. Крошечная прихожая, кухонька в четыре квадратных метра, спальня. Уютно, чисто. Но главная гордость Лилии Александровны – вместо балкона веранда в крошечном дворике с маленьким клочком собственной земли. И цветы, цветы, цветы. На веранде, вокруг веранды, у соседей – везде цветы. Среди цветов столик и несколько стульев. Здесь мы чаёвничали.

За эти двадцать лет бабушка и внуку, рождённую в Киеве в её отсутствие, тоже подняла на ноги. После Чернобыля болезней стало больше, вот сын и отправлял каждое лето детей на Кипр, за здоровьем.

– У вас здесь вид на жительство, Лилия Александровна? – спросил я.

– Что ты! Я без визы здесь живу. А квартиру сын купил на своё имя.

– Но вас же могут депортировать!

– Кому я нужна? Живу и живу. Все меня знают. Вот только если в больницу надо, то проблема. Но я стараюсь не болеть, – смеётся, – хотя среди наших врачи тоже есть, можно обратиться за консультацией. А так сама себе лекарства выписываю. Вот ноги болеть стали. Тяжело ходить, – впервые пожаловалась она.

– А пенсия есть у вас?

– А как же! На Украине. Сын по доверенности получает.

– Любите Кипр?

– Что ты! Ужас как люблю. Сказала сыну, когда умру, чтобы кремировали, а пепел развеяли над морем!

Прошло чуть больше года. И вот мы с Людмилой снова на Кипре, в отеле. Очень сожалеем, что телефон нашей старушки потерялся. Книги привезли ей и кое-какие лекарства. По памяти пытались найти дом, но запутались и вернулись ни с чем.

Как-то гуляли мы вечером и увидели на другой стороне улицы нашу милую старушку с опущенной головой.

– Лилия Александровна! – кричу через улицу.

Услышала, подняла голову, оживилась и замахала приветственно руками.

Потом мы сидели с ней в кафе и беседовали.

– Что-то случилось? Почему вы такая грустная сегодня, Лилия Александровна?

– Случилось, случилось. Вот аккурат напротив отеля «Mediterranean» погибла моя знакомая, Тамара из Санкт-Петербурга. Молодая, только сорок лет ей исполнилось. Приехала с дочерью на отдых. И вот такая беда! – вытерла слёзы наша бабуля.

– Как же так?!

– Решили мы с ней и другой моей приятельницей, Стефанией, встретиться в этой таверне, супчика поесть и поговорить. Тамара нас пригласила. Как и договорились, стою и жду их у кафе. Жду-жду, а их всё нет и нет. А я, старая дура, вместо того чтобы пройти к отелю, стою и стою на углу. И вот часа через полтора идёт Стефания одна, без Тамары. Рассказала, что на её глазах машина сбила нашу Тамарочку насмерть. Вышла она из отеля и шагнула на проезжую часть улицы, по привычке посмотрев налево. Надо было направо смотреть, здесь же левостороннее движение. Машина на большой скорости шла.

– А водитель что же? Да разве можно гнать в туристической зоне машину?

– А что водитель? Солдатик. На три дня отпуск дали, домой приехал. Не виноватый он. Парнишку тоже жалко, испереживался весь.

Всех жалко Лилии Александровне. Парнишку, водителя машины, жалко. Саму Тамару ой как жалко! Жить бы ещё да жить, но выпало ей вот так, на отдыхе, погибнуть. Свету, дочь Тамары, жалко. Студентка ещё, а тут такая тяжесть на неё навалилась – мать потеряла. Всегда Света была при матери, и вдруг беда непоправимая пришла. И где хоронить маму? Как отправить в Санкт-Петербург?

Света решила и как-то очень по-взрослому попросила Лилию Александровну:

– Тётя Лиля, миленькая, помогите получить разрешение властей, чтобы маму здесь кремировали. Любила она Кипр. И мне много о вас рассказывала.

– Что ты, Светочка, не убивайся так. Поговорю с Пантелисом, Может, он поможет?

Три дня бегала Лилия Александровна, суетилась, в Никосию вместе со Светой и Пантелисом ездила, в генконсульство России; все нужные документы собрали и добились разрешения похоронить Тамару на кладбище в Лимассоле по христианскому обычаю.

Тогда, в кафе, долго мы разговаривали с Лилией Александровной. Под конец беседы она показала нам фотографию – на берегу моря стоят три женщины, такие разные по возрасту и такие одинаково счастливые: Лилия Александровна, юная Света и между ними красавица Тамара.

– Какая Тамара эффектная женщина на этой фотографии! Как жалко её, ещё молодую, но так рано ушедшую из жизни! – сказала моя жена.

– Судьба такая у Тамары, Людочка, – улыбнулась, вытирая платочком слёзы, Лилия Александровна. – Знать, суждено было ей лежать в кипрской земле.

Помолчала и добавила:

– И я хочу после смерти остаться здесь. Мне даже снилось, как мой прах развеивают над морем. Так хотелось когда-то на парашюте за катером прокатиться, да куда там! Кто старуху возьмёт?! А тут во сне видела, как молодой парень с чёрной коробочкой в руках летит над морской гладью, а я рядом с ним лечу. Солнышко только что взошло, море такое спокойное, а людей нет, не было на пляже людей. Лицо парня не запомнила, нет. Вот такой сон, Людочка, я видела недавно. Благостно мне было во сне.

Я поспешил перевести разговор на другую тему. Вскоре Лилия Александровна заторопилась уходить: она обещала Ирине и Пантелису вечером побыть дома с детьми,

пока они будут гостить у друзей. А на прощанье добавила: «Прикипела я сердцем к Иришкиным детям, и они меня любят, бабушкой зовут. А вы приезжайте, мои хорошие, почаще приезжайте на Кипр. И внуков привозите. Если что, я с большой радостью подмогу».

Всепобеждающая доброта русской женщины. И милосердие. Почему русской? Может быть, Лилия Александровна украинка? Из Киева ведь родом. Здесь, на Кипре, всех приехавших из республик канувшего в Лету Советского Союза местные называют русскими. И даже греков-понтийцев, эмигрировавших с Кавказа в Грецию и на Кипр, также называют русскими. Я не встречал другой страны, где бы к нам относились так доброжелательно, как на Кипре. Может, потому, что у нас одна религия? А может, потому, что есть такие женщины, как Лилия Александровна, – добрые, милосердные, участливые.

Когда в доме шпыгуны

Над островом нависло пыльное облако. Из Африки ветром пригнало. «Света белого не видать», – недовольно подумал Всеволод. Солнце – тусклое, небо стало серым. И пыль, пыль, пыль... везде пыль. На одежде в шкафу, на журнальном столике, на книгах, на компьютере. Да что там! – от пыли не спастись: в глаза лезет, в нос, в лёгкие. И даже из телевизионных программ в душу пробирается: вон объявили, что где-то в Африке боевики под прикрытием пыльной бури какую-то военную базу у правительства отбили. И люди бегут, бегут от зверств войны, жизни свои спасают, а с этой самой песчаной бурей они веками встречаются – и ничего. Приспособились. К природе можно приспособиться, чего её бояться? Человека нужно бояться. Так когда-то давно говорила бабушка Марта. Хотя, с другой стороны, человек и есть часть природы, только очень маленькая. Получается, люди в своей душевной слепоте и глухоте сами себя уничтожают. А Бог? Почему Он терпит? Или там, на Небе, есть своя программа долготерпения?

Август, жара невозможная, и африканская пыль. Наказание Божье. А за что киприотов наказывать? Они, что ли, виноваты в бедах африканцев? Киприоты – трудолюбивые и доброжелательные. Разве их вина, что в мироустройстве опять хаос и неразбериха? Кипр тоже несколько десятков лет и зим назад пережил раздоры и войну. А всё идиоты-политики, это они заваривают кашу то здесь, то там в нашем хрупком мире. Всеволод разозлился от тяжёлых мыслей, перешёл на быстрый шаг. Он почти бежал, как будто спешил побыстрее добраться до нужного места и навести там свой порядок. До всего ему есть дело в этом мире. Пора бы уgomониться уже, возраст

солидный. И что он может изменить? Вон своим землякам на Украине пытался помочь – а в ответ? Непонимание. Отчуждение! Злоба! Тому же брату Васе всю жизнь помогал. У каждого племянника по квартире от него, от Мареева, да и деньги давал ему на бизнес, на машину. Всякое бывало, нужно было, и давал. Много чего делал для брата, потому что семья, потому что мать у них одна, потому что любит брата, потому что... Разве чувства считаешь, разве любовь измеришь? Вспомнил, как Вася лет десять назад сказал в сердцах: «Даешь, потому что у тебя есть что давать». Что ответить на незаслуженно обидные слова? И нужно ли отвечать? Совсем юнцом Всеволод работал в шахтостроительном управлении на Донбассе. Полюбил те края с терриконами, с лесополосами. Люди там его окружали всё больше отзывчивые и решительные. Не забыть ему бригадира Слачека, невысокого, худощавого и малоразговорчивого. Совестьным и правильным был Слачек. Опекал его, безусого пацана из деревни, советовал учиться на строителя. А его море сманило. Романтика. А вот Вася остался там, где Всеволод начинал жизнь. Ну и что?

«Всё! Баста! Хватит терзаться мыслями! Хватит вспоминать, как оно раньше было, и жалеть, как сейчас стало. Ничего не вернёшь. Никому и ничем не поможешь!» – думал Всеволод и вслух добавил: «Не делай добра – не будет зла!» Не согласен? Бабушка Марта в украинском селе Дубовэ любила повторять эту поговорку из русской старины. И откуда к ней, старухе, никогда не выезжавшей за пределы Украины, пришла она? Конечно, бабушка сама всегда поступала наоборот: поможет соседке, накормит путника, с нищенкой последним поделится. При воспоминании о бабушке Марте лицо Всеволода посветлело, он замедлил шаг, а потом и вовсе остановился у дикой оливы. Отсюда открывался хороший вид: море тихое и даже величавое. Жаль, горизонта из-за пыли не видно. Справа – горы Троодос, лишь слегка просматриваются в дымке. Вымощенная плиткой дорожка тянется вдаль, а на ней гуляющий люд: женщины, мужчины,

молодые и не очень. И в море полно купающихся. И туристы, и свои – киприоты. Местные ходят группами и говорят, говорят, говорят. Экспрессивно, громко. А что им скрывать, чтобы тихо разговаривать? Открытый народ, всё у них на виду: эмоции, душа! Вон две юные девушки идут, оживлённо обсуждая свои девичьи дела. Та, что помладше, энергично жестикулирует, с пылом юности доказывая что-то. А подружка только смущённо поддакивает ей. Мимо прошёл незнакомый мужчина солидной наружности и, поймав взгляд Всеволода, улыбнулся и поздоровался. Женщина лет сорока, стройная и сосредоточенная на чём-то своём, тоже улыбнулась удивительно красивой белозубой улыбкой. Видимо, подумала, что она Всеволоду понравилась. А она и вправду ему понравилась своей спортивностью и одухотворённостью лица. Но не настолько, чтобы он кинулся бежать за ней, или, как в молодости говорили, кадрить дамочку. Во-первых, не по возрасту ему догонять женщин на дорожке у моря. А во-вторых, зачем он ей! Такая красавица явно избалована вниманием молодых и весёлых мужчин, и вряд ли ей интересен сумрачный пожилой человек.

– Сева, ты? – весело прокричал кто-то сзади.

Он вначале и не подумал, что это к нему обращаются, и нехотя оторвал взгляд от понравившейся женщины. На дорожке, шагах в десяти от него, стоял рыжеватый мужичок в старомодной панамке и шортах цвета хаки.

«Кто это? Кого он зовёт?» – подумал Всеволод.

– Уважаемый, вы меня зовёте?

– Не валяй дурака, Сева! Это ты! А я сижу на скамейке и наблюдаю за тобой. Женщин красивых высматриваешь?

Всеволод опешил. Не может быть! Шульц! Виктор Шульц! Из Москвы! Давний приятель. Врач-уролог. Доктор Божьей милостью! Немецкая педантичность и обязательность.

– Виктор Евгеньевич! Не может быть! Здесь? Вы же уехали из Москвы в Сибирь! Не верю! Неужели это вы?

– Да, я! Конечно, я, Всеволод! – мужчина подскочил и приобнял Всеволода.

Чудеса! Деликатный Шульц разговаривает с ним как-то не так. Напористо, покровительственно. И потом, они никогда не были друг с другом на «ты». А тут сразу как-то «тыкать»?! Непривычно, хотя Всеволод не против. И он тут же принял правила игры:

– Витя, ты сильно изменился. Внешне такой же, не постарел ничуть, хотя не виделись лет пять. А внутренне очень изменился.

– Ты мои внутренности видишь? – засмеялся Виктор.

– Нет же, я о другом.

– А-а-а. Мой тон разговора тебя удивил. На пенсию меня отправили, Всеволод Иванович. Полного сил, здоровья, опыта. Работать ещё и работать. Извините, Всеволод Иванович. Я пытался разыграть вас. Прикинулся вот таким современным бодрячком. А на душе кошки скребут. Нет, лучше будем дружить по-прежнему, ничего не меняя. Привык я к вам по имени и отчеству обращаться.

– Да и я привык, Виктор Евгеньевич! Давайте присядем и поговорим. А может, лучше вечером встретимся в таверне? Только два слова. Как вы здесь, на Кипре, оказались?

– Устал. Устал от людей, от всех последних перипетий в моей жизни. Впервые уехал к морю один, без Наташки. Уехал на неделю, а тоска через три дня меня достала. Поговорить не с кем, выпить не с кем. И тут – вы. Вот я и выплеснул все свои эмоции!

Договорились встретиться в гостинице у Виктора в восемь вечера, когда чуть-чуть спадёт жара.

В течение дня Мареев никак не мог забыть эту неожиданную встречу на пляже в Гермасоие. Очень радовался, что Виктор Шульц оказался на Кипре, что они встретятся вечером, выпьют водки или зевании, поговорят по душам. Нет, для водки слишком жарко. Хорошего кипрско-го вина выпьют в таверне на берегу моря. Начал вспоминать, как они много лет назад познакомились. Шульцу тогда где-то за тридцать было, а сейчас он уже на пенсии.

Кто же их познакомил? Кажется, Сан Саныч, в то время партийный функционер. Холёный, по-мужски красивый, как будто искренне верящий в идеалы коммунизма. А потом случилась незадача: все идеалы порушились перестройкой и гласностью. Сан Саныч так переживал, что бросил свой высокий пост в министерстве здравоохранения и начал жизнь с нуля. Другие переехали в новую жизнь с солидным багажом: акции в приватизированных предприятиях, частные клиники, счета в зарубежных и отечественных банках. А Сан Саныч оказался этаким бесребренником, без доллара в кармане. Спустя какое-то время сам удивлялся себе, наивному провинциалу.

Нет, нет. Не так оно было. Познакомился Всеволод с Виктором Шульцем через дальневосточного бизнесмена, полную противоположность Сан Санычу. Фамилия его была Припутневич. Сейчас эта фамилия даже очень и очень звучит, как бы говорит сама за себя, мол, смотрите, при ком я. А в то время его за глаза звали Примутневич. Из зависти, конечно. У него всё в жизни получалось. На службе в горнорудной компании дела шли хорошо, и в частном бизнесе всё крутилось, как в смазанной швейной машинке: стрекочет и выдаёт продукцию. А Припутневич продаёт товар и складывает денежки в банки: отечественные и забугорные. Аж до канадских добрался. Потом стал скупать недвижимость: торговый центр в столице, дом под Москвой, квартира на Дальнем Востоке, рыболовецкие суда – ничего не пропускал. Жизнь шла ладком, как любил он сам приговаривать. Только жёны при нём не держались: всё гонялся за новыми да красивыми. Сколько их у него было?! И не сосчитать. А у Сан Саныча всю жизнь одна была, и только когда Людмила ушла из жизни, он спустя какое-то время женился во второй и, наверное, последний раз. По крайней мере, сам так говорил. И у Виктора Шульца одна жена всю жизнь: красавица Наташка, украинка. Слушается он Наташку беспрекословно. Никогда слова против не скажет. Спокойный и заботливый муж. Таких сейчас днём с огнём не сыщешь. Повезло Наташе. Да и Виктору тоже.

«И чего это я? Старость подступает, сентиментальным становлюсь», – встрепенулся Мареев.

Раздался звонок, и некто прохрипел в трубку:

– Жив ещё, козлина! Ты где?

Мареев опешил от такого напора, но вежливо ответил:

– Ошиблись. Я – не козлина.

– У нас не ошибаются. Не козлина, так козёл. Где прячешься?

– Вы кто? И кому звоните? Я на Кипре отдыхаю.

– Ну да. А я куда звоню? На Кипр и звоню. В Лимасол звоню тебе, козёл грёбаный. Спрашиваю тебя, где ты прячешься в этом самом Лимассоле?!

– Я – Мареев. А ты какую козлину ищешь?

– Макаревич, я твой голос узнал! Не юли – не ускользнёшь! Слышь, Макар?

– Да пошёл ты в жопу! Я тебя, дурака, не знаю и знать не хочу, – разозлился Мареев.

На том конце трубки помолчали немного, и тот же голос примирительно просипел:

– Теперь слышу, что это не ты, козлина! Я Костяну Макаревичу звонил. Почему ты на мобиле Костяна сидишь? Ты кто?

– Конь в пальто! И больше не звони, а то нашлаю на тебя понос! Из сортира не будешь вылезать, мудило.

Номер телефона был московский. Мареев отключился, какое-то время молча глядел на мобильник, потом, сохранив номер, поставил блокировку на входящие звонки.

Как ни странно, но этот ошибочный дурацкий звонок развеселил его. Крепко, видать, провинился неизвестный ему Костян Макаревич, если братва разыскивает его на Кипре. А в том, что это братва, Мареев не сомневался. Насмотрелся криминальных сюжетов по телевизору. Всю страну через телевизор обучили науке блатной: говорить, или, по-ихнему, ботать по-воровски. И он, Мареев, тоже кое-чему научился. Вот и пригодилось. Отшил мерзавца.

Целый день Мареев не вылезал из-под кондиционера в съёмной квартире. Читал, спал, смотрел телевизор. Под

вечер пришла Юлия, дама в трёх лицах: архитектор из Киева, брокер по недвижимости на Кипре, домовладелица. Муж издаёт журнал для русских. В Киеве революция достоинства произошла, вот украинская пара достойно и устроилась на Кипре. За два года преуспели: квартира с двумя спальнями недалеко от супермаркета «Папас», в пяти минутах пешком от моря – немало чего стоит. Теперь вот сняли себе домик в горах, а квартиру сдают отдыхающим.

– Всеволод Иванович, как вы здесь? Я в этом районе с клиентом встречалась. Дай, думаю, навещу вас. Может, нужно что?

– Юлечка, будь ласка, заходите, – перешёл Всеволод на украинскую мову. – Радость у меня: утром приятеля встретил на пляже. Немец. Из Москвы.

– Так приходите вечером к нам в гости. Я вам спою «Ой, дивчыно, шумить гай...» И гостя научим петь на украинском,

– У Виктора жена Наташа – украинка. Из Донецка. Поёт ему и днём, и ночью.

Вот такие украинцы. Как встретят земляка за границей, так тут же в гости приглашают. И без горилки украинской и сала у них ни одно застолье не обходится. Когда-то Мареев повстречал в Токио Анатолия Лыхо, вице-президента судовой агентской компании. Из-под Киева родом оказался. Вот так же пригласил домой. Встретил в украинской вышиванке и говорил только по-украински. Знаток японского, а как затянул вместе с женой Галей:

Несе Галя воду,
Коромисло гнется,
За нею Иванко,
Як барвінок, вьється.

У Мареева аж слёзы от умиления навернулись. Чтобы в Токио, в центре города, звучала украинская песня, которую он любил слушать, когда её по вечерам девчата возле клуба пели! С детства эта песня в душе поселилась.

Очень хотелось пойти к землякам в гости, но пришлось отказаться.

– Спасибо, Юля. Щыро дякую. Но я уже обещал, что с немцем вдвоём посидим. А к вам в другой раз. Очень хочу услышать украинские песни здесь, на Кипре.

Весь гостиничный номер у Виктора Шульца – это маленькая комната, холодильник и телевизор, туалет и душ. А что человеку ещё нужно?

– Виктор Евгеньевич, идём в таверну. Я вас настоящими кипрскими разносолами угощу: клефтико – томлённая баранина, шефталия – мясные тефтели с пряностями, мусака, разные рыбные деликатесы и вино местное кипрское. Может быть, французское и поименитей будет, а мы кипрского выпьем. На Кипре быть и вина кипрского не попробовать – грех!

– Начнём у меня, Всеволод Иванович! А потом и в таверну, если заведёмся.

С этими словами Шулец вынул из холодильника бутылку горилки с перчиком внутри, шмат сала, завёрнутый в льняную тряпицу. И как-то немного грустно проговорил:

– Свояк сало с Украины передал. Наташка приютила сестру со всем её семейством. От войны на Донбассе убежали. Пять человек Наташкиной родни из Донецка живут сейчас с нами в двухкомнатной квартире.

И пошёл душевный разговор двух уже немолодых мужчин. Под украинскую горилку и сало. Из местного – только сладкий репчатый лук да хлеб. Говорят, что русскому – хорошо, то немцу – смерть. А какой он, Виктор Шулец, немец! Нет, он, конечно, по крови немец, но по духу русский. А кто он, Мареев? Мать украинка, отец волжанин. Вырос в украинском селе, учился в украинской школе, а всю жизнь после мореходного училища живёт в России. Конечно, он – украинец, но и русский тоже. Перепутано, перемешано всё, но никакими указами правителей не запретишь любить родную землю и людей.

– И как же семь человек умудряются жить в маленькой квартирке? – не выдержал Мареев.

– По-всякому бывает. Да деваться некуда. Шпыгунив не выгонишь, – смеясь, отвечал Виктор Евгеньевич.

Оказывается, что шпыгунами он в шутку стал называть украинскую родню после того, как услышал по телевизору от киевского политика Левко, что в России не просто беженцы с Донбасса, а шпыгуны, которые поставляют властям Украины нужную информацию.

– Это «засланные казачки», что ли? А жена Наташка тоже подпадает под категорию шпыгунив?

– Нет, Наташа – не беженка. А её сестра Света, племянница с мужем и их малые дети – шпыгуны.

И Виктор Евгеньевич стал рассказывать о своём житье-бытье с присущим ему сдержанным юмором.

Самый проблемный вопрос, можно догадаться, – посещение туалета и ванны. К сожалению, они – совмещённые, поэтому пришлось установить особый порядок: с утра Виктор первый в очереди. Утром он в туалете – король. Но ненадолго. Пятнадцать минут на всё про всё. Чуть запоздаешь, и начинают стучать в дверь, выкуривать тебя.

– Дядя Вита, вы скоро там? – канючит у дверей Светкина внучка Люба.

– Ага, моя очередь, – кричит Ваня, меньший братик, – ты вчера первой заняла туалет.

– Брысь, мелюзга. Я на репетицию опаздываю. А тебе спешить некуда, можешь и в обед сходить, когда меня нет. А вообще-то с вечера лучше.

– А вечером то мама, то бабушка Света закрываются в туалете, там всегда занято, – ревёт Ваня.

Вечером у Виктора Евгеньевича никакой льготы нет, и пробиться в туалет – никакой возможности. Поэтому по мелким делам он бегаёт в скверик рядом с домом. Вот дача ещё спасает. На даче, когда шпыгунов нет, он полный хозяин.

– Наша донецкая родня не любит на дачу ездить. А мне там, в лесу, хорошо, усажусь на пенёк и мечтаю.

– Сейчас же замирение пошло на Донбассе. Не стреляют. Шпыгуны, наверное, отправятся домой? – предположил Мареев в шутку.

– Не-е-ет. Любка сказала, что родители в Донецк не поедут, им в Москве уже стало нравиться. Она с детской непосредственностью заявила, что Москва ей тоже нравится.

Горилку выпили. Сало съели. Потом в таверне ещё добавляли. Мареев вернулся к себе домой уже под утро и проспал до полудня. Болела голова, кружился потолок, тошнило. В общем, никаких сил терпеть эти мучения не было. И если бы не бутылка пива из холодильника, то неизвестно, как бы он выжил. Когда полегчало, он, несмотря на жару, пошёл пешком к Шульцу. Как он там? Тоже страдает? По пути купил пиво, солёные орешки.

Обливаясь потом, добрался до гостиницы. Шульц собирал чемодан, торопливо бросая в него вещи. Лицо страдальческое, сам – тороплив и озабочен.

– Виктор Евгеньевич, пивка принёс. Вижу, что пригодится. А ты чего собираешься? У тебя ведь вылет завтра.

– Билет на завтра, а лететь нужно сегодня. Маленький шпыгун заболел. У Вани температура под тридцать девять. Наташка звонила.

– Так там же родители, две бабушки. Что? Не справятся? Скорую помощь не вызовут?

– Эх, Всеволод Иванович! Да я себе места не нахожу здесь. Я знаю, какая нынче медицина. Не дай бог что случится! Я к этим шпыгунам за год сердцем прикипел.

– Виктор Евгеньевич, у вас же сын Даниил врач. Пусть подключится. Вы что? Билет уже на сегодня взяли? А который на завтра – пропадёт?

– Плевать на билет, на деньги, на всё. Даниил, конечно, поможет, но я сам должен быть там, в Москве, возле Вани.

Не стал Шульц «поправляться» пивом и через полчаса умчался в аэропорт на такси, чтобы успеть на улетающий в Москву самолёт.

Мареев опять шёл по жаре с бутылками пива, шёл и мучительно размышлял. Что за жизнь такая настала? Сколько брошенных, бездомных стариков в Москве! Сколько детей-сирот при живых родителях! А Шульц, не

считаясь ни с чем, мчится в аэропорт, чтобы быть рядом с больным мальчиком. Кто ему этот Ваня? Внучатый племянник жены. Нет, дело не в родственных связях. Почему он так поступает? Да просто потому, что у него доброе сердце! Но таких – единицы, они музейные редкости. И Шульц один из них, это точно.

Странна и неумна эта жизнь. По телевизору показывали, как в Сирии совсем ещё мальчишка на кукле тренируется резать горло врагам. Немыслимо! «Болтовни и трескотни много, а случись когда нужно помочь конкретному человеку, найдутся ли желающие?» – полезла в голову мысль, но Мареев подавил её.

Пить пиво не стал, тупо уставился в экран. Говорят и говорят что-то. Опять очередной губернатор в России заворовался. Арестовали и его, и подельников. Оказывался, регионом управляла целая банда.

«Сколько же им нужно? Часы дорогушие сотнями, деньги бесчисленными миллионами, земля, самолёты, дома. И что, только сейчас узнали, что губернатор ворует? Или все и всегда воруют, а наказывают тех, кто правила воровские нарушает?»

Диктор ещё о чём-то вещал бодрим голосом, потом показали мальчика с дефектом слуха. Родился таким мальчик, одно ушко совсем деформировано, а второе слышит чуть-чуть, но со временем слух станет затухать, и так до полной глухоты. На голове у ребёнка бандаж с датчиками, через костную ткань каким-то образом звук передаётся, и мальчик слышит. Чтобы спасти слух ребёнка, нужна дорогостоящая операция за границей. А мальчик играет, взбирается на детскую горку, разговаривает с другими детьми, ведь он пока слышит. Подумать только: пока слышит! Если ему не помочь, то наступит полная глухота. И нужно-то всего пару сотен тысяч долларов на операцию! Господи, а те, другие, сидящие за решёткой в суде с невозмутимыми лицами, сотнями миллионов воровали! И вдруг до него дошло, что он тоже может помочь этому мальчику, если отправит сообщение на специальный номер со словом «Добро»! Мареев схватил телефон

и стал торопливо нажимать на кнопки. Для него время перестало существовать, он не думал о деньгах, он знал – чем больше сообщений он отправит, тем больше шансов у мальчика обрести слух. Остановился только тогда, когда закончился депозит на телефоне. С сожалением отложил его в сторону. Что ещё делать?

Включил компьютер, одел наушники и стал слушать музыку. На его лице блуждала улыбка, глаза светились, время от времени он прикрывал веки и в такт музыке медленно покачивался в кресле. Что слушал, забывшись, не мог потом вспомнить.

Через неделю Мареев улетал в Москву. Утром сосед-киприот рассказал ему, что у моря обнаружили труп мужчины в кроссовках и спортивных шортах. В кипрских газетах написали, что погиб русский бизнесмен, проживающий на Кипре, некто Константин Макаревич. Якобы плохо с сердцем стало бедолаге во время пробежки, упал на мелководье и захлебнулся водой.

Жестокий мир. Но есть добро на свете, есть. Ведь даже в самые жестокие времена добро не пропадало.

Пыльное облако над островом ночью исчезло. И опять голубое небо сливается на горизонте с синим морем. По дорожке из плиток гуляют отдыхающие, а рядом никогда не унывающие киприоты – такова видимая сторона здешней жизни.

Мареев пришёл на пляж Гермасойя; пришёл, чтобы попрощаться с морем. Дул несильный ветер, накатывая на берег ленивые волны. За волноломом стайкой бегали парусники. На рейде в ожидании места у причала стояли грузовые суда. Такая знакомая и близкая сердцу картина. Он постоял несколько минут у старой оливы, всматриваясь в морской горизонт. Полез рукой за монетками – бросить на счастье. Но вытащил из кармана мобильный телефон, невпопад понажимал на кнопки, а потом, размахнувшись, сильно швырнул аппарат в море.

«Пропадите вы пропадом, что те, что эти», – тихо прошептал он и не спеша отправился на квартиру. Через час Мареев уехал на такси в аэропорт.

Рыжий котяра

Я – обычный рыжий кот. Ну, не совсем обычный. Красивый я. Пушистый и большой. И, что не редкость среди котов, в отличие от людей, я умный. Да, да! Умный! Вы считаете, что нескромно хвалить себя? Почему? А ещё я хитрый, проницательный котяра, как обо мне некоторые говорят. Приходится быть хитрым, иначе не выжить бездомному коту в городе Лимассоле. Хотя, если честно, не совсем я бездомный.

На Кипре большинство кошек околачиваются возле отелей и живут за счёт подаяния туристов. После завтрака, обеда, ужина женщины выносят остатки еды и выкладывают на траве или на прогулочных дорожках, возле скамеек. Особенно бабушки, добрые старушки помогают нам, котам. Хотя и среди них бывают сущие ведьмы. Идёт этакая мымра мимо котика, обедающего остатком котлеты, тот не обращает на неё внимания, а она ножкой топ, а то и пнёт, крикнув: «Брысь! Может, ещё и на газоне нагадишь!» Да кошки чистоплотнее некоторых особей на двух ногах! Нужду справляем в песочке, а потом аккуратно закапываем.

Родился я при отеле в туристической зоне. Мама моя была допущена даже к кафе на открытом воздухе; она обычно с утра бродила среди столиков и вопросительно смотрела на посетителей, определяя по лицам: кто пожалеет её, голодную, и подаст кусочек со своей тарелки? Официанты маму не обижали, а вот других кошек и близко не подпускали к столам. Потому что вести себя не умеют. Начинают противно мяукать, выпрашивая еду. Кому это понравится? Птичий щебет, туристы радуются солнцу, а тут вдруг какой-нибудь облезлый кот подкрадётся незаметно к столу и – «Мяууу!» Птичка с дерева

упорхнёт, а мечтательная туристка вздрогнет и брезгливо скажет: «Фу, какой противный котяра!» И официант с полотенцем погонится за тобой.

Мама с детства приучала нас соблюдать этикет. И только когда мы повзрослели и поумнели, приобрели знания и опыт, нам разрешили подходить к столикам. Нас, котят, в семье было трое – я, братик и сестрёнка. Тройняшки мы: братик – Сереня, только носик у него был розовый, сестрёнка – Беляшка, а кончик хвостика рыженький. Мама говорила, что у каждого из нас свой отец; мой был рыжим, и я поэтому Рыжик с первого дня на свете.

Совсем скоро мы, котята, научились выпрашивать еду у гостей этого огромного острова, с которого никуда не убежишь. Братик Сереня садился поодаль от стола и смотрел немигающим взглядом на принимающих пищу людей. И кто-нибудь да кидал ему кусочек. Беляшка наловчилась промышлять у столиков с детьми. Тёрлась о ноги сидящих за столом, выбирая детские и дамские ножки. Мужчины бывают грубыми и могут больно пнуть. А если потереться о детскую ножку, то хотя бы один кусочек чего-нибудь вкусенького достанется. Какая мамаша не разделит любовь ребёнка к маленькой белой кошечке? А я, как посторонний, прохаживался среди столиков, но всегда что-то перепало и мне. Особенно – от дам, клянусь... чем бы мне поклясться?

Однажды одна добрая англичанка по имени Аманда взяла с общего стола халуми, такой козий сыр, поджаренный до румяной корочки. И почему сыр? Сама-то она его не ела. А меня угостила. Мне бы кусочек телятины. Той, какую дядька недавно оставил в тарелке, а официант тут же ловко подхватил её и унёс. Эх! Что тут скажешь? Ничего, когда ты на кошачьих правах находишься. А если я и сказал бы своё слово, что из этого? Тем более что дядька с телятиной не понимал по-нашему, по-кошачьи. И мы, кошки, не понимаем этих англичан. Среди них много рыжих, а иногда эти рыжие такое отчебучат, что хоть стой, хоть падай! Одна дама налила в блюдце молока и поста-

вила на пол. Можете себе представить молоко для кошки в блюдце, с которого туристы едят? Я начал осторожненько подбираться к угощению, тем более что дама затараторила: «Take it, baby! Please». Хорошо, что в последний момент поймал взгляд метрдотеля, полный презрения к даме и угрозы по отношению ко мне! Я тут же отступил от блюдца, гордо задрав хвост вверх, мол, плевать хотел на вас, англичан. Метрдотель Андреас оценил мою находчивость и юмор, широко расплылся в улыбке, показал жестом «o.k.», сомкнув большой и средний пальцы в кружочек. Будь я неосторожным, в тот же день вылетел бы с территории отеля. В нашем кошачьем деле внимательность – главное качество, а глупым нельзя быть, это смерти подобно. Андреас подошёл к англичанке и, улыбаясь, вежливо поставил её на место:

– Извините, мэм, мы котам сервируем столы в другом месте. Позвольте, я передам туда ваш подарок.

– О, грэйт! Лавли, – сказала англичанка.

Люди, как и кошки, бывают хитрые и не очень. А наш метрдотель умный и добрый. Да его все тут знают! Я заметил, что все, кто носит имя Андреас, добрее остальных, по крайней мере, в нашем отеле это было так.

Моё простое имя Рыжик прижилось среди туристов. Так меня мама с детства звала, а потом и люди стали ко мне так обращаться, особенно дети:

– Ой, Рыжик, какой ты красивый, какой ты пушистый, – ласкают меня маленькие девочки, а иногда и за ушком почешут.

От мальчиков иной раз не знаешь, что и ждать.

– Рыжий обормот! – кричит подросток Гена из Москвы и норовит за хвост дёрнуть, хотя сам тоже рыжий.

Рыжие ребята, в отличие от котов, все хулиганы. Так и хочется ответить этому Гене:

– Оболтус!

Мама предупреждала меня держаться подальше от Гены, его отец начальник нефтяных промыслов в ледяной Сибири. Богатый-пребогатый. И этот Гена балованный-балованный! Часы на его руке – «Rolex», дорожные.

Может, время на этих часах течёт медленнее, и папа-нефтяник и его сынок Гена проживают на этих часах десять жизней в сравнении с одной кошачьей? Сам слышал, как Андреас говорил официантке:

– Будь осторожна с этим русским с «Rolex» на руке, как бы он тебя не спровоцировал на грубость. Иначе его папа нам такое устроит!

– Да, он втихаря пытается меня за задницу ущипнуть.

– А ты не реагируй. Отойди с улыбкой. Щипнёт разок, тебя не убудет. Они к нам ежегодно приезжают и друзей своих привозят.

Люди думают, что мы, кошки, ничего не слышим и не понимаем. А мы всё на ус кошачий мотаем, только вида не подаём.

Родословная кипрских кошек уходит в далёкую древность. Когда-то нас, кошек, люди привезли на остров на корабле. Узнали, что мы можем охотиться на змей, вот и привезли. Это случилось много-много лет назад, тогда на Кипре была страшная жара! Расплодилось много змей, жить на острове стало опасно. В то время царица Елена, мать императора Константина Великого, отправилась на Святую Землю, чтобы найти Животворящий Крест. На обратном пути посетила Кипр. Увидев, в какую беду попали люди, она приказала доставить на Кипр целый корабль кошек, чтобы те уничтожали опасных гадов. Примерно в то же время был построен монастырь Святого Николая, при котором жили коты – мои предки. Монахи заботились о кошках, а те плодились и размножались. Вот так, по преданию, мы помогли людям избавить остров от змей. Мы гордимся тем, что люди называют этот монастырь Кошачьим. В тех местах на Кипре, где живут кошки, змей почти нет, а мы – везде и повсюду! Я слышал, как Андреас всё это одной даме рассказывал. А та вся в золоте, даже на щиколотке у неё был браслет с бриллиантами. Так эта дама всё ахала да охала, слушая рассказ:

– Ой, как интересно! А как же Афродита вышла нагой из моря и змей не побоялась?

– Богинь змеи не жалят, – нашёлся Андреас.

Иногда удивляешься глупости людей. Нет-нет, что вы! Люди очень умные. Куда нам, кошкам, до них!

Кто-то считает, что мы не знаем своей истории, родословной. Всё мы знаем, всё понимаем, передаём из поколения в поколение. А людей, если честно сказать, просто терпим – они же змей боятся и прячутся от них за кошачьи спины. Редкие двуногие заслуживают нашей любви, но тех, кого мы любим, мы никогда не предаём. Но есть среди людей очень и очень вредные, которые с нами, кошками, обращаются жестоко. В Лимассоле кто-то частенько разбрасывает по берегу отраву, чтобы извести наше племя. Говорят, что это делается с ведома хозяев отелей. Видите ли, «мяу» отпугивает туристов. Слишком много развелось мяукающих. И что же, убивать за это надо? Может, это люди мяукают, игра у них с женщинами такая? Да если бы не мы, вас, людей, злые змеюки давно изгнали бы с острова. От этого яда, раскиданного на пляже, погибла вся моя семья: братик, сестрёнка и мама. Меня спасла лень. Уснул в кустах и проспал отравленное угощение. На следующий день всю родню, неподвижно лежащую среди камней, человекоподобные типы в масках крюками побросали в страшный труповоз.

– Живодёры, – кричала на них худенькая старушка.

– Не волнуйся, бабушка, новых наплодят, – вон видишь, какой рыжий котяра бродит здесь? И кошечка найдётся для такого красавца.

– У-у, нечисть, – заругалась старуха.

А живодёры, смеясь, уехали на ужасной машине.

– А ты, милый, беги отсюда, – сказала мне добрая бабушка, – найди себе хорошего хозяина и живи при нём.

Вот я и побежал куда глаза глядят. Хотел в Кошачий монастырь отправиться, да кто укажет дорогу к нему? Бежал-бежал да и остановился у большого дома, где было много юных кошечек. Я и подумал: «Где большая семья, там и ещё один рыжий кот прокормится». Да и кошечки меня заинтересовали. Целый гарем можно обрести – там всего два кота, и оба чёрные, как смоль. Подрался я с обоими чёрными и быстро поставил их на соответствующее

место, за сценой. Куда им до меня! Теперь я здесь главный, и все кошечки мои. Нет, нет, я не жадный!

Хозяйка дома встретила меня неприветливо, но гнать со двора не стала. Мне показалось, что она не любит кошек. Молодая, ладная, с блестящими зелёными глазами. А хозяин квёлый какой-то, но я ему понравился, и принял он меня как родного. Как увидел во дворе, тут же вынес большой кусок мороженой рыбы. Недотёпа! – что, нельзя было разогреть? Может, он оттого и квёлый, что ест рыбу мороженую? Но кошек привлекает, на колени сажает и гладит-поглаживает по шёрстке своей тощей ручкой. Я таких нежностей не допускаю, и за это он меня прозвал Рыжим Дикарём. Но смотрит на меня не без доброты в глазах.

Так что живу я здесь во дворе постояльцем уже более года; от меня котят наплодилось – не счастье, и все рыжие! Жизнь, как люди говорят, удалась. Но осторожность не повредит: чуть шаг неверный сделаешь, и тут же выдвоят на песок, на пляж. Вон намедни хозяйка ругала мужика своего, твердя, что кошачье царство развёл при доме, кричала даже, что кастрировать Рыжего надо. Упрекала за попустительство – кого? Мол, рыжий котяра развёл немереное потомство по всей округе. Это про меня она так! Ей бы такого, как я! Слышал я, как говорила по телефону подруге, что мужик нынче пошёл слабый и ни на что не способный. А меня взахлёб хвалила:

– Знаешь, Аврора, этот рыжий котяра – самец так самец!

Не слышно было, что ей подруга отвечала, только хозяйка её категорически уверила:

– И не проси, Аврора! Не отдам тебе. Такие коты на улице не валяются. Самой такой нужен.

Что она задумала, не знаю. А вдруг в доме поселит, а потом кастрировать захочет, чтобы по кошкам не бегал? С этих баб станется! Как вспомню соседского – толстого, аж жуть берёт. А за что? Разве виноват я, что меня кошечки любят? А кого им любить? Двух престарелых чёрных? Или этого серо-буро-малинового с бантиком на шее? Он слабак! Ничего не может!

Не дамся, если моя хозяйка задумала что против кошачьего роду! Сбегу со двора. По соседству кошек при доме нет, там молодая дама одна живёт. Она заметила меня и стала подкармливать: то рыбки выложит на подносе, то мясца даст. Да улыбочивая какая! А ещё на флейте играет! И слова складно и ласково говорит. А слово доброе и коту приятно.

Но и здесь не повезло: к молодой хозяйке недавно хмырь престарелый приехал и стал жить в доме. Я слышал, как она сказала подруге: «Папа приехал!» Я понимаю, почему меня коты не любят, но вот мужика нового, отца молодой женщины, никак не пойму. Дорогу я ему не переходил. На газоне не гадил. А он, как завидит меня, хватается швабру и ну за мной гоняться. Прямо бешеный какой-то. Чем я ему не угодил? Не успели познакомиться, как ведро воды на меня вылил! Теперь старому хрычу стараюсь не попадаться на глаза.

Рассказал я вам историю своей котячьей жизни и словно освободился от лишнего груза. Может, кто-то посочувствует мне? Может, кто-то поможет? Люди добрые, не нужен ли кому красивый пушистый рыжий кот? Только дайте знать, и я мигом перебегу к вам. Хочу обрести семью. Буду верой и правдой служить – змей ловить, если какая сунется в дом! Только чур-чур: мне бы в такой двор, где нет злых мужиков, и чтобы со шваброй за мной не гонялись.

Встреча в ресторане

Михаил и Костя Оршанские приехали в ресторан «The garden» поужинать вместе с сахалинским знакомым Александром Дмитричем. В кои веки судьба свела с ним в Лимассоле, отчего не встретиться? Просто посмотреть друг на друга и поговорить. Михаил живёт в Москве, сын Костя – в Лимассоле. Александр – наполовину киприот, а наполовину русский. На пенсии, а где сейчас якорь бросил, никто не знает. Из тех, кто сегодня здесь, а завтра там. Цыган, что ли? Возможно – да, возможно – нет! Родом из Украины, а всю жизнь после учёбы в одесской мореходке проживал как будто бы в России, но много где побывал – моряк. Сейчас он на Кипре, и кипрские друзья зовут его Алексис. Говорят, что он из понтийских греков. Ничего себе!

Сидят Миша-отец и Костя-сын за столом в ресторане и ждут-поджидают Алексиса, а его всё нет и нет. У Кости несколько раз начинал звонить мобильник, но тут же замолкал.

– Кто тебе, названивает, Костя? – спросил Михаил.

– Да Александр Дмитрич это! Такой дозвон называется «еврейским» – позвонят и отключаются. Ждут обратного звонка.

– Ну и позвони ему.

– Так он того и добивается, чтобы за мой счёт разговор состоялся.

– Ерунда! Из-за таких маленьких денег Александр не будет шебуршить. Видимо, что-то случилось с телефоном у него.

– Посмотри, папа, кто пришёл! Вон в противоположном углу за столиком усаживаются два хомячка. Обернись незаметно и посмотри направо. Как будто ты тут впервые, стены изучаешь!

За столиком в дальнем углу сидели два белобрысых типа: папа-хомячок, небезызвестный Григорий Борисович Зенькин, и его сынок Борис Григорьевич. Пара пройдох с Сахалина. Но то, что обличьем смахивают на хомячков, Костя верно подметил. Щёчки откормленные и слегка обвисшие. Когда улыбаются, зубки выныривают на мгновение и тут же прячутся. Глаза? Нет, глазами не похожи. Глаза светлые, излучают преданность. Хомячки любят среди людей шмыгать и рядом с ними жить. Еда перепадает: где-то им дадут, а где-то и сами возьмут. И Зенькины такие. Ещё Зенькин-дед, Борис Григорьевич, был таким ласковым и доброжелательным! Но отошёл в мир иной. Об ушедших или хорошо, или ничего. Все уйдём. Вот только туда с багажом не берут. Все эту истину знают, но некоторые надеются, что и в загробном мире неплохо устроятся.

Тем временем Зенькины начали изучать меню, которое услужливо, с поклоном подал им официант.

– Уважают здесь Зенькиных! – сказал папа Оршанский.

– Я так не стал бы говорить. Просто в этом ресторане высокий уровень сервиса. Киприоты – гордый народ. Не без хитринки. Но пресмыкаться перед какими-то Зенькиными не будут. Даже за хорошие чаевые. Обслужат достойно и чаевые примут достойно.

– Костя, может, подойти к ним?

– Подожди, папа, пусть закажут! Да и заметят они нас рано или поздно.

Ошибался Костя. Зенькины давно их увидели и тихонько переговаривались между собой:

– Боря, что Оршанский здесь делает? На Сахалине еле-еле с ним разобрались, так он теперь здесь будет под ногами путаться. Интересно, он знает, что мы дом купили с видом на море?

– Не думаю. Но скоро узнает. Кипр – большая деревня.

– Ты, Боря, поддерживай с Костей отношения. Может, и проговорится о делах отца. Балбес балбесом, а смотри,

сумел устроиться на Кипре. Живёт-поживает и горя не знает.

– Пока не знает! Посмотрим, как дальше-то будет. Старшой тоже считал себя самым главным в сахалинских делах. А чем закончилось? Для него – пшиком. Теперь в Москве на маленькой должности, тихим стал.

– Это так! Обхитрили мы его. Помнишь, как придавили в своё время? Ловко расправились, ничего не скажешь. А всё дед твой! Дед всё придумал! Обвинил Оршанского в заговоре. Примитивно, а сработало. Пытался оправдаться Тишайший, доказать, что он не при делах! Ан нет! Не получилось. Запах по всему Сахалину пошёл. Да, Боря, твой дед был голова! Умел сети плести и капканы расставлять. Непревзойдённым ушёл из этой жизни. Нам бы не оплошать.

– Да, но и он не всё предусмотрел. Мы старались, а всё Мадам досталось, – вздохнул Борис.

– Мадам нам пока не по зубам! Сбавь обороты, Боря! Да и рассчиталась она с нами полностью. Жил бы дед, и с ней потолкались бы аккуратно. Хотя ещё не вечер.

О чём это они? Никто не слышит, никто не знает. Что-то крутили-вертели там. Что-то отобрали у тишайшего Оршанского. Потом пришли другие люди и хомячков потеснили. Одна очень серьёзная женщина из Москвы выкупила их бизнес. Эта женщина, или, как зовут её хомячки, Мадам, очень уважаема бизнесменами и чиновниками. Имеет хватку и волчий нюх на деньги, но ни в каких конфликтах не замечена. Не о ней ли говорят Зенькины? Ведь продолжают управлять сахалинским бизнесом и при ней. Значит, она им доверяет. Хотя как сказать! Скорее всего, всё она видит и всё понимает, но до поры до времени молчит и наблюдает. Не может такого быть, чтобы весь Сахалин знал, что Зенькины проходимцы, а крутая бизнесвумен не знала! Что ей нужно от этих хитрецов? Как бы они её под монастырь не подвели.

Не выдержал Оршанский, подошёл к столу Зенькиных, пока Костя говорил по мобильнику. Хомячки вскочили навстречу ему и заулыбались.

– Здравствуйте, Михаил Александрович! Вот так встреча! – кинулся обниматься-целоваться Григорий Борисович.

– Я к сыну приехал на пару дней. А вы как здесь оказались? В какой гостинице остановились?

– У знакомых живём, – встрял Боря.

– Не будем темнить! Боря шутит. Дом купили. Вот наездами и бываем.

Подошёл Костя. Поздоровался сухо и обрадовал отца:

– Алексис звонил. Будет здесь через пять минут.

– С киприотом встречаетесь? – оживился Боря.

– Да нет. Это нашего Александра Дмитрича так здесь прозвали.

Розовые щёчки Григория Борисовича слегка побелели.

– Извините, мужики! Запаятовал! У нас встреча. Нам идти надо.

Не став ужинать и наскоро распрощавшись, Зенькины поспешно удалились.

– Куда они так рванули? Странно, – удивился Оршанский.

– Видимо, не хотят встречаться с Александром Дмитричем, – сказал сын.

– Точно. Есть причина не встречаться. Напакостили они ему здорово.

И отец рассказал Косте о семействе сахалинских хомячков – известных проходимцев от бизнеса Зенькиных. История обычная для России времён перестройки, но поучительная. Будучи в своё время главой транспортной компании на Сахалине, пожалел Оршанский старого Зенькина и взял его, неприкаянного и больного, к себе на небольшую должность. А потом ещё и жизнь ему спас, срочно отправив на лечение в Израиль, что в те времена для простого смертного было почти невозможно. Вскоре и приватизация началась. Когда выздоровевший и посвежевший Зенькин вернулся из мест обетованных, Оршанский вручил ему ключи от кабинета, в котором все схемы приватизации транспортной

компании и придумывались. Со временем старый Зенькин привлёк к делам в компании сына Григория, потом внука Борю, и постепенно весь транспортный и сопутствующий бизнес оказался у них под контролем. Всех объегорили! А недавно зачем-то заказали уголовные дела против Александра Дмитрича, наверное, потому, что, работая в той же транспортной компании, мешал Зенькиным воровать. Тот уже давно уехал с Сахалина, на пенсию ушёл, а семейке всё нейдет, всё пытаются навредить ему. Что тут скажешь?

Костя заказал раков – любит их очень Оршанский. Наконец в ресторан вошёл Александр Дмитрич, долговязый мужик пожилого возраста. Непонятно, почему его киприоты за понтийского грека принимают? Ничего в его облике от грека нет. Волосы – пегие с сединой, глаза – светло-зелёные, а нос румынский – тонкий и длинный. Почему румынский? А пёс его знает. Старший Оршанский всегда так говорит, называя его в шутку Румиком.

– Извините. Опоздал. Пытался дозвониться, да деньги закончились на мобиле.

– Слушай, Александр Дмитрич, только что Зенькины здесь были. Гриша и Боря. Как только узнали, что ты должен прийти, так сразу слиняли.

– Да когда же они наконец отстанут от нас! Не иначе как опять какую-то пакость задумали. Видеть их не хочу. Никаких дел у меня с ними нет. Хотя в сахалинском банке, где Зенькины заправляют, немного акций имею. Никак не могу продать.

– И на меня когда-то подложные бумаги писали в разные инстанции.

– А со мной наоборот поступили: в начале этого года от моего имени посылали клеветнические письма в полицию. Представили так, что я якобы оклеветал их. А потом хотели посадить меня за это. Еле отбился.

– Зря им Мадам доверяет, – посетовал Михаил, – подведут они её под монастырь, не могут они жить без интриг и провокаций.

– Кто такая Мадам? – спросил Костя.

– Главный акционер транспортной компании. Зенькины так её между собой зовут. Порядочная женщина с хорошей репутацией в деловых и властных кругах.

– На всякую деловую женщину найдётся свой Зенькин, – пошутил Александр.

За ужином вспоминали старые добрые времена. О Зенькиных забыли. А зря. Те всё и всех помнят, никому ничего не прощают и ничем не побрезгуют, если наживу почувствуют.

Разговор задел Александра за живое – нет-нет да и возвращаются мысли к прошлой островной жизни. Что же это такое делается на белом свете? Где Сахалин, а где Кипр? Почти сутки с пересадками надо добираться, а всё равно народ сюда стремится, несмотря на расстояния. Как мёдом здесь намазано – слетаются со всех концов России. Есть здесь свои прелести: море тёплое, рыба свежая, звёзды огромные, луна так близко, что если на самую высокую гору подняться, то рукой можно её потрогать. А ещё фрукты, овощи, словно с деревенских грядок. Живи, горя не знай. Так нет же, выкаблучиваются отдельные человечки: строят такие дворцы, что скромному кипрскому глазу смотреть на них невозможно. Какой-то российский банкир родом из украинских степей построил огромный дом. Семьи у него нет, а дом-великан есть. Высокий, с узкими окнами, похожими на бойницы. Смеются киприоты, глядя на это архитектурное чудище, но красота – дело такое: имеешь деньги – имеешь право своё безобразие обозвать прекрасным.

Александр молчал и переваривал внезапно пришедшие философские мысли о жизни нашей брэнной и порой странной. В углу зала появилась певица Ани и запела песню Стинга «Shape of my heart». Негромкий голос белокурой шведки перенёс его в далёкое прошлое, на Сахалин. Там, в маленьком городке, был свой бандюган Тони в лице Григория Зенькина, был свой продажный полицейский! А вороватых чиновников сколько было! Тогда на Сахалине образовалась своя маленькая Сицилия. Но песня о другом.

– Что призадумался, Александр Дмитрич? Как тебе живётся здесь, на Кипре? – спросил Михаил.

– Свободно и вольготно было до сих пор. А сейчас буду, наверное, уезжать. Везде Зенькины: на Сахалине, в Москве, на Кипре. Как репейники цепляются!

– Говорят, что они потеряли крупную сумму в кипрских банках. Глядишь, скоро обвинят нас в организации банковского кризиса на Кипре, – пошутил Костя.

– С них станется! Ещё те провокаторы! – проронил Михаил. – Не любят с денежками расставаться.

Со сцены прозвучало поздравление с днём рождения в честь Александра. Ани с музыкантами пела: «Happy birthday!» Официант торжественно поставил на стол свечи и маленький торт в виде прямоугольного ящика.

– Кто это придумал? Перо им в одно место! Сегодня не мой день рождения! – возмутился Александр Дмитрич.

– Заказали и оплатили! – ответил русскоязычный официант.

– Кто? – хором закричали Оршанские.

– Дама приходила. Не назвалась.

На поздравительной открытке – старая деревенская хата-развалюха среди пустынной равнины, покрытой снегом, и надпись от руки: «Румик, поздравляем! Привет Тишайшему от Мадам!»

Как понимать? Дурацкая шутка? Предупреждение? Провокация Зенькиных?

Через неделю Александру позвонил Костя Оршанский:

– Александр Дмитрич, я вчера провожал своих деловых партнёров из Казахстана, так не поверите, кого в аэропорту встретил. Гришу и Борю.

– Зенькиных?

– Да! Но совсем не весёлых.

– Ну и что? Встретил и встретил. Не хочу даже говорить о них.

– Так их депортировали! Своими глазами видел, как полиция отконвоировала парочку к пограничному контролю.

– Чудеса, да и только! Не может этого быть.

– Может! Мне знакомый из полиции по секрету сказал, что их выслали и на десять лет лишили права въезда на Кипр.

– За что?

– А кто скажет? Может, документы не в порядке? Может, какую-то провокацию с далеко идущими планами хомячки задумали? Может, с наркотиками что-то связано? Мало ли что может быть. Всё уже позади. Дышите свободно. Нет их на Кипре. Казахи звонили, в самолёте оба сидели.

– Ну дела.

– Ещё какие! – подхватил Костя. – В полиции Зенькины якобы заявили, что они на Кипре представляют интересы главного акционера крупной российской транспортной компании.

– Зачем же они Мадам в свои авантюры вовлекают?

– Думаю, что лучше нам и не знать об этом.

Легко сказать! Через день Александра вызвали в полицию. И что же? Задавали разные вопросы о Зенькиных. И Нелли Даниловной, Шатенкой из моря, интересовались. Какая связь между Зенькиными и известной аферисткой? Ничего не объяснили. Хуже нет, когда что-то вокруг человека происходит, а он остаётся в неведении.

«Ты мне душу растревожил...» –
Ночью милому шепчу.
Только он понять не может,
Что я замуж ой хочу!

Ох уж эти артисты

Наташа – из настоящих русских красавиц: волосы – пепел, голубые глаза – озёра, щёки слегка тронуты румянцем, и – не сходящая с губ улыбка. Она вся лучится светом и радостью! Модельный рост и немодельный бюст. О этот бюст! – он предмет гордости и страданий Наташи! Пройти и не заметить его невозможно, если ты мужчина, а не чудик какой-то. Наташа – певица, и когда она подтанцовывает себе на сцене, бюст в унисон её движениям начинает такое вытворять – мама не горюй! И Наташа смущается! «Да угомонись ты», – шепчет ему. Кому – ему? Да бюсту же, конечно! Потому что он не только сам заводится и пляшет, но и хозяйку заводит ещё пуще.

– Ну, Наташка, – ты совсем чума! – на правах старшей подначивает подругу композитор Лена. – Оторва, каких свет не видал! Перед выходом на сцену лифчик надевай!

– Зачем мне лифчик, когда они стоймя стоят! – смеётся Наташа. – И что такую красоту пеленать?! Пусть порезвятся, пока молодые!

– Прелесть, Наташка, какая ты дурочка! – смеётся Лена в ответ.

Лена любит Наташу, пишет для неё песни, помогает ей во всём. Девушка талантлива: чувствует песню, умеет подать нюансы! Голос у неё звонкий и сочный, этакий певучий голос русской женщины. В нём смешались разудалость и душевность. Особенно Наташке удаются народные песни в современном стиле, если, конечно, тексты подходящие.

Недавно Лена написала песню о бирюзовом колечке на стихи Мареева.

Залихватская мелодия и слова, зовущие не куда-то там вдоль по Питерской, а замуж – туда, куда хочется всякой девичьей душе, растревоженной и неугомной. Какой мужик устоит! На концертах толпами устремляются к сцене, чтобы вручить певице цветы, а некоторые готовы тут же вручить ей и руку, и сердце. Поэт, наверное, попал в яблочко, искренне желая пристроить Наташкин бюст в надёжные, крепкие руки.

– Лена, где ты раскопала этого Мареева? Познакомь меня с ним, – пристаёт к подруге Наташа.

– Да он дядька уже в возрасте, хотя про любовь по-молодому пишет. Моряк. Видать, в пустынном море сильно соскучился по любви.

– Кому чего не хватает, тот о том кричит или стихи пишет, – подхватила острая на язычок Наташа; печаль, лёгкая, как «сон иль утренний туман», мелькнула в весёлом взоре певицы.

А поэта действительно понесло на волнах любви: что ни стихотворение – песня. Лена уже лет десять пишет музыку на стихи Мареева. Удивительно, но эта троица любит песни в русском народном стиле. Конечно, у Лены есть и другие соавторы и певцы, но те песни, что Наташка поёт, – золотой фонд. А Лена и сама может спеть! Да так, что любой поэт возмечтает, чтобы она его стихи соединила с музыкой собственной души! Не многие такой чести удостоились, чтобы два в одном: и музыку написала, и спела сама! Поэт Гулевич проходу не даёт Лене. Когда-то написала она несколько песен на «нетленки» Линкольна Гулевича. И поплыл «президент», как шаланда в Одесском заливе! Запал мужик на песни Лены, на её голос и, кажется, не только на духовность, но и на всю материальность Лены. У Гулевича время от времени вспыхивает одна искорка на два глаза, но там всё контролирует Лени-

на подруга – Лариса Жнецова. Не потерпит, чтобы рядом с Линкольном появилась ещё какая-то певица!

– Ленка, ты моя подруга, но от Линкольна держись подальше! – не выдержала как-то мадам Жнецова после концерта.

– Да ты что, Лариса! Окстись! Откуда такие мысли глупые? Не по этой я части.

– По этой, не по этой!.. Просто, Ленуся, знай, что за Линкольна я готова горло перегрызть кому угодно.

– А муж-то знает?

– А что скрывать? В справочнике «Бомонд России» размещена биография Линкольна и моя. Я написала в своей биографии, что Линкольн Гулевич – мой космический муж. Жнецов – мой муж по казённому паспорту. Настоящий муж – Линкольн! И пусть все знают об этом. Линкольн – гений. Есть поэты такие, как твой боцман Мареев, а Линкольн – один на всю Россию. Гений рождается раз в столетие, дорогая.

– Лариса, ты не заболела случайно? Что ты говоришь? Во-первых, Мареев – не боцман, а морской капитан, и пишет свежо и ярко. Во-вторых, Гулевич – не гений! Стихи его обыденные и даже с привкусом пошловатости. Вспомни последнее: «Когда струна любви поёт в душе твоей, её не трогай...» Разве не штамп?!

– Лена, остановись! Не хочу слушать! Не было такого! Линкольн – поэт вселенского масштаба! Гений! Гений! И ещё раз гений!

Лена посмотрела в горящие глаза Ларисы и решила, что, видимо, у неё комплекс возрастных обострений. «Повернулась мозгами Лариска, – решила Лена. – Гением считает Линкольна, а стихи у него не очень. Да и мужичок-то он так себе. И почему Линкольн? Ему больше подошло бы имя Леопольд!» Но Лена не стала разочаровывать Ларису:

– Подруга, признайся, стихотворение о трамвайном романе, воспевающее бюст Наташи, не для сцены, не для песни. А так ничего! Душевно!

Кое-как удалось успокоить взволнованную Ларису.

Перебирая в мыслях исполнителей своих песен, Лена понимала, что Наташка одна из лучших. Хоть и учится в Гнесинке на последнем курсе, но шагу не ступит без Лены. Чуть что, за советом прибегает. Вот недавно приходила, хочет на шоу «Голос» пойти.

– Наташка, какое шоу?! Последний год учишься. Выпустишься, а потом иди хоть в Голливуд!

– Скажешь такое, кто меня возьмёт туда? Вон недавно отобралась на конкурс с нашей песней «Русская женщина», а дальше второго тура не прошла. Ты же знаешь, Лена! И песня понравилась, и мое исполнение, но волосатая и похотливая рука не пустила дальше. Дирижёр по секрету сказал мне, что победители определены задолго до конкурса.

– Рано или поздно пробьёшься! Работать надо!

– Без спонсора, Лена, не получится. И репертуар надо менять. Распевное народное исполнение не в тренде сейчас!

– Люблю я тебя, дурочку. А то бы давно бросила. Чует моё сердце, окончишь Гнесинку и не станешь мои песни петь. Зря на тебя время трачу! Жаль, загубишь талант!

Наташа картинно подбоченилась и, закатив глаза, запела:

Душа моя доверчива без меры,
А вдруг и вправду я поверю в чудо,
И полечу в Париж на крыльях веры,
И на Монмартре я принцессой буду!

– Хочу в Париж! В Италию хочу-у-у-у!

– Получи образование, поколеси по городам и весям России с концертами, наберись мастерства. А потом, если повезёт, может, и попадёшь на Елисейские поля петь в кабаке. На таких, как ты, спонсоры очень даже западают! Но они за тебя петь не будут! – поучала Лена.

– Мне нужен спонсор-продюсер! А погулять? У меня и сейчас такой есть. Арчил из Батуми! «Как меня мой Арчил от печали излечил!» – продолжала куражиться Наташа.

После этого разговора с наставницей Наташа какое-то время гастролировала в паре с молодым, но уже популярным певцом Прохором Собиновым. Хорошо оба смотрелись на сцене и пели – будь здоров!

Как-то Лена встретила Ларису Жнецову на сборном концерте.

– Лена, прошу, вразуми ты эту девицу! Пусть отстанет от моего Линкольна!

– Какая девица? Что случилось?

– Да Наташа Краснова! Линкольн ходил на её концерт, где она выступала со смазливym Прохором! И теперь хочет, чтобы она песню на его стихи записала. Книгу ей подарил. Шедевральную!

– Забудь ты про Краснову, Лариса! Я сейчас новый альбом готовлю. Сама буду петь кое-что из Омара Хайяма. Могу тебе предложить две песни. Представляешь? Стихи Омара Хайяма под музыку! Мощь!

– Вот именно: мощь! Одна! – отмахнулась певица.

Что скажешь? Она с Линкольном Гулевичем поёт дуэтом. Зато всё – своё, личное! Ради славы поют, а не ради медяков.

Но не так просто забыть Наташу. Вскоре она позвонила:

– Лена! Я за границу улетаю завтра. Может, останусь там навсегда.

– Куда? В Париж? А с Прохором – что? Больше не поёте вместе?

– Хватит. Наездилась с ним. Полгода хватило. Хочу солнца, хочу моря! На Кипр хочу! Хочу поклонников богатых! Спонсора хочу!

– И с кем едешь? Может, с Арчилом? У тебя же завтра день рождения!

– Арчил исчез! Наобещал с три короба и слинял! Квартиру у моря, концерт на средиземноморском побережье обещал! И нет Арчила! Арчил, где ты? Аууу! – дурачилась Наташа.

И вот она в аэропорту Ларнака. Прилетела одна, да ещё по какой-то электронной визе. Оставим между строк, что сманила её на эту авантюру Ольга, подруга из Гнесинки, рассказами о щедром солнце, о богатых киприотах, которые без ума от наших блондинок. Сманить-то сманила, а сама в последний момент не поехала, отговорила тем, что мать заболела. Никого не зная на Кипре, стоит Наташа у окошка иммиграционного контроля. Офицер начал докапываться: к кому едете, причина посещения, есть ли денежные средства на расходы? Улыбалась ему всем своим существом. Результат в паспорте: штамп поставлен. Вперёд, к покорению Кипра! На выходе её ждал молодой и весёлый киприот с плакатом «Наташа Краснова». Обрадовалась: «Молодец Оля! Хотя здесь не подвела!» Парень бойко говорил по-русски:

– Привет, красавица! Солнечный Кипр у твоих ног! Меня Даниилом зовут. Можно – Дани.

– Привет!

– Босс велел отвезти тебя в центр города. Фешенебельную квартиру приготовили тебе в «Близнецах». Так называют два самых высоких дома в городе. Там богатые русские живут, и киприоты тоже.

– Слушай, классно на русском говоришь! Где учился?

– Так я на Кавказе родился. Семья эмигрировала в Грецию, а потом на Кипр перебрались. Нас много здесь, понтийских греков. Наши предки больше тысячи лет назад расселились на Кавказе, а сейчас почти все вернулись.

Квартира оказалась – загляденье. Из окон видно море, покрытое лёгкой рябью. Две спальни. Обстановка – роскошная. Вдали слева белой стайкой летали паруса. Чем не Италия?!

– Дани, что за мостик через дорогу? На пляж ходить? Прямо из дома? Супер!

– Да, красавица! Я же говорил, Кипр будет у твоих ног!

– Так я сразу и пойду на пляж! А концерт когда?

– Все вопросы к боссу! Зарегистрируем тебя тут, где стоишь, а потом – иди хоть на пляж, хоть заляжь. А без регистрации никак нельзя, полиция такая строгая! Давай паспорт! А концерт вечером, для своих.

И тут до неё стало доходить: заберут паспорт, и всё! Считай, в рабство попадаешь. А Оля, видимо, с ними в доле? Но разве жулики в такую шикарную квартиру стали бы вселять? В интернете читала, что доверчивых девчонок приглашают петь, танцевать, а потом заставляют в борделях работать. Что делать? Эти мысли промелькнули в доли секунды, но она взяла себя в руки и решительно заявила:

– Одну минуту, Дани! Я позвоню Оле в Москву и узнаю, как она договаривалась. На каких условиях работать будем? Оля ведь тоже сюда приедет?

– Конечно, позвони! Звони, звони, дорогая. Я подожду.

Телефона в сумке не было. Потеряла? Где?

– Мобильника нет. В самолёте забыла, наверное. Дани, можно с твоего позвонить?

У Дани номер оказался заблокирован, счёт забыл с утра пополнить. Перепугавшись не на шутку, Наташа сказала:

– Договорюсь с боссом об условиях контракта, тогда и буду регистрироваться тут. А может, в гостиницу перееду!

Недовольный Дани вышел, хлопнув дверью. Ключ несколько раз повернулся в замке, и – тишина.

«Почему я сразу в аэропорту не выяснила всего? Куда едем? Зачем? Кто этот босс и где он? Бестолочь! Как теперь выбираться из этой западни?» – запаниковала Наташа. Но тут же она постаралась успокоиться. «Ничего, Наташа! Прорвёмся!» Посмотрела вниз из окна. Пятый этаж, а так высоко – словно десятый! Спускаться по простыням – рискованное дело! Внизу красивая набережная, магазинчики, таверны, люди гуляют. А она словно пленница! Или и в самом деле пленница!? Открыла холодильник, а там – фрукты, настоящая чёрная икра, французское шампанское, сыры, пирожные и всякие другие вкусности.

«А плевать на всё! Устрою пир! А там видно будет!» – но не успела приступить, как снова услышала ключ в замочной скважине.

В испуге выскочила из кухни и обомлела: Арчил! Оля! Друзья! Дани со скрипкой и с её мобильником, украшенным новыми яркими стразами! Цветы! И всеобщее «Happy birthday to you!» Прямо-таки шоу телепрограммы «Розыгрыш».

Нет, что ни говори, хорошо быть немножко дурочкой в этом сложном мире, которым заправляют мужики! И хорошо, что есть Арчил, который умеет удивить женщину, хотя порой и на грани фола!

В тот же вечер Наташа позвонила наставнице:

– Ленуся, прости меня! Я опять хочу под твоё крыло. Приезжай на Кипр. Здесь Арчил, Оля, новые друзья. Только тебя не хватает.

Что ей ответила Лена, неизвестно. Лёгкая тень мелькнула на Наташкином лице и растаяла в общем шуме и гаме развесёлой компании.

Где теперь Наташа Краснова? Кто-то видел её в Москве, кто-то – в Гонконге. А Линкольн уверяет, что она поёт в дорожных барах Малаги в Испании; вроде бы сам слышал «Бесаме мучо» в её исполнении, в сопровождении хора девушек в кокошниках. Так скоро доберётся и до Елисейских полей, если достойный спонсор-продюсер найдётся.

Хлястик от макинтоша

Эти двое мужчин, где бы они ни оказывались, доминировали над всеми остальными. Высокие, породистые – на них нельзя было не обратить внимания.

Один – спортивного телосложения, порывистый, находчивый в споре. У него всегда своё мнение по поводу и без повода. Наверное, он имеет на это право, поскольку хорошо образован и много чего умеет. Кроме того, в молодости как биолог побывал в самых разных местах огромной страны, звавшейся Советский Союз. Игорь Андреевко всегда легко сходился с людьми, будь то в научных экспедициях, в поезде или у костра на отдыхе. Серьёзный, крупный мужчина, из тех, кто умеет дело делать и любит работать. Про таких говорят – рукастый. За что ни возьмётся, всё у него получается ладно. Накрыть стол – он сделает это не хуже любой хозяйки. Починить радиоприёмник или утюг – для Игоря пустяк. Занялся фотографией и стал высококлассным мастером: его снимки украшают многие журналы. Особенно ему удавались пейзажные работы, которые он привозил из экспедиций по Дальнему Востоку и Сахалину. Но фотопортреты женщин – его самая большая страсть. А всё потому, что он любит женщин, умеет выбрать лучшие ракурсы, чтобы подчеркнуть и усилить их привлекательность. Некоторые даже и не узнавали себя в раскрасавице на портрете. Видеть в женщине прекрасное – у него в крови. А женщины чувствуют, когда их обожают, когда ими восторгаются, когда их возвеличивают. Особенно если мужчина делает это как будто ненароком и без лишних слов. Женщина чувствует альфа-самца по спокойному взгляду, по уверенному тону в беседе, по его поступкам.

Александр – немного полноватый жгучий брюнет с блестящими чёрными глазами, ростом чуть повыше Игоря. Пройдя школу партийных органов, умеет свободно говорить на любую тему. Что он делал в тех самых органах – никому не известно, но, вероятно, там его ценили, поскольку, по слухам, он готовил доклады для начальства весьма высокого ранга. Слегка вальяжный и медлительный, он знает себе цену и всегда может развернуть ситуацию в свою пользу. Тост сказать в компании – о! – он сделает это блестяще и с юмором, да так, что некоторые женщины не выдерживают и начинают кричать: «Браво, Саша! Bravo!» Анекдот рассказать – ему равных нет. А пригласив женщину на танец, тут же оказывается вместе с ней в центре внимания. Вальсирует торжественно, демонстрируя преклонение и не отрывая от неё восхищённого взгляда. Запросто споёт что-нибудь из оперы. Игорь давно заметил, что Александр никогда не доведёт арию до конца. Картинно став перед дамой на колени, страстно заведёт: «Паду ли я, стрелой пронзённый, иль мимо пролетит она», – сорвёт бурю оваций и тут же отступит, отделавшись шуткой. Для него достаточно пыль пустить в глаза, ведь никого из подвыпившей компании не волнует, что день грядущий Ленскому готовил и чем нынешний вечер им грозит.

– Пустобрех! – сорвалось как-то у Игоря.

– Что? – переспросила женщина рядом.

– Теперь он турок – не козак, – ответил Игорь, перефразируя Караса из оперы «Запорожец за Дунаем».

– Не скажите! Артист! – не поняла юмора дама и стала аплодировать.

Случилось так, что наши герои примерно в одно и то же время стали заниматься издательским делом, новым для них обоих. Вскоре Игорь оказался директором научного издательства «Светоч» при Академии наук Украины. Александр чуть позже стал генеральным директором крупного частного книжного издательства «Витязь», и в том же году «не козак» был избран президентом ассоциации украинских издателей. На его визитной карточке

золотыми витиеватыми буквами было написано: «Александр Луконин, кандидат исторических наук, директор книжного издательства “Витязь”, президент Ассоциации издателей Украины». Хорошая карьера опытного функционера! А что? В партийных органах служили не дураки; конечно, была ложь, была пена, но была и ответственность. Если кто-то не справлялся, то на веки вечные неумеха выпадал из обоймы, лишаясь и уважения, и привилегий. Со временем жизнь круто изменилась: чем беднее жил народ, тем больше появлялось процветающих богатеев, поражающих роскошью и цинизмом весь белый свет. Куда там пайкам, государственным дачам, спецбуфетам из прошлого! При коммунистах у чиновника был страх, а при демократах появились свобода и вседозволенность: чиновник стал служить себе и для себя. Как-то один большой руководитель из Киева отшутился: «Какой дворец? Малэнка хатына на берегу Женевского озера». А потом добавил, что и не ему вовсе та хатына принадлежит, а его сыну – молодому преуспевающему бизнесмену! Он сам на неё заработал! Что тут скажешь?

Александр Луконин был не из тех бывших, кто ринулся в рынок, как в омут, с головой. Коммунистическая система научила его работать вдумчиво. В новом кресле не растерялся, его недюжинный талант позволял ему вести издательский корабль сквозь бури рынка, подобно всамделишному капитану.

Самцы-доминанты не терпят соперничества, особенно когда гон начинается. О, время гона! Схватки между ними идут не на жизнь, а на смерть, и победителю достаётся всё! Так природа устроена! Все самки – победителю! Отсюда и хорошее потомство, потому что за победителем и сила, и здоровье, и ум! Конечно, в стаде есть и другие самцы, но это либо молодняк, либо дряхлые старики. Вожаку достаточно грозно посмотреть на какого-нибудь бычка, неосторожно приблизившегося к мирно пасущейся на лугу тёлочке, как тот отскакивает в сторону – и был таков. В природе порядок – не то что у людей. Порой мы так усложняем себе жизнь, что только диву даёшься.

Много слов, намёков-полунамёков, суеты много. А когда гон, какая суета! Увидел и взял, а не можешь – пошёл вон, жертва естественного отбора!

Успех книгоиздателя проявляется на книжных ярмарках! Съезжаются на них профессионалы книжного дела со всей страны. Именитые и неизвестные никому. Начинаящие и опытные! Лотки, палатки, стенды и книги, книги, книги. Книги-учебники, научные книги, поэзия, картография! Чего только на выставке-ярмарке не встретишь! А главное здесь – сами издатели и их сотрудники, скорее – сотрудницы. Потому что кто все эти редакторы, корректоры, верстальщики? Кто они? Женщины! Интеллигентные, умные, ухоженные, талантливые, гордые! Да что там! Они все – красавицы! Молодые и не очень, замужние и не очень, а то и совсем свободные, но все они чертовски привлекательны! И на каждую женщину найдётся мужчина, который не прочь за ней поволочиться. Приезжая на ярмарку, женщина втайне надеется на приключение, на восхищение ею, на праздник. Боже нас упаси обвинять! Нет, нет и ещё раз нет! Женщинам свойственно привлекать внимание, им нравится ловить на себе полные страсти взгляды мужчин, и чужих, и своих собственных. И это естественно, это правильно. Так должно быть! Мужчины, восхищайтесь женщинами, и за это воздастся вам сторицей! По меньшей мере, вам это восхищение ничего не стоит, а вдруг...

Вот и Игорь с Сашей оказались на книжной ярмарке в прекрасном городе Львове. Сентябрь. Пора осенних цветов и грибов! На рынке гроздьями висят сушёные боровички, подберёзовики. Лисички в плетённых из лозы корзинах так и просятся к покупателю на стол! Кто не соблазняется сушёными грибочками и не привёз пару низок себе домой, чтобы зимой порой похлебать грибного супчика и вспомнить былое?! Иногда грибочки привозят, чтобы отвлечь внимание благоверной от расспросов: как там было на ярмарке и что там случилось или не случилось? Ярмарка как ярмарка, а вот – какие грибы! Смотри, милая, что я привёз! И всё. Пошёл разговор в другом на-

правлении, не опасном для семейного счастья. Иначе, не дай бог, нечаянно проговоришься о чём-нибудь этаким. Поверит ли благоверная в чистоту помыслов похода в театр с той же Ириной Муратовской из киевского картографического издательства? А прогулки по узким, пахнущим далёким и таинственным прошлым львовским улочкам?! Или просто посидеть на скамейке перед оперным театром и поглазеть на праздную гуляющую вечером публику! Девушки в нарядных гуцульских костюмах предлагают на лоточках местные сладости. А знаменитый львовский шоколад! Не тоненькие плитки, завёрнутые в фольгу и цветастую бумагу, а груды твёрдого чёрного шоколада! И простенькие керамические кофейные чашечки, которые все покупают в том же шоколадном магазине и привозят домой, где они на полках сервантов напоминают о славных денёчках! Кофе дома пьют из обычных чайных чашек! Но то дома, а здесь, в гостинице, среди друзей и соперников, почему не налить кофе в чашку из заветного сервиза? Или после вечерней прогулки, организовав кипяточку, добавить туда молока из пакета и кусень чёрного шоколада?! А если появится бутылочка коньячка «Закарпатского»?! О-о-о! Тёплое блаженство! Пошли-поехали беседы о том о сём, с шутками-прибаутками. Эх, да что там! Было бы с кем беседовать! Для Игоря и Саши это не проблема, ведь они всегда в центре внимания женщин. Но всё-таки и проблема, потому что оба не терпят конкуренции, и каждый пытается добиться превосходства над соперником, но только аккуратно, интеллигентно. Женщины ценят в мужчине не только силу, но и остроумие, и щедрость души, и умение вести беседу. Многие, желая, чтобы их соблазнили, ожидают праздника, а не обычного заурядного секса. Да в большинстве своём женщины и не готовы так далеко пойти, а вот на маленькую интрижку в глубине души согласны.

Золотые денёчки! Нежное солнце. Деревья только начинают примерять на себя разноцветные платья. Неделя пролетела, как один день. Подписывали контракты, покупали книги с лотков, заводили новые знакомства. Всё, как

обычно, но... Последний день ярмарки оказался ветреным и промозглым. Небо покрылось густыми серо-чёрными тучами. С утра поползло по вершинам деревьев грязно-ватное покрывало тумана. Ирина Муратовская выглянула в окно гостиницы и ахнула: надо же, снег! Вначале подумала, что пух какой-то. Открыла окно и высунула руку наружу. На ладони осталось несколько снежинок. На подоконнике чашка с недопитым чаем. Вот это да! – на дне кристаллики льда. Ночью заморозки были. И это в конце сентября! Напоследок природа такую свинью им подложила. Сегодня вечером организатор книжной ярмарки, львовский издатель Ирина Коваль устраивает банкет! Красивая женщина эта Коваль – высокая, стройная, с белозубой улыбкой. Но и она, Ирина Муратовская, тоже ничего! Что значит – ничего? Что она, не видит, что ли, как на неё смотрит Саша Луконин! А Игорь, старинный друг! Игоря не поймёшь! То ли он на неё смотрит по-мужски, с прицелом, то ли – подначка с коммерческим, деловым заходом! И то, и это ей приятно! Нет у неё нужды в интрижках, но внимание мужское всегда приятно, оно даже слегка заводит её творческую мысль.

В дверь постучали. На пороге – брызжущая молодым задором Каролина!

– Ира! Привет! Ты готова? Идём завтракать.

Ей хочется поговорить, вот и спустилась с верхнего этажа.

Что-то задумала! Ишь как светятся глаза! Каролина – корректор, но здесь, на ярмарке, стояла за прилавком и торговала книгами.

– Здравствуй, Каролина! Что так радуешься? Погода – нукудышная.

– А, плевать на погоду. Спускалась на завтрак, а мне Игорь встретился, – девушка едва сдерживалась, её разбирал смех.

– Что же там такое у вас с Игорем приключилось? Поцеловал в лифте?

– Какое поцеловал! Если бы! Смотрел на меня и улыбался, а когда выходила на твоём этаже, ущипнул за попу.

– Шутишь? Чтобы Игорь это сделал! Никогда не поверю. Не выдумывай, Каролинка!

– Вот те крест! Ирина Станиславовна, я не вру никогда. Тем более вам, главному редактору издательства, не стала бы врать. Ущипнул, да так больно. Могу показать. У него вон лапищи какие. Думаю, синяк остался.

– Что ты сразу на официальный тон переходишь? А от показа своей филейной части уволь меня! Знаю тебя, шалунью, небось сама спровоцировала Игоря?

Посмеялись и отправились в кафе.

Спровоцировала не спровоцировала, а факт остаётся фактом. Не будет Каролинка врать. Видимо, и правда Игорь соблазнился её попкой. Молодая и ладная! Наверное, выходя из лифта, многозначительно с улыбкой посмотрела на него, вот мужик и не удержался, и потянулись ручонка, то бишь ручища. В голове не укладывалось. А если бы он вот так её в лифте цапнул невзначай?! Представила и покраснела. И сама не поняла: то ли возмутилась, то ли ей понравилась эта мысль. Нет, Игорь не способен на это. Вот Саша Луконин – тот да! Тот способен, глаза у него горят при виде женщины. Ни одной не пропустит, чтобы комплиментом не зацепить.

Ближе к вечеру все гости ярмарки собрались у входа в гостиницу – ехать за город на банкет. Ожидали автобуса под неприятным серым небом. Было неуютно от висящей мороси, от мокрого асфальта, от нахохлившихся воробьёв на голых ветках ивы, одной из первых теряющей листву. Конечно, всё пройдёт. В октябре деревья парка преобразятся, оденутся в разноцветные наряды с яркими оттенками золотого цвета. Всё ещё будет, но их львовские каникулы сегодня вечером завершаются. «Когда ещё вот так все вместе соберёмся?» – думала Ирина. Женщины здесь вон какие нарядные и красивые! А мужиков-то всего ничего: Игорь, Саша, какой-то неопределённого возраста мужичок в чёрной шляпе, с большим крючковатым носом и печальными глазами. Забыла, как его зовут; наверное, с Сашей приехал, – кажется, художник издательства. Семейная пара из Харькова – Дмитрий Данилович и его

супруга Нелли Николаевна! Этот Дмитрий Данилович, руководитель крупного книжного издательства, никогда без супруги на ярмарку не приезжает, или, скорее всего, она его одного не отпускает! Сразу видно, мужика при себе старается держать, тем более такого богатенького! Говорят, у них свой дом на Кипре. И даже вроде бы книжный магазин – «Русская книга»! Действительно, есть такой на Кипре, и Ирина посещала его, когда отдыхала в Лимассоле, но кто хозяин, ей неизвестно. А спрашивать Дмитрия Даниловича не нашла возможным. Посмотрела на Игоря и Сашу, стоят поодаль, из виду друг друга стараются не упускать. Красивые и статные мужики! Но ей-то что! У неё свой мужик, и такой, как надо! Вместе уже двадцать пять лет! Жаль, что никогда с ней никуда не ездит! Чуть что, в своё село отправляется. Там – дом родителей с большим садом. Вот и сейчас звала поехать с ней во Львов. Отнекался: «Я до дому пойду!» До дому – это в село. Квартира в Киеве, а для её Гриши дом всё равно находится в селе! Гриня, Гриня... Где ты сейчас, Гриня? Почувствовала, что краснеет, и оглянулась – не слышит ли кто-нибудь стоящий рядом её обращение к мужу?

И опять мысли завертелись вокруг Игоря и Саши. Мужики – супер! Приятно посмотреть. Игорь поймал её взгляд и тут же подошёл:

– Как настроение, Ира? В этот раз мы с тобой и не погуляли даже вечером. Я видел, как ты с Лукониным прохаживалась возле оперного. Мороженым на скамейке лакомились?

– Да, мы случайно встретились. Я гуляла, вижу, он сидит на скамейке один, вот и пообщались. Ты с ним как-то не очень дружен?

– Да нет! Ничего. Что мне с ним делить и по какому поводу дружить? Вот ты – другое дело!

Спустя несколько минут к ним присоединился Луконин, а потом и остальные подошли. Ирина Коваль защебетала:

– Ой, ребятушки, извините! Потерпите ещё чуть-чуть! Скоро поедem. А там, в ресторане, будет хорошо. Я пригла-

сила несколько местных художников. У нас здесь есть преинтереснейший дядька, председатель союза художников Львова Олесь Мыкыта. Обещал привести на вечер исполнителя старинных романсов. Возможно, споёт под рояль.

– Я и сам могу спеть, – Саша нагнулся и приобнял Ирину.

Она заметила, как неодобрительно посмотрел в их сторону Игорь. «Они что? Соперничают из-за меня?» – подумала радостно и встревоженно и тут же попыталась разрядить напряжение:

– Александр Венедиктович, как откроете банкет, скажете вступительное слово от лица председателя ассоциации?

– Что он нам может сказать? Без году неделя как стал заниматься издательским делом. Ничего он об этом не знает, – тут же вспыхнул Игорь.

– Ты, что ли, знаешь? Ты-то сам меньше двух лет этим бизнесом занимаешься. Тоже мне великий профессионал! – отвечал Луконин с наигранным равнодушием.

Игорь не унимался:

– Я до этого несколько лет в издательской группе академии проработал. А ты бумажки строчил для начальства. Какой из тебя издатель?

– Ты, что ли, издатель? Такое издательство развалил за два года. «Светоч»! Это – имя! А от тебя люди побежали!

Сцена гоголевских персонажей. Все вокруг притихли. А спорщики, не обращая на остальных внимания, сблизились и, что два быка на узкой тропинке, упёрлись друг в друга ожесточёнными взглядами.

– Так это ты их сманил высокими зарплатами! Техредов и то увёл.

– Что за техреды? Не знаю таких, – вырвалось у Луконина.

– Вот-вот, ты даже этого не знаешь. Из-за таких, как ты, люди перестали книги читать. Ты – дерьма кусок, а не издатель!

– Я? Ах ты мудака небитый! На! – и Луконин как-то очень ловко ткнул кулаком в глаз Игорю.

Тот в ответ заехал ему в ухо. Схватились за грудки, упали на скользкий асфальт, поднялись и стали мутузить друг друга.

Женщины попытались их разнять и успокоить:

– Саша, ты не прав! Ты только начинаешь в профессии!

– Игорь, не бей Сашу! Ты его оскорбил.

Чем бы дело закончилось – неизвестно, но тут вдруг вмешался Дмитрий Данилович и закричал неожиданно зычным голосом:

– Прекратить! Иначе каждому навалю сейчас! Немедленно прекратить!

Странно было слышать угрозу наваять от высокого, но худого седовласого Дмитрия Даниловича. Дрались два здоровых, полных физических сил бугая! И вот на тебе! Немолодой мужчина прикрикнул на них, да так, что они остановились и как-то виновато разошлись по сторонам. Сзади к Луконину подошёл носатый человек и, видимо, желая что-то сказать или поддержать босса, потянул его за хлястик модного синего плаща. Хлястик треснул и остался в руках у мужичка. Луконин обернулся и сказал потерянным голосом:

– Что же вы наделали, Абрам Моисеевич? Как же я теперь пойду на банкет в разорванном макинтоше, без хлястика? Эх, Абрам Моисеевич!

На лице Ирины Муратовской, издали наблюдавшей сцену драки, блуждала торжествующая улыбка.

Коваль подошла к ней и, взяв под руку, повела в подъехавший автобус. За двумя Иринами последовали остальные. Последним в салон зашёл Александр Луконин; казалось, что он стал меньше ростом и тоньше в талии. В руках он держал хлястик от макинтоша.

Сидевший на переднем сиденье Игорь наклонился и шепнул на ушко Каролине:

– Хлястик и есть хлястик!

Вечер спас художник Олесь Мыкыта, который на банкете не давал скучать дамам: сыпал анекдотами, рассказывал с местным акцентом истории из львовской жизни

и даже шутил на польском языке. Потом за рояль сел старый музыкант Иосиф Шевчук и стал петь что-то из времён своей молодости. Тронутые подагрой пальцы ловко бегали по клавишам рояля, молодым и звучным голосом старик исполнял романс на слова Володимира Сосюры:

Я люблю тебе, друже, за те,
Що в очах твоїх море синіє,
Що в очах твоїх сонце цвіте,
Мою душу голубить і гріє...

Я люблю тебе, друже, за те,
Що не можу тебе не любити.

И никто даже не подумал о двусмысленности этого романса по нынешним временам, так всё было естественно и понятно. Нелли Николаевна поднесла старику огромный букет белых роз и, смущаясь, расцеловала его.

«Господи, он сказал, что пел романсы ещё до войны! Сколько же ему лет? Не меньше девяноста, а какое вдохновенное и благородное лицо», – подумала Ирина Муратовская, а вслух тихо сказала Олеся Мыкыте:

– Слова романса наивные, а поёт чудесно. Такой преклонный возраст, а сколько экспрессии!

– У него была большая жизнь и большая любовь! О такой любви романы пишут, – ответил ей художник и добавил: – А вы, Ира, заходите ко мне в мастерскую, я вам кое-что покажу и расскажу.

«Ещё один из той же породы...» – подумала Ирина, но визитную карточку у Олеся взяла.

* * *

С того вечера Игорь стал звать Сашу Луконина Абрамом Моисеевичем, а Саша, отвечая Игорю, именовал его Моисеем Абрамовичем! Конечно, они встречаются на разных мероприятиях, в основном по работе. И никогда больше не дерутся. А Ирина Муратовская продолжает дружить с ними, не подпуская их ни на миллиметр ближе.

Как-то Дмитрий Данилович в разгар бабьего лета устроил на Кипре книжную ярмарку. Пригласил двух Ирин, Игоря и Сашу. Выставка книг удалась. Каждый день в павильон приходило много гостей. Оказывается, несмотря на компьютерный век, живущие за границей наши люди любят живую книгу.

Потом был банкет в таверне у моря. Дружная компания во главе с Дмитрием Даниловичем весело проводила время, вспоминая былые встречи, наслаждаясь рыбными блюдами под кипрское вино. Мужчины пытались поразить друг друга нарочитой внимательностью и предупредительностью к дамам. Каждый из них, должно быть, смирился с присутствием соперника на своей территории.

– Не изволите ли салатик на закуску, Абрам Моисеевич? Вам положить? Подставляйте тарелку!

– Спасибо, Моисей Абрамович! Вам виски или зеваниии налить?

– Мне виски! Непременно виски! Вы же знаете, что я предпочитаю виски, Абрам Моисеевич!

За двумя соперниками снисходительно наблюдала Ирина Муратовская. Она наклонилась к Ирине Коваль, что-то шепнула, и они весело расхохотались. Возможно, она напомнила старую историю о хлястике от макинтоша? Такое впечатление, что всё, что с мужчинами происходит в этом мире, происходит из-за красивых женщин и с их ведома.

А примерно через полгода в адрес киевского издательства картографии пришёл заказ на буклеты и альбомы к персональной выставке львовского художника Олеся Мыкыты. К тому времени Ирина Муратовская уже стала генеральным директором, и, хотя такой заказ был явно не по профилю издательства, она его приняла и со свойственным ей энтузиазмом лично взялась за сей труд. И даже отправилась во Львов, чтобы посетить выставку. Уехала, как всегда, одна, без мужа Григория. Что поделаешь, такова жизнь деловой красивой женщины.

Дульсинея из Киева (Из жизни одинокой женщины)

Неправда, что женщина не умеет быть другом мужчине! Нашей дружбе с Ириной Муратовской много лет, началась она очень и очень романтично. Именно так, как поётся в известном романсе:

Вы помните поезд и наше купе –
Любви незабвенной начало?
И был вместе с нами кудесник Шопен,
И музыка в сердце звучала.

Кому – любовь, кому – солнцестояние, но дружба у нас получилась крепкая. Как-то мы говорили с Ириной о женском одиночестве. Я опрометчиво заявил, что красивые и успешные женщины никогда не бывают одинокими. В ответ Ирина рассказала небезынтересную историю.

Её звали Дульсинея. Разумница. Красавица из красавиц. С серыми огромными глазами. Успешный музыкальный критик. Заядлая театралка. Фитнесом занимается – три раза в неделю плавает в бассейне по утрам. А модница какая! «И куда мужчины смотрят?» – не раз подумывала Ирина. Видно, не туда, потому что Дульсинея – одинока: ни мужа, ни друга сердечного. С именем ей, конечно, не повезло: кто-то при знакомстве переспрашивает, как её зовут, кто-то начинает ёрничать, передразнивая, мол, Дуся и есть Дуся, а никакая не Дульсинея. Но подруга всегда была против такого упрощенчества. Ира зовёт её Дульсичка, иногда – Дульсия, но не всем это позволено. А когда к имени добавляется отчество, то слишком привередливому мужчине становится совсем невмоготу. На

что уж интеллигентный директор киевского издательства Игорь Ростиславович, и тот не сдержался и как-то сказал:

– К имени Дульсинея ещё можно привыкнуть, но Карла душа не принимает. Дульсинея Карловна! Язык сломаешь. Лучше уж просто Дульсинея или Дульсия!

– Игорь! – пыталась образумить его Ирина. – А что – Карл? Чем тебе не нравится? С выдумкой были родители Карла из Полтавы и назвали мальчика в честь короля шведского. И Карл Петрович с выдумкой оказался – дал дочери имя Дульсинея. Хорошо, что не назвал Дульсинею Тобосской! Дульсичка – настоящая женщина, в отличие от прекрасной дамы Дон Кихота! Одни серые глаза чего стоят!

– Серьёзная слишком. А мужики весёлых любят.

– Игорь, давай познакомим её с хорошим мужчиной. Ей уже тридцать пять, а она – нецелованная. В моём издательстве – одни женщины, и все при мужьях. А у тебя не найдётся достойного жениха для нашей Дульсички?

– Уволь, Ира! Ещё бабы донесут жене, и она подумает, что для себя стараюсь. Ну её к чёрту, твою Дульсинею! Пусть лучше запишется в какую-нибудь геологическую экспедицию или в союз поэтесс, куда захаживают мужики неумённые.

– Да ты что! Она любую оперу по полочкам разложит, по-французски свободно говорит! Её статьи о музыке в Париже печатают! Всю жизнь среди меломанов. Нечего ей делать в тайге среди мужиков, медведей и комаров!

– Родиться ей нужно было в другое время и в другом месте. Имя странное, отчество странное. Дульсинея родом из Полтавы!

Вероятно, Игорь специально отводит от себя подозрения, ведь ему явно нравится Дульсинея! Впрочем, ему все красивые женщины нравятся. Он по натуре эстет, окружает себя редкими вещами и эффектными женщинами. Как большинство видных мужчин, он сродни нарциссу. Любит и себя, и когда его хвалят. Но на авантюру он не способен! Хотя кто знает этих мужчин, на что они

способны? Вон у Каролины, корректора из издательства, на что муж был домашним и покладистым, всё равно не устоял, съехал с катушек. Она ему двоих детей подарила в свои неполные тридцать лет, а он вдруг словно взбесился, бросив семью ради молоденькой продавщицы из супермаркета. Хотя, наверное, Игорь прав: есть такие мужчины, которые боятся женской красоты, есть. Мужчина – трус? Или слишком гордый, опасается фиаско? Иная женщина только и мечтает, чтобы кто-то её приступом взял! Мечтает, но не может показать свою расположенность ни намёком, ни взглядом. Будто бы воспитанность не позволяет, а невоспитанность говорит: «Что? Да пожалуйста».

Однажды Ирина выбралась во Львов на выставку Олеся Мыкыты и пригласила с собой Дульсинею. Там познакомились с двумя художниками – оба высокие и статные, один брюнет лет под сорок, другой блондин, чуть старше. Они сразу положили глаз на Дульсинею и с неподдельным интересом стали за ней ухаживать: дали свои визитки, пригласили на поэтический вечер. А на Ирину – ноль внимания. Ей даже стало как-то не по себе. Она-то думала, что если пригласят куда-нибудь, то сходит ради подруги. Ну не привыкла Ирина, чтобы мужики её игнорировали! А тут оба, и Влас, и Евсей, чуть ли не на руках носят Дульсинею. И имя их ничуть не смущает. В общем, понятно стало, что оба влюбились в Дульсичку. Такое только в старых советских фильмах случалось, а в наш век... Ирина решила оставить подругу с мужчинами:

– Дульсичка, прости, родная! Мне нужно бежать. Муж сегодня с дачи приедет. Запомняла я. Обещала ему позвонить, не то без меня зачахнет. Сам, без инструкции, даже котлетку не разогреет.

– Как же так, Ирочка? А я? Я тоже с тобой.

Но Влас и Евсей тут же в один голос закричали:

– Оставайтесь! Мы не отпустим вас, Дульсинея!

– Влас, Евсей! Оставляю вам Дульсичку, – поцеловав подругу в щёчку, крикнула Ирина.

Она помахала им ручкой – и в гостиницу. Хотя есть подозрение, что в мастерскую львовского художника Мыкыты.

На следующий день с утра Ирина зашла в гостиничный номер к подружке.

– Дульсичка, привет! Рассказывай. Кто тебя провожал?

– Оба.

– Как оба? В таких случаях один кто-то остаётся. А тебе кто из них больше нравится? Влас или Евсей?

– Мне оба нравятся!

– Ну, подружка! Ничего себе тихоня! Не было ни одного ухажёра, а тут сразу два! И как оно было?

– Посидели в кафе. Шутили. Хорошие они. Рассказывала много о современном искусстве. Мне было интересно.

– Телефон оставила кому?

– Оба взяли мой номер. Обещали позвонить.

И закрутила-завертела Дульсинею волна свиданий с Власом и Евсеём. Иногда друзья просто приглашали в парк погулять, а то и в театр вместе ходили.

Как-то Дульсинея позвонила Ирине:

– Ира, давай в кафешке рядом с твоей работой пообедаем. Поговорить хочется.

– Конечно, Дульсичка. В час сегодня, идёт?

– Замётано, – засмеялась Дульсинея.

Ирина опешила. Вот это влияние свободных художников! В речи культурнейшей Дульсинеи появились жаргонные словечки. Что-то дальше будет?

В кафе Дульсинея пришла в модной белой юбке до колен и лёгкой кофточке, на руке браслет от «Пандоры» и ожерелье той же фирмы.

– Дульсичка! Модница!! Как твои художники? «Пандоры» – от кого?

– Браслет от Власа, ожерелье от Евсея.

– Невероятно! Ты что, гуляешь сразу с двумя? И подарки от обоих принимаешь?

Подруги долго обсуждали странную ситуацию с ухажёрами. Ирина никак не могла взять в толк, что замышляют друзья.

– А картины ты их видела? В мастерскую приглашали? Возможно, они никакие не художники. Вдруг они мошенники и просто хотят втереться к тебе в доверие и потом ограбить?

Оказалось, что в следующее воскресенье Влас и Евсей пригласили Дульсинею в свою киевскую мастерскую. Вот это да!

Измученная многолетним одиночеством, Дульсинея никак не могла решить, кто из поклонников ей больше нравится. Оба хорошие. Влас – весёлый, искромётный, знаток поэзии и вина. В ресторане он мог на спор по букету определить марку вина. Евсей, наоборот, был сдержан, скуп на слова, но всё, что он говорил, ей было очень интересно. Весёлый синеглазый Влас и степенный Евсей – два сапога без ботфортов для Дульсины!

Ночами она долго не могла уснуть, вспоминала свою незадачливую жизнь. Что в ней было? Ничего яркого. Была любовь в десятом классе к Димке, и он её любил вроде бы. Пошли в кино, сели на последнем ряду, и как только выключили свет, парень жарко задышал и, лихорадочно тиская её, полез целоваться. Она оттолкнула Димку и убежала из кинотеатра. На этом первая любовь и закончилась. В институте появилисьдыхатели, но ей не до них было – учёба всё время съедала. На последнем курсе связалась с аспирантом Валерием. Но со временем отношения сошли на нет, и потом она никогда не вспоминала о нём. Видно, так суждено. Мужики не те попадались, ни в кого не влюбилась. А тут сразу два, и такие интересные, оба нравятся ей. Да ещё туда-сюда мотаться между Киевом и Львовом – чем не романтика!

Накануне визита в мастерскую художников она долго сомневалась: идти – не идти? А вдруг это не мастерская, а ловушка? Проверила через интернет. Нет, всё правильно. Влас и Евсей, художники, мастерская на Владимирской горке, салон во Львове. Позвонила Ирине:

– Ира, как ты думаешь, мне идти в гости к Власу и Евсею?

– А где у вас встреча?

– На Софиевской площади. Посидим в кафе, а потом в мастерскую.

– Дульсичка, иди. Обязательно иди. Думаю, что сегодня всё решится. Мужики должны разобраться. А если нет, предложи им сразиться на дуэли ради Прекрасной Дамы! – засмеялась Ирина.

– Это был бы выход, – поддержала шутку Дульсинея.

Перед свиданием она перебрала весь свой гардероб и остановилась на синей юбке свободного покроя и белой блузке, подчёркивающей её фигуру и бюст. Но начала она с нижнего белья: тонкие салатные шортики и в тон им лёгкий, но плотно прилегающий к телу топик, заменяющий бюстгальтер! Вообще-то она может обходиться и без бюстгальтера! Маленькие радости.

Гуляли втроём на Софиевской площади. «До чего же красиво! – думала она. – Купола храмов! Если бы не эта уродина – гостиница “Хаят”! Зачем её построили в этом месте? Дань времени? Уступка бизнесу? Политиканству?»

– А давайте не будем обедать. Купим мороженого и полакомимся в скверике.

– Оригинально! – подхватил идею Влас.

– Как скажешь, Дульсичка! Я – за, – согласился Евсей.

Они уселись на скамейке и весело болтали ни о чём. Дульсинея не могла избавиться от мысли, что сегодня, именно сегодня что-то должно произойти. И была надежда, что Влас объяснится ей в любви. А вдруг это будет Евсей? Пусть будет Евсей! Или Влас? Но пусть, пусть хоть кто-то из них скажет ей эти заветные слова – «Я вас люблю», как в романсе на стихи некоего Мареева, который она слышала недавно по радио:

«Я вас люблю» – слова не новы,
Их говорили и до нас.

Уже два месяца они втроём гуляют по Киеву, и вот она услышит эти слова. Иначе зачем всё это? Для дружбы? Двое мужчин и одна женщина. Кто-то из муж-

чин – лишний. А если вдруг они скажут, что она должна выбрать сама? Нет, она не в состоянии этого сделать. Ей нравятся оба.

– Дульсинея, что ты, милая, вдруг прискучила? – засмеялся Влас.

– Не заболела, Дульсичка? – забеспокоился Евсей.

– Ребята, а пойдёте в мастерскую. Мне интересно посмотреть ваши картины.

Минут десять ходу, потом по крутой железной лестнице куда-то под крышу. Массивная деревянная дверь, за ней мастерская под куполом из стекла. Море света, изумительный вид на лежащий внизу город. И картины, картины, картины. Два мольберта. В углу широкая кровать, покрытая огромным цветастым покрывалом.

– Дульсинея, иди в ванную комнату и прими душ. Полотенце на столике, – произнёс степенным голосом Евсей.

Его огромные чёрные глаза смотрели на неё с восхищением.

– Да, Дульсичка! Иди. Мы с Евсеем ждём тебя.

И она пошла. Дверь ванной не стала закрывать. Медленно разделась, осматривая себя в огромном, во всю стену, зеркале. Стройная фигура. Тугие груди с набухшими красными сосками. Пока стояла под душем, вспомнила всю свою жизнь, скучную и одинокую. «А плевать на всё! Втроём так втроём!», – решила Дульсинея и, завернувшись в махровое полотенце, решительно вошла в студию.

Влас и Евсей несколько секунд смотрели на неё из-за мольбертов во все глаза, а потом закричали почти одновременно:

– Дульсинея, ты прекрасна! Взбирайся на стол, и начнём работать!

– Дулься, сбрось быстрее полотенце, пока румянец со щёк не сошёл.

Картина художников Власа Корнецкого и Евсея Ливанова «Дульсинея из Киева» произвела фурор на выставке в Париже и получила первый приз.

– Ирина, а как же сама Дульсинея? – спросил я, выслушав её рассказ.

– О! С ней всё в порядке. Она вышла замуж за винодела из Франции и живёт в маленьком городке недалеко от Тулузы.

– А художники?

– Они продолжают дружить с Дульсинеей и часто бывают у неё в гостях во Франции. Голубые они.

По-своему оценил ситуацию Игорь Ростиславович:

– Конечно, красивая женщина может стать другом мужчины, особенно если он – голубой.

В тот же день мы с Ириной Муратовской улетели на море, на Кипр. Ведь нашей дружбе три десятка лет, и разве кто-то может усомниться в искренности наших отношений?

Хотя такой человек нашёлся. Олесь Мыкыта из Львова, будь он неладен.

«Есть на свете вольный ветер...»

Из-за ворот вдруг появилась Агафья и кинулась с радостным возгласом:

– Как ты постарел, Сева! Здравствуй!

Мареев опешил. Всякий раз, приезжая в село и проходя мимо дома соседки, он дивился её сходству с Агафьей Лыковой – староверкой из сибирской тайги. Мир узнал о ней от журналиста Василия Пескова. Его повесть «Таёжный тупик» о незаурядной судьбе женщины долго не отпускала Мареева. Запомнилась Агафья на фотографиях – старая и сморщенная, что засохший гриб, какая-то покорная и печально-умиротворённая рядом с весёлым и румяным писателем. Уже три года как ушёл он в мир иной, а старуха всё живёт в тайге одна и ни в какую не соглашается переезжать в город. «А вдруг эта самая Агафья перебралась в село Дубовэ!» – мелькнула шальная мысль у Мареева. Шутка, конечно. Невозможно и предположить, что Агафья бросит Сибирь, тайгу и станет жить в украинском селе Дубовэ! В этом селе – своя доморощенная Агафья. Хотя, если сфотографироваться с соседкой и опубликовать снимок в интернете с комментариями «Сибирская Агафья перебралась в украинское село», так точно поверят хотя бы на пару-другую дней.

– Все стареем, кроме вас, Агаф... – начал было Мареев, но тут же прикусил язык – не помня имя соседки, перевёл разговор на другую тему. – Как здоровьице? Как Панас Ананьевич?

– Вон он, стоит у ворот.

Маленький худой старик смотрел на Всеволода со смущённой улыбкой и недоумением. Ах вон оно что! Никогда в селе не обращались друг к другу по имени и отчеству. Соседа зовут просто Панасько! А если в селе два Панась-

ко, то обычно уточняют имя его отца или матери. Панасько Ананькин, например. Мареев помнил деда Ананьку, мастеровитого старика, у которого и дом был справный, и хозяйство хорошее, не то что у его деда Фёдора. Тот хоть и трудился не покладая рук, но кроме коровы, одной свиньи да десятка кур в хозяйстве ничего не имел. К богатству ещё и фарт надо иметь, а у деда Фёдора, видимо, такого форта не было. Вот у Ананьки был: в его хозяйстве и свиноматка с целым выводком поросят, и за коровой летом вечно бегала тёлочка или бычок, да в придачу ещё своя какая-никакая, а пилорама. Но весомее всего было несколько пчелиных ульев в глубинах сада. Мёд – предел детских мечтаний Севы. Какой он на вкус? Слышал, что очень сладкий, но пробовать не приходилось, а соседи не очень распространялись о вкусе мёда.

Дед Панасько оказывается, помнил его имя:

– Долго тебя, Сева, не было. Что не приезжал? – спросил он.

Мареев ответил первое, что на ум пришло:

– Занят был, книгу новую писал. Вот приехал с артистами, будет концерт в клубе. Приходите.

Пригласил так, для порядка, потому что для Панаська всё есть суета сует. Кто помнит, скажет, что и по молодости он не любил по клубам шастать. Работал трактористом в колхозе, а тракторист всегда был всем нужен. Женился на девушке из соседнего села, дочери родились. Зачем ему клуб? И когда ему ходить в клуб? Его звали вспахать, подвезти. Он и в церкви появлялся только по большим праздникам. Жил особняком, как и его родители жили. С соседями не ругались, но и не дружили. «Мы – ни к кому, и к нам никто...» – написал как-то в стихотворении «Село» Мареев. Панасько стихов не читал. Работали соседи много: рано вставали и поздно ложились. За жадность к работе прозвали семью Панаська куркулями. То ли поругали, то ли похвалили. На куркулях, крепких хозяевах, всегда держалось украинское село.

Во дворе Панаська собрались дочери, их детишки, соседи. Пришлось Марееву с ними сфотографироваться,

хоть и спешил в клуб, но не откажешь ведь. А артисты из Киева в это время восторгались родительским домом, который Мареев три года назад отремонтировал. Провёл в него воду, сделал ванную с туалетом. И что? Пожить бы матери хоть немного в таком домике, но не пришлось: маялась-маялась после инсульта, да и отошла к Богу десять лет назад. А бабушку ещё раньше похоронили. Грусть-тоска подступила к горлу. Он вспомнил, как перед Троицей подметали глиняный пол и покрывали очеретом – так в селе называют камыш. И этот запах камыша и зелёных веток, висящих по всему дому, остался в памяти на всю жизнь, как запах бедного, но счастливого детства. «Зелени свята» – так называют Троицу в Украине. Мареев подгадал свой приезд в село к этому празднику, чтобы хоть на минутку вернуться в прошлое, когда мама была жива и были живы дед Фёдор и сердобольная бабушка Марта, привечавшая всех. И вот когда он вошёл в хату и с порога услышал незабываемый запах детства, увидел на деревянном полу рассыпанный очерет и зелёные ветки по углам, то не смог сдержать слёзы. Брат Вася! Приехал из Ирпеня на два дня раньше и расстарался – убрал дом, как мать и бабушка делали, как повелось от века.

Мареев присоединился к артистам. Те фотографировались во ржи, на артельном поле рядом с его домом. Рожь по-украински – жито. Как удивительно звучит слово, у которого корень «жить»! А рожь – от слова «рожать»! Разве «рожать» и «жить» не едины, и разве может быть одно без другого?!

Артисты заходили в поле группами и поодиночке, радуясь жёлтым колоскам ржи, синим василькам и алым макам. Потом, уже после концерта, на банкете, Мареев шутя, громко, чтобы все слышали, извинялся перед дородным председателем артели:

– Дорогой Анатолий Максимович, простите артистов. Рожь вам потравили, фотографируясь. Они же городские, как дети, радуются каждому живому полевому цветочку. Что они в городе видят? Искусственно выращенные розы да разные флоксы-моксы, названия которых и не выгово-

ришь. А здесь? Василёк! А? Звучит красиво и даже гордо. Знай наших васильков!

– Да я не обижаюсь. Тем более что Олег Буба подарил мне диск со своими песнями.

– А Буба мои стихи на том диске тоже поёт. И ещё я свой сборник поэзии подарю вам, Анатолий Максимович, – вмешался поэт Сашко Обабо.

И пошло-поехало. Тут же поэтесса Лариса Громушкина свою книгу стихов предложила, а Наталка Уклад ещё раньше, тайно от всех, вручила свою понравившемуся ей председателю артели. Ой, до чего же охочи артисты и поэты до славы! А что тут такого? Для народа пишут и ближе к народу желают быть, хотя народ и принимает не всё.

В церкви Мареев слушал службу на старославянском языке и смотрел на прихожан. С давних времён так молются в их сёлах. Он радовался тому, что на службе было

много родителей с маленькими детьми. Значит, село живёт, село будет жить, остальное – суета, суета сует и всяческая суета! Позже, рассматривая общую фотографию, он ещё раз подумал: «Все пройдёт, а это останется в веках: крест в бирюзовом небе, синие купола, образ Почаевской Божьей Матери над входом! Старики и дети на фотографии». «Род приходит, и род уходит, а земля пребывает веками», – вспомнилось ему изречение из Ветхого Завета.

Потом был недолгий обед вместе со всеми гостями. Простая деревенская пища, вода из колодца, а кто хотел, выпил коньячку, вина. А для артиста выпить рюмку «Закарпатского» перед концертом – милое дело! Светлана Непейвода даже тост сказала, а говорить она умеет в любой компании. И здесь не растерялась, подняла рюмку за здоровье бывшего лесничего, а ныне хозяина кафе, стоящего недалеко от дороги на лесной опушке. А что? Светлане нравятся красивые и успешные мужчины, а Грицько – мужик видный. Да и имя Грицько звучит очень красиво. Хотя у неё дома свой Гоша, но согласитесь, что Гоша и Грицько – это не одно и то же. У Светланы душа сельская, житная: то чужого ребёночка возьмёт на руки и приласкает, то постороннему мужику улыбнётся, да так, что иной бедолага замыслит, будто улыбка подарена ему неспроста! Успокойтесь, мужики! Когда Светлана улыбается перед концертом – это она крылья расправила и вот-вот взлетит. Нет улыбки на лице – берегитесь: может выпадать по первое число. Вот когда Света улыбается своему мужу Гоше – это да! Это что-то да значит! Или тому же Марееву улыбнётся! Мареев, конечно, на особом месте у Светы – поэт-моряк всё-таки! Его стихи она превращает в песни! Если её раззадорить, то и песни Ларисы Громушкиной споёт, да ещё как споёт! Особенно ту, которая посвящена морскому капитану Марееву. Не завидуйте, мужики! Моряк Мареев вне подозрений! Какой смысл подозревать того, кого все женщины и так явно любят? Можно ли подозревать солнце, что оно завтра взойдёт над Гермасоией в городе Лимассол, что на Кипре?! Мож-

но, конечно, но подозревайте – не подозревайте, а солнце всё-таки взойдёт, и чтобы убедиться в этом, надо приехать в эту самую Гермасоию! Георгий, муж певицы Светланы Непейводы, всё это понимает и ни в чём Мареева не подозревает! Себе спокойнее. А отправится Светлана Непейвода в Гермасоию наблюдать солнечные восходы или нет – это завтрашний день покажет. А пока Мареев танцует со Светой... Э-э-э, ещё не вечер, ещё концерт впереди и банкет, а на банкете могут произойти самые невероятные вещи!

В вестибюле дома культуры празднично одетые сельчане: в кои веки украинская знаменитость приехала к ним – сам Павло Горский! Кто не знает Павла Горского, тот не украинец! Любимец молодежи и тем более людей старшего возраста. У Павла столько неувядающих шлягеров, что он и сам со счёту сбился – некоторым по сорок лет, а их и сейчас юноши поют! Под горилку, просто так, за рулём, на пашне или в усадьбе звучат шлягеры Павла Горского.

Вот и заветные столики перед входом в зрительный зал. Чего там только нет! Самогонка? Конечно, да такая вкусная, что Мареев не удержался и аж две рюмки пропустил! Во-первых, от угощения нельзя отказываться, а во-вторых, душа просит. Что-то изнутри нашептывает Марееву: «Хряпни рюмку и закуси салом с житным хлебом!» И после первой рюмки душа уже не может остановиться, но Мареев может. Может, потому что ответственность, потому что сельчане смотрят. На что уж Лариса Громушкина скромница, и та бочком-бочком приблизилась к столику и приняла из рук Саши Обабка рюмку, зная, что его угощение никогда её не скомпрометирует! Поэт Обабок и простодушен, и бесхитростен, словно только что родившийся ребёнок, не знающий ещё, какой он, свет Божий, не ведающий страданий и угроз беспокойного времени. Лариса знает, что Сашко не подведёт, не обманет. Потом, на банкете, композитор Чипорук, верный друг Сашка, заметил, наблюдая за тем, как изошрённо поэт выдрючивается в танго с журналисткой Ольгой:

– Надо же! И это тихоня Саша Обабко! Ишь как ная-ривает, изображая то страдания, то страсть, то гнев, а то и неизбежную и тревожную печаль. Лищедей!

– Вот так мы узнаём своих героев! – воскликнул весёлый человек Олег Буба.

Но банкет будет потом, а пока Мареев занят в вестибюле клуба не только самогонкой и нежным украинским салом, но и беседой с друзьями детства. Вот к нему приближается мужик в возрасте, но ещё крепенький. Идёт к Марееву, расставив широко руки, и приговаривает:

– Приехал, Сева? Рад встрече, очень рад! А я ведь из города вернулся навсегда, на пенсию вышел и живу в своё удовольствие в хате у дороги.

– Давно? – спрашивает Мареев, а сам лихорадочно пытается сообразить, кто перед ним.

– Да ты, Сева, меня не узнаёшь! Или узнал? А скажи, как моя фамилия?

И Мареев внезапно вспомнил, что это Боря Будяк! И он радостно кричит:

– Боря, узнал тебя, и фамилию вспомнил. Ты – Буддд... – но вдруг запинается и говорит громко: – Буряк ты, Боря Буряк!

Как ему удалось вспомнить настоящую фамилию Бориса? Ведь прошло более пятидесяти лет. А Будяк – это оскорбительное прозвище! Репейник по-русски. И правда, Боря, как репей, пристал: «Давай отойдём да поговорим». Еле отбился от него. Как тут поговоришь, когда везде люди, и все ему, Марееву, что-то сказать хотят. Иногда так галдят, что не понять ничего. Тогда Мареев улыбается и кивает головой, поддакивая, не зная кому и о чём. Прямо перед началом концерта какой-то застенчивый дед сказал окружающим: «Мы с Севоём учились в одном классе!» И только на следующий день Мареев вспомнил, что это был Юрка, с которым он сидел за одной партой в пятом классе. У Юры всегда были потрескавшиеся от работы на холоде руки и под носом красная кожа от непрекращающейся простуды. Не поговорил с Юркой, а тот ушел так же тихо и незаметно, как

появился. Потом Марееву было стыдно за свою невнимательность.

И вот долгожданный концерт! Пели о селе Дубовэ, песня о прошлом и настоящем. Дубовэ – радость и боль поэта! Потом на сцену вышел сам Мареев. Не помнит, что говорил, настолько был взволнован. И словно не было трёх лет разлуки с селом! Не было тех горячих трагических событий, что произошли в последние годы, когда брат с братом отказывался общаться из-за идейных разногласий. «Не читайте до обеда советских газет», – советовал профессор Преображенский. «Не смотрите на ночь политические программы по телевизору, и вообще никогда их не смотрите, – воскликнул мысленно Мареев, перефразируя Михаила Булгакова. – Никакие не смотрите – ни украинские, ни российские, ни американские!» Целый день в селе Дубовэ, и ни одного разговора о политике. Значит, можно без неё! Не нужна она, эта политика, людям! Он очень устал за этот день физически, а вот морально словно чистой воды напился, и ощущение звенящей, пахнувшей селом свежести останется с ним надолго, возможно, на всю оставшуюся жизнь.

Мареев и вправду напился криничной воды прямо из ведра. Холодная, аж зубы начинает ломить; приятная, аж сердце щемит от любви к позабытой сельской жизни.

Концерт удался. Старая учительница, бывший директор школы Галина Иосифовна прочитала стихотворение о предавшем друге, которого поэту жалко терять и за которого он обещает молиться. Сколько таких случаев было в жизни Мареева... Не один раз его предавали, но он никогда не держал зла, никого не проклинал и мысленно пытался оправдать поступки друзей. Конечно, кто предаёт, тот никакой не друг. Оно, конечно, так, но иногда неплохо и попробовать понять друга и, может быть, простить его. Не в его правилах отвечать злом на зло. Да, он и сам может вспылить, но обиды не умеет долго держать за пазухой.

Отвлёкшись на эти размышления, Мареев расслабился и немного потерял концентрацию. Вдруг он по-

чувствовал чей-то взгляд. Он знал это ощущение. Резко повернулся, но ничего необычного не заметил. Стоят несколько местных учительниц и о чём-то переговариваются. Запомнил их Мареев ещё с прошлого приезда. Красивые украинки, как говорится, в самом соку. Но нет, не от них этот посыл! В сторонке стоит молодая красавица Зоряна, из Киева приехала фотографировать концерт. Да такую саму не грех «отфотографировать» вдоль и поперёк! Всё при ней! Щёки литые, фигура точёная, глаза – огромные маслины, и бюст – великолепное творение природы, прославляющее женскую красоту! Когда мужчины разговаривали с Зоряной, то не могли оторвать взгляда от этого большого и трепетного живого существа. Даже дед Панасько, когда стоял у ворот с Мареевым, нет-нет да и бросал взгляды на противоположную сторону улицы, где Зоряна залихватски хохотала, то ли заигрывая с юристом Митей, красивым мужчиной лет сорока, то ли реагируя на его шутки. А поэт Сашко Обабко ещё в Киеве у автобуса подарил ей свою книгу, а потом, когда остановились отдохнуть в придорожном кафе, побежал и купил Зоряне пломбир в бумажном стаканчике. Прячась от поэтесс, Обабко вручил Зоряночке мороженое. Но в мире поэтов ничто долго не остаётся тайным, особенно когда рядом Лариса Громушкина. Та тут же поделилась своими наблюдениями с Мареевым:

– Не узнаю Сашка! Чего это он этой молодой вертихвостке Зорянке мороженое покупает? Меня никогда даже конфеткой не угостил, а её сегодня в первый раз увидел, и такие знаки препинания.

– Седина в бороду – бес в ребро, – отшутился тогда Мареев.

А сейчас Зоряна вроде бы посмотрела в его сторону. «Да нет, ерунда! Показалось», – подумал поэт и успокоился. А зря! Всегда надо полагаться на первую догадку или впечатление, чтобы потом скучным рассудком картина не смазывалась.

Банкет с украинскими домашними разносолами и напитками – это вам не конфетка и не пломбир. Пили, ели,

говорили тосты и... опять пели песни. Олексий, высокий статный мужчина с седой шевелюрой, мэр городка из Тернопольской области, хороший приятель Мареева, запел «Ніч яка місячна». Эту любимую народом песню поют всегда и везде: и в горе, и в радости. В этой песне и любовь, и печаль, и сострадание. Душа народа в этой песне. У Олексия оказался мощный баритон, и когда он запел «Вийди, кохана, працю зморена, хоч на хвилиночку в гай», – то Она вышла на сцену и стала рядом с ним! Ира Незванова, оперная певица, знойная красавица! Казалось, что дальше Олексий пел только ей, и она мастерски подпевала ему. Мареев заметил, как сидевшая недалеко от него Марина, жена Олексия, схватила нож со стола и крепко сжала его в руке – да так, что пальцы побелели. Потом, когда Олексий закончил петь, она разжала кулак, и – о ужас! – стальная рукоятка ножа аж почернела. Но подошедшего мужа Марина встретила радостной улыбкой. Сила и страсть украинской женщины, выдержка и ум! А нож? Никудышным оказался!

Во время банкета Мареев с Сашком Обабко сели за отдельный столик и стали подписывать поэтический сборник. Мареев – как автор оригинальных стихов, а Сашко как поэт-переводчик и редактор книги. Приятное это дело – подписывать собственную книгу и дарить истинным поклонникам поэзии. Тем более когда Сашко Обабко пишет дарственные слова, а Марееву остаётся только подпись поставить. Всем, кто просил, подарили книгу. Да и с местными красавицами-учительницами пообщались. Оба поэта охочи до красавиц, да и небольшой это грех – будучи поэтом, улыбнуться и пару комплиментов сказать приятной и умной женщине.

И вот прощанье. Впереди долгая дорога. Теперь, когда дело сделано, когда корзины полны гостинцами с банкета, можно целую ночь ехать в автобусе под непрекращающиеся песни Олега Бубы, да с самогонкой, чистой, как слеза, да с колбаской домашней и мясом печёным! Самое то, не салаты же брать с собой в дорогу. А Буба превзошёл сам себя! Заливался комплиментами и пел,

пел, пел под гитару аж до самого Киева. Что ему, полному сил и свободному! А в Киеве – табу! Там супруга молодая. Там не забалуешь. А пока гуляй, братец Буба, наслаждайся свободой и обществом певиц и поэтов! Лови моменты жизни, пока она тебе улыбается в лице Ларисы Громушкиной, которая и сама, когда в ударе, не прочь погрометь и посверкать под ясным небом тихой украинской ночи!

Отсыпался Мареев в своей киевской квартире. Пару раз вставал, пил чай и опять ложился. Шутка ли! Один день в селе Дубовэ, а столько впечатлений, словно ещё один раз жизнь повторилась и высветилась новыми красками. «Борису Буряку письмо пошли, – говорил ему во сне дед Панасько. – И Юрке напиши!» Потом был другой сон: Лариса Громушкина пела акапельно, а Светлана Непейвода подпевала ей, игриво подтанцовывая:

Капитан мой, капитан мой,
Где твой парусник, скажи?
Капитан мой, капитан мой,
Капитан моей души...

«Подпевала, – подумал Мареев о Светлане, – что, сама не может спеть?»

Но вместе с тем ему было приятно и радостно от слов песни, от того, что ему дуэтом поют озорные женщины. Он даже стал прикидывать, кого из них потом первую поблагодарить и поцеловать. В отношениях с женщиной всякая мелочь значительна, а здесь две дамы кокетливо постреливают глазами в его сторону.

Но тут всё испортила невесть откуда взявшаяся соседка из Дубовэ и, назвавшись Агафьей, прошептала: «Сон к свиданьцу, Сева. С молодухой. Не оплошай!»

Проснувшись, он долго лежал на кровати, недоумевая, что бы могло значить явление старухи и её загадочные слова. Жалко было хорошего сна, испорченного Агафьей. И какая ещё молодуха? Хотя с высоты её возраста и Лариса Громушкина молодуха. А Светлана Непейвода?

Ни к чему не придя, Мареев решил выбросить из головы странное предсказание.

Под вечер он принял душ, побрился; собирался пойти поужинать в ресторан «О’Панас», что в парке возле университета имени Тараса Шевченко. Прекрасная кухня, и официантки в вышиванках на загляденье красивые и ласковые. Он всегда садился за один и тот же столик, обслуживаемый улыбчивой Инной. «Эх, Инна, Инна! – подумал Мареев. – Где мои тридцать лет? Жаль, что они остались там, в студёных восточных морях». Но жизнь нельзя переиначить, хотя... Например, с той же Зоряной почему бы не поужинать вместе? Но где её искать? Телефон не догадался попросить! А если попросил бы, то что? Нужен он ей, как прошлогодний снег! Вспомнил бабушкину присказку и засмеялся. Посмотрел на своё отражение в зеркале, и на ум пришла фраза, сказанная когда-то одной знакомой: «Взглянула мимоходом на себя в зеркало и увидела собственную шею. Испугалась так, что забыла, зачем в зеркало смотрелась». Что он собирался увидеть в зеркале? Оттуда на него смотрел тип с потрёпанным лицом: пегие волосы, наполовину седые, маленькие, узко поставленные глаза. Разве что лоб высокий. «А на фига красивой и молодой девушке твой лоб, Мареев?» Он усмехнулся, настроение всё равно улучшилось. Есть Зоряна с лучистыми глазами и огромным бюстом! А остальное неважно. Неважно, что для него, Мареева, время таких ярких девушек прошло. Выходя из ванной, он непроизвольно напевал на популярный мотив:

Зоряна, Зоряна, Зоряна...
Нирвана, нирвана, нирвана!

Где-то что-то стукнуло. Прислушался. Опять тук-тук! Нет, не показалось, вроде бы в дверь стучат. Почему стучат, а не звонят? Может, ослышался? Но всё же подошёл и открыл дверь. Перед ним стояла... Зоряна и улыбалась:

– Здравствуйте, Всеволод Иванович!

– Зоряна! Не верю глазам своим. Как? Как ты меня нашла?

– А я ручку вам принесла. Вы на столике забыли, когда книги на банкете подписывали, а я подобрала. Хотела через Митю передать, а он посоветовал вам на квартиру занести. Вот я и здесь!

Какая ручка? Да не было у него никакой ручки. Это ведь ручка Сашка Обабка, дешёвая, одноразовая. Марев был в замешательстве, но всё же пригласил Зоряночку войти.

Удивительно складывается жизнь у поэта. Сбываются порой стихотворные строки. Но это не так важно, сбудется что-то или не сбудется. Главное – поэзия в душе.

Есть на свете вольный ветер,
Есть на свете чудеса,
Полечу до края света –
Наготове паруса!

На следующий день поэт и моряк Всеволод Марев улетел на Кипр.

Прости меня, Мария!

Аманда улетела в Лондон, к детям, и он, Нико, свободен, как птица. Жена и близкие родственники зовут его именно так, как в детстве отец и мать звали. Николаос – довольно распространённое на Кипре имя. Друзья зовут Никос. Русский друг Александр, когда шутит, начинает напевать русскую песенку: «Коля, Коля, Николаша, колокольчик голубой». Когда разобрался, что такое колокольчик, сказал ему:

– Алекс, мне не нравится эта песня. Этот голубой цветок! Бррр.

– Это известная в России песня. И кинофильм такой есть. Там девушка поёт о своей любви к Коле-Николаше. И Коле, судя по фильму, нравится и девушка, и песня. А тебе имя не нравится. Почему?

– Я не хочу даже в песне называться голубым цветком.

– Хорошо, я про цветок не буду петь, – смеётся Александр.

В субботу утром до восхода солнца наш Никос, полный сил и довольный собой, ехал на стареньком джипе по петляющей горной дороге. Ехал, чтобы до наступления жары поработать на участке в горах: перетаскать камни для фундамента под новый дом. Настроение – превосходное, душа поёт, предвкушая радость от предстоящей работы.

За крутым изгибом дороги Никос резко затормозил, не понимая, почему он это сделал. Какое-то чувство внутренней тревоги вдруг охватило его: обеспокоенность, замешанная на страхе. Потом на дороге, словно из воздуха, появилась женщина в солнечном балахоне с ниспадающими на плечи белыми волосами. Она стояла, расставив в стороны руки, и через какое-то мгновение исчезла.

Он ничего не успел понять и никак не мог вспомнить, видел ли он её лицо, но широко разведенные в стороны руки видел. Эти разведённые руки делали женщину похожей на крест. А может, ему это всё показалось? Никос не верил в чудеса и сейчас озадаченно смотрел на дорогу. Что это? Мираж? Воображение? Медленно поехал дальше, внимательно всматриваясь в каждый камень на пути, но вскоре вынужден был остановиться вновь.

Впереди всё-таки что-то было. Нико вылез из машины, подошёл ближе. На обочине без признаков жизни лежал человек. Он кинулся к нему и, ошарашенный, остановился. За камнем в пожухлой траве – девушка. Поразила какая-то неземная красота лица незнакомки. Никос опустился на колени и стал искать пульс. Биение было слабым, но равномерным. Он сбегал к машине за аптечкой, попытался привести девушку в чувство нашатырём. По правилам надо вызвать скорую помощь, полицию, и он уже начал было набирать номер службы спасения, но бросил звонить, опять вернулся к машине, взял бутылку воды и брызнул на лицо девушки. Её полные губы дрогнули, но, может быть, это ему только показалось? Маленький прямой нос, высокий лоб, аккуратно причёсанные русые волосы. Деловой тёмно-синий костюм и обыкновенные кроссовки! «Что-то тут не так. Откуда здесь, в таком пустынном месте, взялась девушка? Одна на дороге, без чувств. Что же делать?» Никос был человеком решительным и тут же стал действовать. Он осмотрел незнакомку и, не обнаружив никаких повреждений, на руках аккуратно отнёс на заднее сиденье машины. До его дачи оставалось меньше километра, а там у него домик с удобствами, кровать. Он сможет оказать девушке помощь, если потребует. Она придёт в себя, а дальше будет видно, что с ней делать. А вдруг? Что, собственно, вдруг? Он руководитель представительства крупной американской фармацевтической компании, в своё время получил образование в Лондоне и уже почти тридцать лет управляет бизнесом на Кипре. Он, Никос, поставщик лекарств для правительства Кипра! Всё – через его фирму. У него любимая жена, двое

сыновей: старший, Джерри, окончил в Лондоне университет и уже работает в известной аудиторской компании, а младший, Кристиан, заканчивает первый курс, будущий инженер, влюблён в технику. Есть свой дом! Почёт и уважение друзей и соседей. И вот на тебе, абсолютно невозможное приключение: на пустынной дороге без чувств лежит прекрасная незнакомка, и он её спасает. Да-да! Спасает! Потому что, если бы не он, неизвестно, что бы с ней случилось. Змея могла укусить, машина наехать. Хотя движения здесь почти нет, но по-всякому бывает. «А если она больна? Вдруг у неё приступ? Сердце слабое? А я не вызвал скорую помощь и полицию», – пронзила внезапная мысль. Перед усадьбой остановил машину и опешил от удивления. Девушка сидела и, не мигая, смотрела на него огромными синими глазами.

– Как вы себя чувствуете?

Ни звука в ответ. Выражение лица не изменилось. Он коснулся руки девушки и понял, что она без сознания. Но как же он не услышал, не заметил, когда она села?

Не загоняя машину на участок, открыл ворота и решил отнести незнакомку в домик. Метров пятьдесят надо идти в гору, но его это не смутило. «Возможно, она спит? Так бывает, когда в состоянии глубокого сна люди могут вставать и даже пытаются куда-то идти. Как же я сразу не догадался? А если это летаргический сон?»

В домике он аккуратно положил девушку на кровать. Снял с неё кроссовки, освободил от жакета. Ослабил тонкий кожаный ремешок на талии, включил вентилятор. Постоял минуты две, любуясь лицом: бледным, но таким привлекательным. Высокие, слегка выступающие скулы, ресницы словно два веера. «Когда она глаза закрыла? В машине сидела с открытыми». Но самое выразительное – губы. Это он заметил сразу. Слегка припухшие, словно сливы, без признаков помады. Тонкогубые девушки никогда ему не нравились. «Кто-то, наверное, целует их», – подумал с завистью Никос. Наклонился, прислушиваясь к дыханию девушки. Нет, дыхание невозможно было уловить, но приставленное к полуоткрытым губам зеркаль-

це запотело. Да, девушка спала. Он мог бы ещё долго стоять и любоваться её лицом, но понимал, что надо идти заниматься делом.

С неохотой Никос вышел из комнаты. Из-за гор поднялось огромное солнце, встало над вершинами и как-то очень споро устремилось ввысь. По крайней мере, Никосу так показалось. Как он любит эти мгновения восхода солнца!

Прокукарекал петух Камерон. Красавец! Аманда очень любит петуха, он напоминает ей своей статью одного типа из Лондона. В прошлом году орёл всех кур потаскал, а петух не дался. Спал ночью на высокой жердочке, контролируя обстановку. Ночью орлы не летают, но лисы появляются, а эти хитрюги ой как охочи до кур! Вначале Никос думал, что лиса таскает кур, хотел даже капканы поставить. А оказалось, что лисы вне подозрений. У них хватает добычи в природе: зайцы, мыши, неуклюжие фазаны. Стелиос, заядлый охотник и грибник, исходивший все горы и всё знающий о местной флоре и фауне, посоветовал ему:

– А ты посмотри утром в небо и обязательно увидишь обидчика кур. Только на рассвете, до восхода солнца поезжай.

– Хорошо, завтра и поеду, – сказал Никос и сдержал слово.

Вот тогда он и заметил высоко в небе орла, и даже момент атаки на петуха увидел. Но Камерон увернулся и отскочил под навес. Кажется, что бы петуху не сидеть под навесом, как курам, а он предпочитает нести вахту под открытым небом. Тем не менее до сих пор кукарекает. Глупые куры меняются, а петух остаётся. В этом году по весне новых кур завели, и вот они уже несут белые круп-

ные яйца. К счастью, орёл куда-то делся, не появляется больше. Может, оставил эти места? Кроме кур здесь есть ещё утки и гуси. На днях пара гусей обзавелась потомством. Никос любит наблюдать за этими крохами.

Вчера он не был на даче, поэтому сразу пошёл в курятник. Так и есть: с десятка яиц положил в плетёную корзину.

Тихонько приоткрыл дверь домика. Девушка лежала на кровати в той же позе. Но что-то опять не так. Стал внимательно присматриваться и сообразил, что изменился цвет одежды. Юбочка стала серебристого цвета, и ремешок ей под стать. Пиджак на стуле – тоже серебристый. А кроссовки? Кажется, ромбики в районе щиколоток были голубенькие, на общем белом фоне, а сейчас серебряные. Могло показаться? Могло, конечно! Но костюм-то? Костюм был тёмно-синий, а сейчас серебристый с отливом. Как такое может быть? Фантастика! Потом он сообразил, что взошло солнце, его лучи упали на одежду и изменили её цвет. Ткань меняет цвет под солнечными лучами! Чего только для современных модниц не придумывают! А девушка не из солнечного ли света явилась, как Зевс из золотого дождя? Да нет! Глупости это всё! Он здесь вырос, в детстве наслушался сказок и легенд, а сейчас верит только себе и в себя. Всё, что происходит в этом мире, имеет земное происхождение и свою логику изменения. Он – атеист, не ходит в церковь, не верит в судьбу и всякое такое. Работать надо. Семью надо любить и заботиться о ближних. Его отец был из бедных, но благодаря природному уму и смекалке сумел выучиться на фармацевта. Мечтал юристом быть, даже после школы в Лондон ездил поступать в университет, но, когда понял, каких денег стоит учёба, вернулся на Кипр, женился и занялся аптечным бизнесом. И преуспел в этом, во всяком случае, была у него аптека в Лимассоле, в деловой части старого города. Построил добротный дом, вырастили с женой троих сыновей. К сожалению, брат Анжелос рано умер. И отец в прошлом году в возрасте девяноста двух лет отошёл в мир иной. А аптека сто-

ит. Ничего в этом мире мистического нет. Люди жили до нас, живут так сейчас и будут по этим же человеческим законам жить дальше. Работать надо, и в этом суть жизни. Никос трудится в компании, после работы – в саду, на даче. Отец помог ему получить образование, а остального он добился своим трудом. Мир жесток и понятен. Слабых не терпит. Романтика – выдумка. Это Аманда верит в ангелов и говорит, что ангелы верят в неё! Мудрено! Но Аманда всегда такая, не от мира сего. По вечерам играет на фортепиано, рисует картины, читает стихи древних поэтов. Для неё всё, что ни случится в этом мире, – всё великолепно. Как день прошёл, Аманда? Ответ всегда один: lovely!

Никос сидел во дворе, пытаясь как-то осознать ситуацию и решить, что делать дальше. Он регулярно заглядывал в домик, но девушка лежала, не меняя позы. Покармлил птиц. Полил свой мини-огород: несколько кустов огурцов, помидоры, перчик, роскошный куст Melissa. Провёл по листьям рукой и тут же почувствовал аромат, острый и такой приятно-понятный. Сорвал несколько пахучих веточек Melissa и отнёс в дом.

Вот и солнце в зените, температура воздуха под тридцать градусов, но для середины июня нормально. Никос ничем не мог заняться, трудно было сосредоточиться. Все его мысли вращались вокруг девушки: «Красивая до невозможности». Русые волосы, гладко зачёсанные и собранные в пучок, особенно смущали его. У Никоса никогда не было интрижек на стороне, но сейчас он уже почти влюбился в Марию. Так он прозвал незнакомку. Неважно, кто она. Неважно, какая она. На это лицо можно было смотреть не отрываясь, как на икону.

«А если она обычная проститутка? – вдруг мелькнула мысль. – Привезли и выбросили в горах за какую-то провинность». Нет, таких не выбрасывают, таких любят, из-за таких раньше дрались на дуэли, уходили на войну, совершали сумасшедшие поступки. Такие женщины управляют мужчинами. Откуда он знает? Честно сказать, любовную лирику Никос не читал. Это Аманда

очень впечатлительная и всегда всё ему рассказывает. Он считает себя цинично-практичным человеком. Зачем ему влюбляться в какую-то постороннюю женщину, когда у него есть Аманда? Он её любит! Любит за преданность, за внимание к нему и детям. Он боялся себе признаться в том, что, кажется, влюбился в эту девушку. Но влюбился не так, как-то по-другому. Как ещё по-другому? Не знает.

День пролетел как одна минута. А незнакомка всё спит и спит. Не один раз собирался позвонить, вызвать кого-нибудь на помощь, но в последний момент что-то оставалось. Несмотря на жару, в комнате было прохладно, пахло Melissa. Ему показалось, что запах даже усилился. Дыхание девушки стало глубоким, лицо порозовело, губы приоткрылись. Она будто улыбалась. Но нет, она продолжала... не спать же! Что с ней? Опять осторожно нащупал пульс: сердце билось чётко, размеренно. Поза её изменилась: сейчас она лежала щекой на подушке, почти на боку, слегка подогнув ноги. «Подожду до утра, пусть спит», – подумал Никос, прогнав лишние мысли.

Знания о врачебном деле у Никоса с университета. После стресса человек может проспять сутки и больше, чтобы организм восстановился. А с ней определённо что-то произошло. Ночью решил не спать, да и негде было в маленькой комнатке. Будет сидеть снаружи и караулить. Вдруг она проснётся среди ночи и позовёт. А если кушать захочет? В холодильнике всегда есть какие-то продукты. Куриный бульон лучше всего восстанавливает силы. Да, да! Он приготовит для Марии куриный бульон. Принёс из огорода пару луковиц, корень петрушки, морковку. Всё, что нужно, для бульона было. Кроме дров. Начинило темнеть, и он побежал к стоящим недалеко деревьям. Очень не хотелось оставлять девушку одну, но Никос успокоил себя тем, что быстро управится. Сломал нижнюю сухую ветку у дикой оливы, набрал немного валявшегося тут же хвороста, сухих сучьев и заспешил назад. Но недаром говорится: поспешишь – людей насмешишь. Русский Александр из Мо-

сквы часто повторяет эту поговорку, переиначивая её на английский лад. С охапкой дров в руках неловко ступил, зацепился ногой за камень и упал. Он не помнил, сколько пролежал в темноте: минуту, десять, час? Когда очнулся, не мог сообразить, что с ним и где он. Темно. Левая нога опухла, видимо, вывих или перелом. Дотянулся до рассыпанного хвороста и, вытащив ветку понадежнее, сделал из неё что-то вроде посоха. С трудом поднялся и, едва ступая на повреждённую ногу, медленно захромал к домику. Нестерпимая острая боль от левой ноги простреливала по всему телу. Но в голове одна мысль: «А вдруг девушка проснулась и испугалась?» «Прости меня, Мария!» – прошептал Никос. Тишину ночи разрывали залихватские трели соловья! Значит, не так много времени прошло после захода солнца, если соловьи поют. В городе их не слышно, а тут смотри как заливаются.

Доковылял до домика и с замиранием сердца открыл дверь. На кровати никого не было. Взял на веранде фонарик и осветил в темноту. Не выдержал и стал звать: «Мария, Мария! Где ты, Мария?» Соловьи, как по команде, смолкли. Где она? Ушла? Но как она могла уйти в темноте? Или она в туалетной комнате? Да, да, она, наверное, там. Включил свет и увидел, что дверь открыта и никого нет. Ему стало понятно, что девушка каким-то загадочным образом исчезла. Ушла совсем? Прячется в кустах? Заблудилась? Сел у двери на веранде, оставив свет включённым на случай, если Мария где-то рядом, – увидит свет и позовёт его. Он долго вглядывался в темноту с болью в теле, с болью в душе. Казалось, от него только что ушёл близкий и дорогой ему человек.

Потом впал в забытё. Словно во сне, стали мелькать картинки. И в этом необычном сне он вдруг ясно увидел падающий с неба сноп света и Марию – она стояла и смотрела куда-то вверх.

Никос очнулся под утро. Опять пели соловьи. С веранды виднелось море. Попытался подняться, но в ноге такая резкая боль, что он со стоном опустился обратно на

стул. Рядом стояла баночка, в которую он вечером поставил несколько веточек Melissa. Как баночка оказалась на веранде? И вдруг он услышал тихий женский голос: «Нико, помажь ногу водой из баночки и выпей глоточек. Это тебе поможет». Кто это произнёс? Может, ему почудилось? Может, сам он так подумал? Кто его знает, откуда этот голос? И был ли он? Никос послушно выпил глоток пахнувшей мелиссой воды, затем побрызгал ею на больную ногу. Боль как рукой сняло. Он встал, тело требовало движений. С радостью принялся за работу, которую наметил сделать вчера: перетаскал камни для нового дома от ворот в центр участка. Представил, каким будет дом: в два этажа, высокая красная крыша, окна в сторону моря и большая веранда на втором этаже.

Всё сделав, поехал в церковь на службу. Он не знал, какой сегодня праздник, но точно знал, что ему надо туда. По дороге остановился в том месте, где подобрал девушку. Вышел из машины. Постоял. «Прости меня, Мария!» – прошептали несколько раз его губы.

Через месяц Николас уволился из американской компании и восстановил отцовскую аптеку. Друзья и хорошие знакомые любят покупать у него некую настойку. Всякие ссадины, раны моментально заживают, если их смазать жидкостью из небольшой бутылочки – «Живительный эликсир, настойка из мелиссы». Многие пытались сделать такую же, ведь на Кипре мелисса растёт почти как сорная трава. Но лечебными свойствами обладает только та, что сделана из мелиссы, растущей на участке Никоса. Говорят, что это своеобразное лекарство обладает и омолаживающим действием. Я даже стал замечать, что из года в год Аманда всё хорошеет и хорошеет. Не иначе как использует чудо-эликсир!

Друзья Никоса удивляются произошедшим в нём переменам: занимается своей любимой аптекой, а по воскресеньям и праздникам ходит в церковь. Отказался от совместных с друзьями походов в бар.

Вот что может сотворить с обычным мужчиной встреча с красивой женщиной! О случившемся тем ранним

субботним утром Никос рассказал мне в подробностях, а в конце добавил:

– Алексис, как ты думаешь? Что это было? Куда исчезла девушка?

– Была ли девушка, Никос? – спросил я.

Потом мы сидели на веранде его дачи и молчали. Что говорить? Есть моменты в жизни, когда лучше помолчать.

Не нужно пытаться вычислить героев рассказа. Не нужно искать аптеку Никоса в Лимассоле и настойку из мелиссы «Живительный эликсир». Она существует, но называется совершенно по-другому. И на самом деле она кому-то помогает, кому-то – нет. Возможно, дело не в настойке, а в самом человеке.

Айслу из воскресного сна (Проделки чёрного кота)

После полуночи грохнула дверь. От этого звука Кулагин проснулся. Полежал с открытыми глазами, пытаюсь понять, что происходит. Слышался шум льющейся воды, доносились какие-то стуки. Потом сообразил – это ветер с дождём. Открыта дверь на веранду, через неё рвётся сквозняк. Поёживаясь от холода, встал с кровати и закрыл дверь. Настоящий ливень. От порывов штормового ветра туи то склонялись к земле, то выпрямлялись. Возле бассейна хлопал тент, под ним – перевернутые стулья. Ещё вчера днём Кулагин загорал, купался в море, температура воздуха была под тридцать – жарница! Кто мог подумать, что всё так неожиданно переменится? Вспомнил, что с утра хотел поехать с соседом-киприотом в Пиргос собирать оливы. Какой сад? Какие оливы? А может, к утру дождь прекратится? Всё когда-то заканчивается. За последние полгода в его жизни произошло столько перемен! Неприятности сменялись удачами, и наоборот. С этой мыслью он опять забрался под одеяло и сразу же уснул.

Под утро ему приснился сон. По скайпу звонила незнакомая женщина. Лет тридцати на вид, симпатичная, полные губы, большие, слегка раскосые глаза, волосы чёрные с проседью.

– Приветствую тебя, Григорий. Как ты?

– Здравствуйте! Вы кто?

Женщина улыбнулась. «Белозубая какая! Красивая!» – подумалось ему. Женщина вопросительно посмотрела на него с экрана ноутбука.

– Гриша, у тебя есть картинка на экране? Я – Айслу!

«Кто она? Я ведь знаю её!» – ёкнуло у него внутри, а вслух сказал:

– Айслу, пошутил я неудачно. Извини. Всё нормально. Отдыхаю на Кипре.

– Когда приедешь?

– В Москву? К Новому году.

– Позвонишь?

– Конечно. Встретимся?

– Хотелось бы в Астане, – сказала женщина и стала удаляться в глубину экрана, словно улетая в космическое пространство.

Руки у неё были сложены по-восточному, глаза потуплены, голова в полупоклоне.

Почему в Астане? У него никаких знакомых там нет. Что только не приснится под утро в воскресенье!

Встал довольно рано, как только рассвело. В небе висели тяжёлые серые облака! Продолжался дождь, но какой-то ленивый.

«Жаль, придётся пропустить выход к морю», – подумал Кулагин. Бывая на Кипре, он старался каждое утро поплавать и летом, и зимой. Да какая здесь зима? Двадцать – двадцать пять градусов – это воздух, а вода семнадцать-восемнадцать. В это время в Москве морозы трещат под тридцать! Спасибо Всеволоду Марееву, коллеге-писателю, – предложил пожить у него в доме в Лимассоле аж целых два месяца. Обычно на Кипре Кулагин из соображений экономии останавливался в недорогом отеле, где номер с завтраком обходился ему в тридцать – тридцать пять евро. На писательские гонорары особенно не разгуляешься. Да и какие там гонорары! Что-то перепадает, если крупное издательство заинтересуется повестью или романом и напечатает рыночный тираж. Вот и весь навар. И сейчас у него такой заказ есть, но неизвестно от кого. Кажется, впервые писательская удача улыбнулась ему, нашёлся частный издатель и заказал повесть – своеобразную историю любви и предательства. Ему рассказали идею повести, без деталей. Остальное на его усмотрение. Кто положительный герой, кто злодей, заказчик не определил. Муж, жена – счастливая пара. Измена мужа или жены? Развод. Он спросил представителя заказчика:

– Я понимаю, что эта история случилась в жизни вашего босса. Можете мне рассказать, чем она закончилась?

– Иннокентий сам хочет узнать, как будут развиваться события и чем всё закончится. Он верит в ваше предвидение.

– Эта история случилось с Иннокентием? Он будет героем повести?

– Для нас это неважно. Расскажите свою историю. Ещё одно условие: имя женщины – Фариза.

Вспомнил! Вот это да! Кулагин аж вздрогнул от неожиданности. Неужели такое бывает? Такое совпадение? Ему приснилась героиня его повести. Имя другое, но, возможно, это настоящее имя героини? Кулагин быстро спустился на первый этаж, где в большом холле рядом с окном, выходящим в сад, стоял стол с ноутбуком. Сокращая слова, он на скорую руку записал свой сон, особенно выделил внешность женщины и сохранил файл как «Айслу».

Всё утро он находился в каком-то взбудораженном состоянии. Перебирал в памяти события последних двух недель. Был звонок. Встреча в кафе с плюгавеньким человечком, который назвался необычным именем Наби. У него были игривые, добрые голубые глаза. И вот этот странный Наби предложил ему, Кулагину, написать книгу по заказу неизвестного Иннокентия. Тут же Наби назвал сумму неслышанно щедрого аванса. От такого предложения, несмотря на всю его таинственность и даже абсурдность, Кулагин не смог отказаться, но, в свою очередь, попросил:

– Наби, давайте вначале составим договор, предусмотрим аванс, окончательную сумму гонорара, сроки написания повести и прочие условия. Я не могу просто так взять деньги.

– Пока договор не нужен. Мы верим вам, вы ничем не рискуете. Если по какой-то причине не напишете повесть, мы не рассчитываем на возврат аванса. Будет рукопись – получите полный расчёт.

– А если повесть не понравится?

– С нашей стороны – никаких претензий. Гонорар заплатим.

– И какой будет окончательная сумма? – не удержался Григорий.

Наби посмотрел на него долгим взглядом, улыбнулся и со вздохом сказал:

– Понимаю, что вас обманывали издатели. Мы не обманем. Считайте, что получаете аванс в размере двадцати пяти процентов от полной суммы гонорара. Согласны? Авторские права на книгу сохраняются за вами. Право на издание книги принадлежит моему доверителю. В этом случае понадобится договор. Но это потом, когда вы представите нам рукопись. Соглашаетесь?

Кулагин радовался новому заказу – как ему не радоваться при том безденежье, в каком он находился последний год? Да и аванс впечатлял. Он готов написать повесть только за эту сумму. А полный гонорар прямо какой-то фантастический! И сам сюжет все более увлекал его.

Очень кстати в Москве ему встретился Мареев и сделал почти царское предложение поехать на Кипр и отдохнуть в его доме. Здесь у него есть все условия для работы, но что за странный сон?

К обеду распогодилось. Дождь прекратился. Небо начало проясняться. Сначала солнечные лучи несмело падали на землю сквозь прорехи в тучах, а потом и само солнце то появлялось в небе, то опять пряталось. Можно было бы прогуляться к морю, но Кулагину захотелось сохранить настроение, навеянное ночным сном, и сесть за компьютер. Он не знал, как начнёт повествование. Так всегда бывало: вдруг приходит на ум какая-то фраза, он её набирает, а в это время новая мысль появляется, и закрутилось-понеслось: как в кино, возникают картинки, приходит азарт. Герои что-то делают, говорят, и ему, наблюдателю, становится интересно: а что дальше там у них с Айслу? «Ветер, дождь, сон, – думал Кулагин. – Чем не начало истории?»

Итак, что он имеет? Предполагаемые герои повести: Иннокентий и Фариза, добрейший Наби и он, писатель

Кулагин. Судя по имени, Фариза – восточная женщина. Возможно, казашка? Во сне с ним говорила по скайпу красавица Айслу. Кто они, его герои? Иннокентий предприниматель, москвич, а Наби – его юрист. Получается слишком просто. Богатый муж, занятый и днём и ночью, жена, изнывающая без дела. Нужен герой-любовник. Может быть, Наби? Нет-нет, Наби – человек хозяина и слишком предан ему. Можно сделать Наби таким красавцем, соблазняющим жену хозяина, и дать ему романтическое имя, например, Искандер? А кто же автор? Беспристрастный наблюдатель? Что-то здесь не так... Кулагин совсем запутался в своих попытках выстроить фабулу повествования. «Плевать на сюжет! Начну, а там как пойдёт. Не в первый раз», – подумал он и всё-таки отправился к морю.

Редкие облака на небе. Осеннее солнце обильно поливает землю светом. Высохшие в течение лета предгорья за считанные дни покрылись зелёной порослью трав и кустарников. Люди радуются осенне-зимним дождям, надеясь, что летом будут с водой. Огороды, сады постоянно требуют влаги. При регулярном поливе киприоты снимают несколько урожаев картошки, морковки, капусты и другой огородной всячины. Если долго нет дождей, то ландшафту не порадуешься – пыльный, серый и скучный. А сейчас деревья посвежели, листья на них – ярко-зелёные. На оливке у дороги – стайка весело щебечущих птиц. Внизу здоровенный чёрный кот не сводит глаз с воробьёв. Чуть подалее на ветвях разлапистого рожкового дерева Кулагин увидел двух диких голубей. Голуби в отдалении друг от друга, но издают призывные звуки, кажется, в унисон. Нет, это не ленивое воркование домашних голубей, это переключка двух влюблённых. Видимо, договорились, – самец прихорошился, почистил клювиком грудку и неторопливо пошел по ветке к своей голубке. Вот они уже рядом, тихо переключаются о чём-то на своем птичьем языке. Кулагин постоял несколько минут, любуясь парой. Самец – покрупнее, оперенье сверху приглушённого голубого цвета, брюшко – светловатого с розовым оттенком, на шейке – белое ожерелье.

Голубка – поменьше, невзрачная какая-то в сравнении с сизарем. А зачем ей быть красивой? Это голубь должен её добиваться. А у неё ухажёров хватает, она – самка, и этим всё сказано. «Не то что женщины, – подумал Кулагин, – иная вечером выглядит красавицей-раскрасавицей – глаз не оторвать, а утром без штукатурки на лице и не узнаешь её». Кулагин вспомнил свою бывшую жену, которая, бывало, по два часа сидела в ванне, делая какие-то примочки на лице, чтобы мышцы в тонусе были. А на следующий день в косметологическом салоне часами пропадала, красоту наводила. В последнее время совсем от дома отбилась – ночевать не приходила. Скучно, видите ли, с мужем-писателем, который сиднем сидит дома. А ей в свет хочется выходить. Ей бы, дура, дитя ему родить, а она – тусовщица и никто больше. Тридцатник стукнуло! Да что там говорить! Разошлись, как в море корабли, и ладно. Полгода прошло с тех пор, а чувство горечи в душе не угасло. Правда, Марина, его бывшая, тут же стала жить с визажистом из дамского салона, но это уже не его, Григория, забота. Пусть теперь визажист мается с ней.

На пляже Кулагин оставил одежду на большущем плоском камне рядом с пирсом, решительно вошёл в море и поплыл брассом вдоль берега. Вода приятно охлаждала. Пока плывал, не мог отделаться от мыслей о сюжете повести. Почему-то опять вспомнились голуби, воркующие на высоком разлапистом дереве. И вдруг его осенило: невзрачная голубка и красавец-сизарь, кот, вождьленно наблюдающий за птичками, Наби, Фариза... Сюжет сложился у него в голове. Ночной сон? А ни при чём здесь ночной сон. Никакого отношения к сюжету он не имеет. Говорят, воскресные сны – пустые. Вот так-то. Айслу приснилась, потому что после разговора с Наби в его голове возник образ некой восточной красавицы, вот она и явилась. Кулагин быстро подплыл к берегу и побежал к камню. На его одежде удобно устроился давешний чёрный котище, греясь на солнце. Кулагин разозлился и крикнул: «Брысь! Пошел вон!» Кот не спеша встал, лениво потянулся, вальяжно спрыгнул с камня и медленно, с

достоинством пошёл в сторону парка. «Странные совпадения, – подумал Кулагин, – не хватает ещё, чтобы голубь пролетел над головой и сверху что-нибудь сбросил». От этой нелепой мысли он громко рассмеялся. Дебелая женщина, стоявшая на пирсе с раскинутыми руками, резко повернулась и недоумённо посмотрела на Кулагина. К нему пришло игривое настроение:

– Привет, землячка!

– Здравствуйте, напугали меня своим смехом.

– Извините, над собой смеялся, не над вами. Мысль смешная пришла, вот я и расхохотался. Хорошего дня вам.

– И вам всего доброго, – заключила женщина.

Услышишь от чужого человека пару приятных слов – и словно зарядился хорошим настроением. Дома Кулагин с нетерпением включил компьютер. И всё. Началась другая жизнь. Утро, вечер, ночь исчезли для него. Отрывался от работы только поесть и поспать. Испытывал необыкновенную радость, когда, вскочив с постели, стремглав бежал к столу, чтобы узнать, что будет дальше. Герои жили своей собственной жизнью и лишь позволяли ему, Кулагину, описывать её. Он обитал между небом и землёй, ощущая невесомость, в которую попал случайно, по воле каких-то неизвестных хозяев, чьим посланцем для него стал Наби.

И вот рукопись почти готова. Обычно Кулагин делал все правки текста на компьютере, а здесь решил последовать примеру Алексея Викторова из подмосковной Немчиновки, известного на всю страну писателя, и поработать с распечатанным текстом. Что ни год у Лёши выходит новая вещь: то роман, то повесть, то книга рассказов. Талантливый и плодовитый, аж жуть! Но пользуется стрелочущей пишущей машинкой, а правки делает на отпечатанном тексте вручную, используя специальное перо, фиолетовые чернила и мягкий грифельный карандаш.

Кулагин сидел на веранде дома, грелся под осенним солнышком с радостным чувством от близкого окончания большой работы. На мобильный позвонил Наби.

– Григорий, здравствуйте! Как наши дела?

– Добрый день! Рукопись почти готова. Осталось некоторые правки внести.

– Высылайте немедленно, как есть! – В голосе Наби чувствовалось нетерпение.

Кулагин расстроился до крайности. Но что тут поделаешь? Кто платит, тот и правила диктует. Рукопись ушла, улетела – и всё. Осталось ждать. Он запретил себе прикасаться к ней. Будь что будет.

Через три дня заказчик перевёл на его счёт полтора миллиона рублей. Неслыханный гонорар! Ещё через неделю на электронную почту Кулагина пришло короткое письмо от Наби. В письме сообщалось, что писатель предугадал судьбу Наби: Фариза простила его и вернулась к нему. Наби просил Кулагина уничтожить рукопись и сообщил, что книга никогда не будет издана. У богатых людей свои причуды. Кулагин добросовестно уничтожил электронную версию рукописи. Чего ему это стоило, знает только он. Возможно, это была лучшая вещь, написанная им. Попытки связаться с Наби ни к чему не привели. Его электронная почта и мобильный телефон были заблокированы.

Вскоре Кулагин улетел в Москву. Через неделю неожиданно для всех друзей он отправился в Астану, прихватив с собой папку с распечатанным файлом «Айслу».

А ещё через полгода Кулагин вернулся в Москву с новой женой, красавицей-казашкой Айслу, чьи полные губы, большие и слегка раскосые глаза завораживали и гипнотизировали. Казалось, что они притягивают больше, чем магический взгляд рептилий на восточных базарах и в песках пустынь. Хотя рассказы об убийственном взгляде удавов – обычная чепуха, досужие выдумки, поэтические фантазии, а красота Айслу – вот она, и редкий мужчина мог оставаться к ней равнодушным.

* * *

Кулагин встретился с Мареевым в кафе на Арбате. Григорий улыбался, шутил и был совершенно не похож

на себя прошлого, озабоченного и хмурого. Он словно светился изнутри. Задумался, а потом смущённо сказал Марееву:

– Сева, знаешь, у Айслу есть кот Иннокентий. Так этот кот сыграл большую роль в истории нашего с ней знакомства. Вначале я с ним познакомился, впрочем, это отдельная история, как-нибудь расскажу.

– Где же сейчас этот кот?

– Мы привезли его из Астаны в Москву. Я с ним нахожусь в состоянии перманентной войны. Чёрный, как смоль, пронырливый пройдоха. Зову мошенника Базилио. Но Айслу его любит. И он её любит. А мне кот всячески пакостит: в туфли гадит, ворует мои вещи и перепрыгивает, – смеялся Кулагин.

– Ну, это ты, брат, преувеличиваешь! Что за кот такой умный и хитрый?

– Именно умный и хитрый. В моей жизни после развода с женой Мариной чудес хоть отбавляй. Я написал по заказу повесть «Фариза – любовь моя». Заказчиком формально был Иннокентий, улавливаешь? Я с его представителем Наби договаривался и никогда лично не встречался с Иннокентием. Наби расплатился со мной щедро, получил право на издание повести и отказался её издавать. Чем не чудеса?

– Невероятно!

– Невероятно то, что Наби сделал заказчиком повести кота Иннокентия, принадлежащего Айслу, его свояченице, – Кулагин загадочно улыбнулся. – «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

– Страсти по Шекспиру, – не удержался Мареев, чтобы не подколоть друга.

Через год Григорий Кулагин издал новый роман «Когда любовь приснилась...», книга стала бестселлером.

«Вся жизнь твоя, Гриша, в лапах чёрного кота», – прочитав роман, сказал Кулагину при встрече Мареев и лукаво подмигнул.

А иначе зачем эта жизнь?..

(Картошка от бабушки Марты)

Противно-скрипучий голос с металлическим оттенком прозвучал за окном. И опять тишина. Соседи на работе, некому здесь шуметь. Разве где-то собака лениво залает и замолкнет. Редко-редко случайная машина пройдёт. Тишина, словно в далёком украинском селе Дубовэ, где Мареев родился и в школу ходил. Вот вечером – другое дело, звуков больше – люди возвращаются с работы. Кто-то хлопнет дверью машины, ребёнок зайдётся в плаче, женщина засмеётся, калитка стукнет. Напротив, во дворе дома – мать и сын, бывает, ссорятся. Матери лет под пятьдесят, сыну около тридцати; их разговоры – с криком и шумом. Как-то Мареев спросил Михалиса, почему такой шум в соседском дворе.

– Ругаются, – нехотя ответил Михалис.

– А почему ругаются? Киприоты любят ругаться? – продолжал допытываться Мареев.

– Эти любят. Но таких, как они, мало.

Михалису позвонили. Он с предельным вниманием кого-то слушал, кивая головой в знак согласия, даже привстал со стула.

– Элени звонила? – спросил Мареев.

– Да. Элени. Напомнила мне, чтобы не забыл купить капусту в супермаркете. Агата приезжает. Элени готовит ужин. Агата теперь не ест мяса. Ест только овощи и бобы.

– А рыбу?

– Рыбу любит. А мясо перестала, после того как делала репортаж с мясокомбината. Говорит, что животные чувствуют смерть, кричат и даже плачут. Все, кроме овец и птиц.

Агата – любимая дочь Михалиса, известная телеведущая и радиокомментатор. Есть ещё сын Стелайос. Он под боком, живёт в Лимассоле; у него своя семья, но каждый день на обед приходит к родителям. Агата только по выходным приезжает. Она пока не замужем. Дочь для Михалиса – объект родительской любви, заботы и беспокойства. Девушка ведь!

Опять раздался металлический голос за окном и отвлёк Мареева от мыслей о своих знакомцах-киприотах. Он вышел на веранду. Мимо проезжал грузовичок с динамиком. «Наверное, овощами торгует», – подумал Мареев и поднял руку. Грузовичок остановился.

Водитель, приветливо улыбаясь, вышел из машины и поздоровался за руку.

– Что продаёте? – спросил Мареев.

– Картофель, – ответил тот, указывая на упакованные мешки и кульки.

– Почём?

– Семь евро за десять килограммов.

– Много, – с сожалением сказал Мареев.

– Не много. В магазине один килограмм стоит один евро. А моя картошка лучше.

– Я говорю, что мешок большой.

– Посмотри на эти картофелины! – продолжил нахваливать свой товар продавец. – Бери весь мешок, не пожалеешь. Картофель что надо.

Мареев с интересом рассматривал крупные клубни по двести-триста граммов каждый. Чистые, со светлой кожурой. А то, что кипрская картошка вкусная, он знал не понаслышке. Не раз в тавернах и ресторанах брал её, запечённую или жаренную крупной соломкой в кипящем масле. Киприоты говорят, что их картошка поставляется к столу английской королевы! Вот так-то! Не больше и не меньше! Сама английская королева заказывает!

Когда грузовичок, полегчавший на один мешок, уехал, Мареев достал из морозилки кусок белорусского сала, привезённого из Москвы, и порезал на тоненькие ломтики. Помыл картошку, разрезал каждый клубень по-

полам и уложил их на противне. Сверху прикрыл салом, потом дольки помидора, в конце притрусил луком и – в духовку! Оказывается, на Кипре тоже можно настоящее блюдо из украинского детства состряпать. Так бабушка Марта когда-то готовила. Объеденье! Правда, картошечка кипрская, сало белорусское, лук и помидоры опять же кипрские, но рецепт блюда – украинский, от бабушки. «Картошка от бабушки Марты» – назвал Мареев блюдо и стал ожидать, когда оно притомится и дойдёт в духовке. Хотел привезти на Кипр украинского сала, но обойдётся и белорусским. Сейчас белорусы по всей Москве открыли продовольственные лавки: мясные продукты, молоко, сметана, творог. Чего только нет там! Глаза разбегаются. Если всерьёз, ничем белорусское сало не отличается от украинского! В России оно не то, не совсем настоящее, жестковатое. Умеют делать этот национальный продукт братья-славяне. А вот поляки не умеют, а лучше сказать – не хотят уметь. купишь толстенный кусок сала на рынке, обязательно окажется польским; дряблое и мыльное какое-то. А всё потому, что химию добавляют в корм свиньям: вот и разбухают хрюшки, как тесто на дрожжах. Невкусно и опасно для здоровья, а сало из Польши прёт и прёт через таможню.

Картошка поспевала, когда явился вездесущий Михалис. В свои шестьдесят девять он даст фору любому молодцу. Всё успевает, всем нужен Михалис. Кому помочь по хозяйству, кому совет дельный дать, а кто-то ждёт Михалиса, чтобы вместе поехать на святую гору Афон. И Мареев, морская душа, ждал Михалиса – хотелось с ним под интернациональную закуску выпить украинской горилки. И посидеть, поговорить. Сколько времени не видел Мареев своего соседа-друга, страшно подумать, целых четыре месяца! Ровно столько он пробыл в Москве, сбежав от островной жары и африканской пыли. Вчера вечером Михалис, почувствовав, что Мареев вернулся, уже забежал на несколько минут, поздороваться.

После взаимных приветствий Мареев предложил Михалису отведать картошку от бабушки Марты.

– Михалис, поверь мне, это вкусно. И украинская горилка у меня в холодильнике припасена. Настоящая водочка, хоть и горилкой называется. У нас, у славян, картошка – национальная еда, а водка – национальный напиток. У вас в почёте виноградная зевания, а у нас водка.

– Капитан, извини, я на пять минут к тебе. В другой раз посидим-поговорим. Сейчас мне нужно ехать и навещать моего друга Ахмета.

– Ахмет турок?

– Да. В детстве и в юности дружили, а после войны не виделись ни разу.

– Что-то случилось? Михалис, ты ведь на турецкую сторону Кипра не ездешь.

– Больше сорока лет нога моя не ступала на землю, где турецкая зона. Дал зарок себе: пока не объединимся, не поеду туда. А теперь нужно. Ахмет позвонил, болеет сильно. Бойтесь, что умрёт и не свидимся.

Михалис уехал. Мареев не притронулся к картошке от бабушки Марты. Мысли разные в голову лезли и лезли. Кипр – небольшой остров, да разделён на две части: турецкую и кипрскую. Нет ничего страшнее, когда раздразнится. А ведь греки и турки всегда жили вместе – дом к дому, окно в окно. Многие помнят кровопролитие 1974 года. Что делили Турция и Греция? То же, что и много лет назад, – власть над островом. В итоге турки-киприоты стали жить на севере острова, а греки-киприоты – на юге. Со временем стихла боль обид и страданий, но не исчезла совсем. Поэтому так медленен процесс примирения. Разойтись всегда проще, чем потом сблизиться. Разорвали полотно, сотканное из нитей человеческих связей, и всё! Попробуй опять соединить все эти ниточки, да так, чтобы не было узелков-шрамов. Постепенно налаживаются связи между киприотами-турками и киприотами-греками. Граница стала открытой. И правда, что им делить? Было два народа – одно государство. А сейчас два государства на одном острове. Во время военного конфликта Михалис был на передовой, и Ахмет, видимо,

был там же. И вот на старости лет больной Ахмет зовёт друга детства, чтобы увидеться и попрощаться. А что он, Мареев? Два года не был на Украине. Зовут друзья, зовут родственники, земляки из села Дубовэ зовут. Но не все. Вот поэт Яровой из Острога – не зовёт. Звонит Мареев, а тот трубку не берёт. А когда удаётся дозвониться, то говорит нехотя, чувствуется напряжение в голосе. Ответы как шлепки и пинки. А раньше, помнится, часами по телефону стихи друг другу читали. Ярового можно понять: сына призвали на военную службу, вертолётчиком в зоне АТО на юго-востоке Украины служит. Конечно, тревожится, конечно, опасается. Ему сейчас не до поэзии. А Мареев в чём виноват? В том, что живёт в России? В том, что болеет сердцем и за Украину, и за Россию? В том, что не ругает ни тех, ни других? Никого Мареев не ругает, а только сожалеет. Сожалеет, что на Украине раздор. Сожалеет, что бедность пришла к его и раньше не богатым друзьям. Сами пишут, сами говорят, ждут помощи. И он, Мареев, чем может, помогает. А вот о политике не говорит с ними. Дал себе зарок. Потому что не знает, что сказать. Вот недавно земляк, живущий в Москве, рассказал две печальные истории. Его знакомая из Подмосковья позвонила сестре в Днепропетровск. Не успели поздороваться, как сестра тут же выдала: «Пока Крым не отдадите назад, не звони. Не сестра ты мне». И трубку бросила. А другая землячка, живущая в Донецке, убежала от войны к родной матери в Дубовэ, убежала вместе с мужем и детьми. Так нашёлся дурень, который заявил её матери: «Мы тебя на сходе будем разбирать, почему донецких привечаешь?» И что, по нему судить обо всех украинцах? Конечно, сельчане поставили его на место. Только женщина обиделась и уехала в Москву, где и устроилась на работу. «Сложно, ой, сложно восстановить порушенное!» – горестно восклицал Мареев, когда размышлял о событиях на Украине.

Настроение у него улучшилось, когда в фейсбуке обнаружил фотографии из прежней жизни. Их выложила поэтесса, переводчица и известная почитательница чешского лирика «Бехеровка» Лариса Громушкина. Весёлые

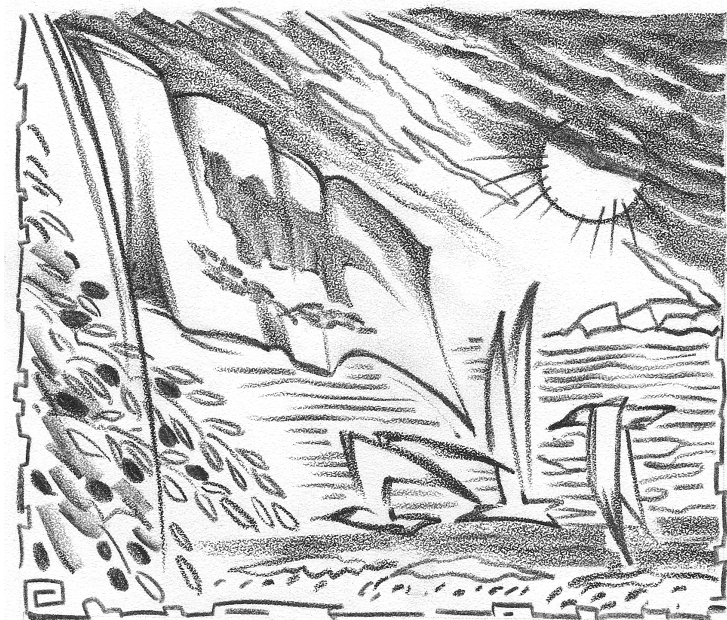
и беззаботные лица украинских поэтов, певцов, композиторов, и улыбающийся Мареев среди них. «Здорово было! Дом учителя в Киеве, Кременец, Почаев... Такое не забывается», – думал Мареев, преисполненный благодарности к Громушкиной за то, что не отказалась от былого, с течением времени обретающего черты былинности. А тут ещё композитор из Киева Ксения Хмельницкая прислала электронной почтой весёлую детскую песню «Солнечные зайчики», и грусть словно ветром сдуло.

Море всех привечает и принимает, независимо от настроения человека. Плохо – иди к морю, постоишь перед водной гладью, полюбишься летящими над водой парусами, и всё. На целый день будешь сам собою. Но море, бывает, и штормит. И тогда его энергия увлекает человека – хочется творить, совершать духоподъёмные поступки. Музыка моря, сливаясь с мыслями, способна поднять человека до самых небес. Мареев стоит на пирсе, подставляет лицо брызгам разбивающихся о бетонную стенку волн и радуется. Середина октября, тепло. Ему нравится шторм, когда ветер сбивает с ног на палубе, когда корабль носом зарывается в волну, чтобы потом, выныривая, вскарабкаться на следующий гребень. Ощущается сила корабля, способного противостоять стихии. Вспомнились слова из песни – скорее это ода настоящему морю и человеку, неразлучному с ним:

О море! Меня ты всегда привлекаешь
Всесильной любовью, безудержной страстью.
Меня ты тревожишь, меня покоряешь,
С тобою моё безграничное счастье.

О море! Будь вечно таинственной песней,
Моим откровеньем в тоске и печали.
Взлетаю, как птица, с тобой в поднебесье,
Стою пред тобою один на причале...

Высоко в небе перистые облака, предвестники штормовой погоды. Чайки планировали над морем, вторя ве-

тру такими знакомыми Марееву криками. Будет настоящий шторм. Будут грозовые тучи. Но на Кипре непогода долго не держится. Всё пройдёт. Небо очистится, и мир станет прежним. «Тонким, ласковым и нежным», – добавил Мареев вслух строчку из песни, кажется, Ларисы Громушкиной.

Вечером к нему опять пришёл Михалис, но уже вместе со смущённым Ахметом. Этот Ахмет схитрил и, чтобы выманить к себе Михалиса, придумал байку о недомогании. Теперь они втроём пили украинскую горилку, закусывали белорусским салом, в хлебнице лежал пахнущий тмином бородинский хлеб из местного магазина «Маленькая Русь». Гости оценили главное блюдо – картошку от бабушки Марты, а Ахмет даже тщательно записал рецепт в замусоленную записную книжку.

Можно ли было предположить ещё несколько лет назад, что Михалис поедет к своему другу на турецкую

часть острова, а потом вернётся с ним в Лимассол весёлым и счастливым? Что однажды вечером в Лимассоле будут сидеть за одним столом такие разные и такие похожие люди: грек-киприот, турок-киприот и украинец из России – морской капитан Мареев? Все меняется в этом мире, вожди приходят и уходят, а люди живут на этих берегах, как и тысячи лет назад.

Ночью была гроза. Ветер сломал верхушку большой туи, стоящей рядом с домом. Но дерево справится с этой травмой. Нижние ветки потянутся к небу, и оно будет жить дальше, хотя прежнего ровного ствола уже не будет. Так и человек всё выдержит, всё переборет, что бы с ним ни случилось.

Перебирая в памяти события последних лет, Мареев сидел на веранде, думал о том, что он родился и вырос в маленьком селе на Украине, а после окончания мореходного училища стал жить и работать в России. Любит Россию, где у него друзья и семья. Любит Украину, где у него тоже друзья и родственники. А сейчас раздор между двумя странами. Таких, как он, миллионы. И что ему делать со своей любовью? Разделить её невозможно. И как ему дальше жить без своей малой родины – села Дубовэ, где могилы родителей, где стоит пустой отчий дом? Жизнь на излёте, и кто вправе отнять у него эту любовь? Нет, ничего не выбросишь из памяти, ничего не забудешь, ни от чего не откажешься. А иначе зачем эта жизнь?

Распогодилось. Мареев ехал на такси в аэропорт, радуясь чистому небу и спокойному морю. И тому, что, по его расчётам, уже к вечеру он будет в украинском селе Дубовэ. Прилетит в Борисполь, возьмёт частника и через шесть часов снова окажется в своём далёком детстве, которое на все времена.

В аэропорту Борисполь Мареева встречали Лариса Громушкина с бутылкой «Бехеровки» и Ксения Хмельницкая с букетом белых хризантем. Как они узнали о его прилёте? Кто знает! Но прямо из аэропорта троица уехала в село Дубовэ, где Мареева ждал брат Вася и его многочисленное семейство.

Оскар и его друзья (Гостиница для собак)

Михалис проснулся в четыре утра. Посмотрел в окно на крону рожкового дерева, где на ветках чирикала воробьиная стая. «Ишь, ранние пташки! – подумал Михалис. – Радуются восходу, во как распелись!» Прокукарекал соседский петух. Чудеса, да и только! В центре Лимассола петух по утрам наяривает свои песни. А днём гордо ходит с тремя курицами во дворе дома и радуется всех своей необычной красотой. Крупная и красивая птица, перья бордового и синего окраса. Охраняет своих курочек и заботится о них. Разгребёт кучу охвостьев и тут же зовёт семейство, чтобы полакомились букашками. Врагов у петуха нет, кормёжки вдоволь. Чем не жизнь? А у Михалиса забот полон рот. Даже в субботу не поспишь подольше. И хорошо, что рано проснулся. Сегодня нужно собрать плодов кактуса на пять ящиков больше. Новый клиент объявился, богатый и щедрый. Вадим – грек по национальности, а родился и вырос в России, на кавказских берегах Чёрного моря. Он-то и попросил Михалиса доставить на яхту «Katrine» фрукты: к вечеру выходят в море с компанией гостей. Хорошо, что его жена Катерина с выдумкой – кактусов ей захотелось. У них на яхте большая холодильная камера для фруктов и овощей – не испортятся.

В июле-августе у Михалиса горячая пора: ранние сорта кактусов поспевают. Сочные кисло-сладкие плоды ждут в супермаркетах, в ресторанах. Можно неплохо заработать. Но и труд тяжёлый: на изнуряющей жаре снимать урожай нелегко, ведь кактус защищает себя многочисленными мелкими иголочками; чуть зазевался, они сразу впиваются в руку. Но Михалис очень осторожен и

работает в перчатках, хотя избежать встреч с почти неразличимыми колючками не всегда удаётся. Для него плоды кактуса – бизнес, а колючки – издержки производства. По весне и в начале лета он обильно поливает растения, а в июле и августе радуется урожаю. В пять утра он уже на ферме – в своём загородном саду, где вдоль русла высохшей речки у него несколько десятков кактусов разных сортов. До обеда наполняет плодами двадцать-тридцать ящиков и развозит по супермаркетам и отелям. Потом – отдых. А к вечеру новые хлопоты: работа дома, подготовка тары.

Завтракать не стал, сел в старенькую «тойоту» с прицепом и не спеша вырулил на трассу. Справа море, чистое и ясное, на горизонте сливается с более светлым синим небом. Кондиционера в машине нет, но Михалис чувствует, как приятная прохлада от моря разливается по телу. Обычно по пути на ферму он останавливается в тихой бухточке, где берег покрыт галькой, а на дне камни. Неудобно заходить в воду, зато какая чистая вода! В августе даже утром зной чувствуется в воздухе, а освежишься в море – и всё: другое настроение, другое ощущение жизни, другие мысли – радостные и светлые.

Сегодня искупаться никак не получится, работы больше, чем обычно. Свернул с трассы на боковую дорогу, ведущую в родовую деревню Пиргос. В Пиргосе останавливаться не будет; через три километра его ферма – загородный сад: оливковые деревья, кактусы да ещё кое-что помельче растёт. Основная забота Михалиса – оливы и кактусы, они его кормят, от них основной доход. Когда-то выращивал и клубнику. Хорошо дела шли – даже дочь и сына выучил в Америке с ягодных доходов. Но пришлось отказаться от клубники; мороки с ней очень много – постарел и перестал справляться. Но оливы и кактусы не оставит, нет, ни за что! Хотел построить домик на ферме и перебраться в него насовсем, но Элени воспротивилась – хочет в городе век доживать. Желание Элени для Михалиса закон. Он никогда не перечит жене и исполняет все её прихоти. А славненько было бы иметь домик

среди олив. Вода есть, электричество есть, воздух свежий, настоящий на цветах и травах. Огород можно завести: капуста, картофель, помидоры, огурцы, лук. И петух с курами. Эх, да что говорить! Но Элени сказала нет, значит, нет. Теперь и мечтать нечего об огороде и курах с петухом. Но кое-что из живности у него на ферме есть. Семь кошек! Живут и плодятся понемногу. Привозит им раз в неделю свежей говяжьей печёнки, специально покупает в мясной лавке. А вообще-то кошки сами себя обеспечивают пропитанием: охотятся на птиц и змей. Однажды Михалис наблюдал, как две кошки змею брали. Одна с хвоста стала нападать, а вторая с головы караулила. Здоровенная чёрная змея шипела, делала выпады то в одну, то в другую сторону, приподнимаясь над землёй. В какой-то момент передняя кошка кинулась и вцепилась зубами в затылок змеи, а другая – в хвост, и смешались в клубке и кошки, и змеюка. Потом кошки отскочили, а на земле осталось лежать обезглавленное тело змеи. Тихонько, без спешки вся кошачья семья интеллигентно стала поедать добычу.

На подъезде к ферме Михалис заметил коршуна, падающего вниз, видимо, на зайца или птицу какую. Тут же коршун опять взмыл вверх, чтобы повторить атаку. Вот повезло увидеть такую охоту! Пожалел, что фотоаппарата нет с собой. Представил, какой замечательный кадр мог бы получиться! И вдруг у него сердце ёкнуло: собака! Михалис прибавил газу и стал непрерывно сигналить. Небольшой пёсик на трёх лапах, поджав переднюю – увечную, пытался убежать от хищной птицы. «Попала под машину бедолага, – думал Михалис, – а коршун тут как тут, почувствовал лёгкую добычу». У него даже слёзы умиления выступили, когда щенок кинулся ему навстречу, ища спасения у человека. Подобрал пёсика, Михалис развернул машину и помчался к ветеринару Костасу.

К счастью, раны оказались не опасными. Повреждённую лапку перебинтовали, и щенок тут же радостно запрыгал на трёх здоровых. Беспородная собачонка, но какая симпатичная! Окрас – белые и коричневые пятна,

мордочка чёрненькая; белянким хвостиком так и вертит, пытаюсь понравиться.

– Михалис, умная собака у тебя! По осени, если натренировать, можно и на фазанов с ним охотиться.

– Служи, пёсик! Служи! – шутливо скомандовал Михалис.

Щенок вдруг возьми и встань на задние лапки, поджав передние. Глаза у него весёлые, озорные, так и прищипывается ему.

– Тебя как зовут, псина? – спросил ветеринар.

– Так я его только что нашёл у дороги, рядом с фермой. Спас его от коршуна. Молодой он ещё.

– Молодой, говоришь? Нет, он взрослый пёс, года три ему. Порода такая мелкая. Славная собачка. Оставь его мне, Михалис. Буду брать с собой в горы, на охоту. А называть его можно Найдёныш.

– Нет, Костас. Я уже прикипел сердцем к нему. Да и ферму будет охранять. Тебе я верю, но многие охотники оставляют собак в горах, и они там погибают от голода и холода зимой. А Найдёныш для него имя подходящее.

В тот день Михалис еле успел справиться с заказами на плоды кактуса. Много времени потратил на Найдёныша, но ни о чём не пожалел. И началась у него новая жизнь.

Где-то через неделю на ферму приехала дочь Агата.

– Папа, давай организуем гостиницу для собак. У меня подружки давно мечтают найти место, где можно было бы оставлять своих питомцев на день-два. Да и просто приезжать и проводить время вместе с такими же друзьями-собачниками. Поговорить, в кафе посидеть. Сделаем специальные площадки для выгула собак. Чтобы препятствия были, и с мячиком могли поиграть.

– А кто будет директором собачьей гостиницы? – пошутил Михалис.

– Ты, папа, и будешь. И приют сделаем для брошенных охотниками собак. Лечить будем и отдавать в хорошие руки.

– Агата, ты серьёзно? Гостиница, кафе, площадки для выгула. Приют для собак – дело, конечно, благородное,

но какие деньги на всё это нужны! Кредиты нужно брать. Окупятся ли?

– А мы откроем подписку. Кто подпишется, станет соучредителем. Поддержку у правительства попросим.

Мечты-мечты. Где такие деньги взять, чтобы гостиницу на пустом месте построить, да не простую гостиницу, а для собак? И кто поедет в эту гостиницу? Экономический кризис. Магазины закрываются. Предложений для сдачи в аренду помещений стало больше, чем желающих заняться бизнесом. Раньше в туристическом районе вечером на улице было не протолкнуться, столько людей гуляло, а сейчас не то. У людей денег на себя не хватает, не то что собак возить на отдых.

Через две недели позвонил Вадим и попросил привезти на яхту ещё кактусов, аж десять ящичков. Только вернулись из круиза по греческим островам и собираются на итальянский – Искию. Михалис отправился на яхту вместе с Найдёнышем. Как только пёсик увидел яхту, тут же бросился к трапу, радостно лая.

– Найдёныш, назад! Назад, кому сказал! Назад! – кричал Михалис.

На шум из рубки выбежала Катерина.

– Оскар, Оскар! Ах, мой хороший! Где же ты пропадал? Пёсик радостно прыгал вокруг Катерины.

Найдёныш оказался Оскаром, пропавшим в прошлую стоянку яхты в Лимассольской марине. То ли сманили собачку люди, от которых он потом сбежал, то ли увязался за случайной подружкой? По случаю чудесного возвращения Оскара Вадим организовал приём на яхте. Оказывается, однажды в море Оскар спас яхту от пожара – поднял лай, когда от оставленного в кают-компании подвыпившим гостем окурка чуть не случилась беда. Во время качки пепельница соскользнула со стола, и непогашенная сигарета попала на персидский ковёр. Оскар, учуяв дым, стал метаться по коридору и лаять, кидаясь на двери кают-компания. С тех пор Оскара зачислили в состав экипажа яхты «Кэтрин», и по приказу капитана Вадима Попандреу он стал юнгой.

– Юнга Оскар, служить! – скомандовал Вадим.

В ответ Оскар встал на задние лапки и начал пританцовывать, видимо, понимая, что от него требуется, и получая удовольствие от игры.

– Вот откуда у него выучка танцевать на задних лапках, – пошутила Агата, – капитан Попандреу приучил.

Тут же была объявлена подписка на участие в новом проекте – гостинице для собак «Оскар и его друзья». Записались все присутствующие на том вечере, а капитан Вадим Попандреу объявил, что берет на себя половину финансирования строительства гостиницы.

Через год собачья гостиница была построена. А на торжественном открытии случилось несчастье. Родители оставили спящую восьмимесячную внучку Вадима Попандреу в коляске под деревом, а сами присоединились к гостям. Откуда ни возьмись – гюрза. Тревожный заливистый лай Найдёныша, кинувшегося на защиту ребёнка, услышали гости, но помочь собачке не успели. Змея изловчилась и укусила её прямо в сонную артерию. Первым к Оскару подбежал Михалис. Пёсик бился в конвульсиях, а змея скрылась в кустах. Спасти Найдёныша не удалось. Михалис очень переживал его гибель, Агата предложила поставить при собачьем приюте памятник с надписью «Юнга Оскар».

Белый домик-гостиница «Оскар и его друзья» расположился на пригорке рядом с фермой Михалиса и виден издалека. Во дворе стоит памятник: на белом постаменте – Найдёныш на задних лапках, и кажется, что он сейчас спрыгнет на землю и начнёт носиться, радуясь, что к нему пришли его друзья. Но друзья не придут, кризис и в экономике, и в душах. Наскучила им эта забава: яхта «Katerine» и её хозяйка где-то на юге Франции, у них своя собственная жизнь, полная приключений и даже запланированных опасностей. Кому сегодня есть дело до брошенных собак? Только Михалису и Агате. Михалис тратит едва ли не всю выручку от продажи кактусовых плодов и оливкового масла на содержание собачьего приюта. А неугомонная Агата бегаёт по правительствен-

ным инстанциям и добивается субсидий и грантов на собачий приют.

– Агата, – сказал ей знакомый чиновник, – не трать время, ни своё, ни наше. Денег на приют в этом году не будет. Ожидается наплыв беженцев из Африки. А ты требуешь на корм для собак!

– А собаки в чём виноваты? Люди приручили их, использовали и бросили. Евросоюз должен помогать нам.

– Эх, – махнул рукой сердобольный чиновник. – Люди тонут сотнями, добираясь на утлых лодочках из Африки в Европу и спасаясь от войны. А ты – бездомные собаки.

Михалис – не правительственный чиновник, ему некогда думать о проблемах Евросоюза, ему надо кормить собак в своём приюте. Каждое утро он рано-рано встаёт, садится в старенькую «тойоту» и едет на ферму. Там на бетонном постаменте его ждёт Найдёныш и его настоящие друзья – бездомные собаки.

Однажды в предгорье Троодос...

(За секунду до обрыва)

Всё пройдёт, всё кончится...

А это не кончится никогда...

Серафим Саровский

На машину обрушился внезапный ливень. Стена воды. НА вдали, с левой стороны, в горах – молнии. Словно какие-то великаны собрались в небе над высокими вершинами Троодос и сражаются, пуская друг в друга огненные стрелы. И когда они промахиваются, то разят этим страшным оружием неповинные горы. А если пара-тройка великанов скатится с вершин сюда, в долину? А если кто-то из этих небесных страшилищ промахнётся и попадёт вместо своего врага в маленькую машину, что попытается прорваться сквозь стену воды? Неужели так просто и так ужасно может закончиться жизнь?

– Андрей, выключи мобильник! Немедленно выключи! Опасно! Эти чудища специально нас выцеливают, – испугалась Алёна.

– Чушь. Какие чудища? Это – гроза! Это – музыка стихии! Это – небесный оркестр! Звуки, звуки, звуки, литавры, тромбоны, трубы и скрипки! Они живые! Да здравствует гроза!

Русоволосый мужчина дурачился за рулём «мазды», дразня Алёну, словно юнец. Затем – отдалённый, словно из-за туч, камнепад стихов:

Казалось, что всесильный дирижёр
Настраивал таинственный оркестр:
Там, в небе грозном, громоздились тучи,
Сверкали молнии во тьме гремучей...

– Мне страшно. Давай заедем в деревню. Переждём грозу в таверне.

Вдруг раздался взрыв, сопровождаемый переливами с грохотом и треском. В это же мгновение мир осветился ярким, слепящим глаза и сознание светом. И опять темнота. Только слабое свечение фар машины пыталось пробить толщу воды и тьмы. Девушка на переднем сиденье сжалась в комочек, закрыв лицо руками.

– Дурашка. Не бойся, я здесь, всё будет нормально. Найдём деревню. Скоро приедем, – убеждал Андрей, поглаживая её руку.

Впереди что-то мелькнуло, и он почти инстинктивно вдавил тормозную педаль в пол. Машина так резко остановилась, что не будь Алёна пристёгнута ремнём, она влетела бы в лобовое стекло.

– Что случилось? Почему ты остановился?

– Там что-то было.

– Где?

– Впереди был человек или зверь! Может, мы его сбили?

– Надо выйти. Помочь.

– Подождём. Немного подождём.

Зачем он свернул на эту боковую дорогу? Никакой деревни тут нет. Позади оживлённая трасса Пафос – Лимассол. Послушался Алёну и поехал искать таверну. Где деревня? Где таверна? Может, ему показалось?

– Алёна, поищи фонарь.

В свете фар появилась сгорбленная фигура в плаще с капюшоном. Андрей открыл дверь и крикнул:

– Кто вы? Вас подвести?

– Подвези, мил человек. Мне здесь недалеко, – ответил незнакомец по-русски.

Не хотелось впускать в салон чужого человека, да ещё и в мокром плаще, но не оставлять же его под дождём. По голосу Андрей догадался, что перед ним старик, да ещё и земляк. Здесь, на Кипре, на затерянной дороге, встретить в грозу соотечественника и не помочь?

– Садитесь в машину. Здесь и поговорим.

Человек, по-стариковски кряхтя, забрался в салон и откинул капюшон. Вспышка молнии осветила белую бороду, седые волосы, ниспадающие на плечи, худое лицо и молодые синие глаза.

– Спасибо, мил-человек. Мне недалеко. Впереди за поворотом домик стоит.

– А таверна там есть? Нам бы дождь переждать. Льёт как из ведра! Громы, молнии. Алёна испугалась, бедная.

– У меня переждёте непогоду. Я чайком напою, на травах. Дождь хоть и сильный, но скоро кончится.

– Извините, как вас зовут? Вы русский? Что в этой глуши делаете?

– Серафим я. На все Божий промысел.

– Показывайте дорогу, уважаемый, – попросил Андрей, дивясь странным словам старца.

– Ты всё сам увидишь, Андрей! А вы, Алёна, не пугайтесь. Дождик – Божья благодать, а для Кипра особенно. Здесь ценят воду. Без дождика и птахи не поют.

Андрей вёл машину осторожно, с опаской всматриваясь в дорогу. Дождь лил с той же неистовой силой, небо громыхало, молнии сверкали над Троодосом.

«Откуда дед знает моё имя? Я ведь не успел сказать», – подумал он вдруг, а вслух промолвил:

– Меня Андреем зовут. А вас как по отчеству?

Не успел закончить фразу, как старик ответил:

– А ты зови меня просто отец Серафим. Не надо по отчеству.

– Как же вы, отец Серафим, в такую погоду на дороге оказались? – подала голос Алёна.

– Я привычный. Вас жалко. Испугались? А не надо бояться. Господь всё видит и никогда не оставляет в беде страдающих. Вы могли съехать с дороги, а там дальше обрыв.

Впереди справа показался тусклый огонёк.

– Огонь впереди. Нам туда? – спросил Андрей.

– Туда-туда, мил человек. Лампадка моя. Деревянное маслице и фитилёк.

– У вас здесь электричества нет? А как же зимой? Как пищу готовят люди? – удивилась Алёна.

– Печка у меня. В чугушке варю. И тепло от печки. А электричество мне без надобности.

Подъехали к домику. Небольшой, «в лапу» сруб. Некрашенные брёвна. Дверь тёмная, низкая. Окошечко – совсем как для детей. Домик будто перенесли из далёкой русской деревушки, затерянной среди глухих лесов. Откуда на Кипре такой домик-сруб?

Внутри оказалась опрятная комнатка, и посреди – русская печка. В красном углу – иконы. На столе из тёсаной доски – самовар. Гости сели на лавку. Горела простая лампадка, огонёк ровнёхонький, чистый, без копоти, спокойный.

Отец Серафим снял плащ, повесил его на крючок возле двери. Плащ был абсолютно сухой. Как же так? Они с Алёной пять шагов от машины пробежали под дождём и промокли до нитки. Что-то здесь не то. Дед в белой, длинной, до пят, холщовой сорочке. На шее деревянный крест на кожаном шнурке.

– Угощайтесь, добрые люди, чаем. И мёд кушайте.

Каким-то чудным образом на столе оказались белые чашки и мёд в деревянной плошке. От разлитого отцом Серафимом чая по комнате пошёл терпкий аромат позднего лета. Такой чай Андрей пил у бабушки в деревне в Тверской губернии. Он помнил траву, которую бабушка заваривала. Иван-чай! Синие цветочки на высоком и тонком стебле. На солнечном пригорке собирали с бабушкой Матроной.

– Как хорошо пахнет, – не удержался Андрей. – Аромат лета, деревни.

– Аромат Руси, – добавила Алёна.

Она подошла к углу с иконами, три раза перекрестилась с поклонами.

Отец Серафим стоял у печки и с улыбкой смотрел на своих гостей.

– Бабушку Матрону вспомнил, мил человек. Она у тебя хорошая.

– Вспомнил. Бабушка поила меня таким чаем в детстве.

Андрей не понимал, почему он разговаривает со стариком о бабушке, которую отец Серафим не мог никогда видеть и которой давно уже нет на этом свете. Ему самому уже тридцать исполнилось. Рядом жена Алёна, это их свадебное путешествие на Кипр.

Андрей говорил и говорил о бабушке Матроне и не мог остановиться. Вспомнил, как в детстве родители отправляли его в деревню и как он ждал этих поездок. Оставался там на целое лето. Ходил с ней травы собирать. И разговаривала она с ним всегда как со взрослым.

– Андрюша, как ты думаешь, дождь будет сегодня? – с утра спрашивает бабушка.

Сколько ему лет было? Только в школу пошёл. А он степенно отвечает:

– Она ласточки как низко летают. И тучи над лесом, куда солнце скатывается, появились. Будет небось.

– Ах ты мой приметливый. И я так считаю.

Бабушка пришла на память, и где он её вспоминает? В горах на Кипре, в домике русского старика, который назвался отцом Серафимом! Странная встреча – ночь, гроза, и вдруг невесть откуда появившийся старик.

Утром светило яркое нежаркое солнце, как бывает в начале ноября на Кипре. Горы Троодос на фоне голубого неба казались такими близкими, хотя до этих вершин ехать и ехать. Они опять на дороге в Лимассол, петляющей среди виноградников и огороженных пастбищ для коз и овец. Белые кипрские козы пощипывают травку. Что они находят на этом выцветшем от жаркого солнца горном плато?

Вдруг почти неосознанно Андрей остановил машину.

– Андрюша, что? Почему ты остановился?

– Мы здесь уже были. Вчера вечером, когда была страшная гроза, мы здесь остановились.

Он вышел из машины и шагнул в сторону от дороги.

– Смотри, Алёна! Вот остались в глине следы от протектора. Это наши следы! Я здесь резко затормозил. А дальше – обрыв!

Андрей стоял на краю пропасти. Как молния, мелькнула в голове картинка: ливень, взрыв в небе, испуг Алёны, и он сворачивает с трассы на боковую дорогу, чтобы переждать непогоду в деревенской таверне. Сколько он ехал по этой грунтовой дороге? В какой момент он свернул в сторону пропасти? Ещё несколько метров, и...

– Алёна, ты помнишь, что потом было? Старик, русский сруб. Чай на травах.

– Я помню икону Божьей Матери в углу, – тихо сказала Алёна.

– А что было потом? Где мы ночевали?

– Не помню.

– Как же мы сюда забрались? Море и трасса далеко внизу!

Они ещё какое-то время молча постояли у обрыва. Неожиданное приключение в свадебном путешествии. Они были на волосок от смерти! Старик их спас, отвратил от беды и приютил в своём домике на ночь.

«Но почему я ничего не помню? Как уезжали утром от старика, не помню», – не мог избавиться от мысли Андрей.

– Алёна, давай вернёмся назад? Найдём домик старика. Поблагодарим его. Купим ему в ближайшем селении еды.

– Не надо, Андрюша. Не надо возвращаться. Мы ничего не найдём. То был святой Серафим Саровский. У нас дома икона с его ликом. Когда в небе страшно загрохотало, я «Отче наш» читала и к преподобному Серафиму обращалась за помощью, чтобы он молил Бога о нашем спасении.

– Но как же...

– Не говори ничего, Андрюша. Давай ещё немножко помолчим и поедем.

Потом в машине Алёна тихо прошептала мужу:

– Святой Серафим спас нас и нашего ребёнка. Я беременна.

По просьбе Алёны на въезде в Лимассол Андрей остановился у величественного храма святых Арсения и Паи-

сия. Поставили свечки за здоровье близких, всех, кто находится в дороге, и за упокой души бабушки Матроны.

Андрей не послушался Алёну и пытался узнать у кириотов о русском старике Серафиме, живущем в древнем срубе в предгорье Троодос. Ему объясняли, что в том месте никаких домов нет, кроме сторожек пастухов. Он долго раздумывал над тем, что произошло той грозовой ночью. Прозрение придёт много позже, когда Андрей с женой станет бывать на службе в храме преподобного Серафима Саровского в Москве, узнает о жизни и пророчествах великого старца и воспримет его наставления сердцем.

* * *

В августе месяце следующего года, впервые за все лето, над Москвой разразилась гроза с громом и молниями. К утру погода успокоилась. Андрей стоял перед роддомом на Воробьёвых горах с букетами красных роз. Небо было ясное и чистое, как после грозы в предгорьях Троодоса. Лучи восходящего солнца пали на клумбу с ярко-белыми флоксами, отражаясь в их лепестках тысячами искр. Ещё вчера покрытые московской пылью и прибитые жарой деревья казались неприглядными и серыми, но сейчас листва была ярко-зелёной. Парк преобразился: липы, клёны, берёзы словно оделись в новые нарядные платья.

В семейном альбоме Андрея и Алёны хранится фотография: счастливая Алёна, Андрей с двумя новорождёнными детьми в голубом и розовом конвертах, две медсестры с букетами цветов. У больничного подъезда – белые сверкающие флоксы, а в конце аллеи виднеются золотистые купола небольшой церквушки, где позже крестили двойняшек. Мальчика нарекли Серафимом, девочку – Матроной.

Стелайос из селения Пиргос

Какая на Кипре осень! Великолепная! Не то что в России, где она то блистает всеми красками под лёгкими солнечными лучами, а то пролётётся долгим и нудным холодным дождём. Здесь, на острове, осень фактически является продолжением лета, когда жара уже не такая жестокая, как в августе, а море тёплое и спокойное. Но есть и другие приметы кипрской осени: виноград поспел, яблоками нового урожая завалены все палатки вдоль улиц. В ноябре к вечеру в небе начинают появляться тучи, ветерок нет-нет да и всколыхнёт мирно дремлющие пальмы. И оливы. Оливы – одно из основных богатств острова. Первая волна урожая этого удивительного дерева подступает, захватывая всех. Оливки чёрные, оливки зелёные, солёные, оливковое масло, пироги с оливками. Эх, да что и говорить – ни одно застолье на Кипре не обходится без оливок на столе.

Стелайосу исполнилось девяносто два года, возраст солидный даже для кипрских долгожителей. Есть ещё мечты, не потерял интерес к жизни, но годы берут своё, ой как берут! Так хочется отправиться на участок с оливковыми деревьями и поработать, как бывало, – с удовольствием и в радость. Да куда там! Сила уже не та! Михалис сейчас следит за садом. С утра отправился собирать урожай с вековых олив. Прапрадеды жены Стелайоса посадили эти деревья. Его мысли перекинулись на Элени, вспомнилось то далёкое время, когда они познакомились, а потом и поженились. И вот уже, считай, семьдесят лет вместе. Элени восьмерых детей родила ему. Последнего сына Бог дал, когда Стелайосу было пятьдесят лет. Михалису сейчас пятьдесят, он шестой ребёнок. До него

был первенец Евгениос, потом дочери Кириаки и Мария, сыновья Андреас и Хераклеидес. После Михалиса ещё два мальчика – Полидорус и Христос. Все дети хорошие, но Михалис особенный: любит землю, берётся за любую работу, и всё у него получается. Невысокого роста, сильный, выносливый. Стелайос невольно улыбнулся от приятных мыслей об Элени и детях. Но, мелькнув на лице, улыбка тут же сошла, и он призадумался. Хозяйство в порядке. Земля разделена между детьми. Церковную кассу вчера вечером проверил, все сошлось до последнего пени. Стелайос уже много лет является церковным старостой селения Пиргос и старается очень тщательно вести дела. А как же иначе? Допустишь оплошность, и как потом людям в глаза смотреть! Нет, за многие годы он не сделал ни одной ошибки. Но есть одно маленькое дело, которое его тревожит: вешалка для одежды. Старая сломалась неизвестно отчего: крепкая была, из ствола оливкового дерева выточена, держалась на клиньях, вбитых в кирпичную стену. Его дед когда-то давно её смастерил. И вот ночью дерево треснуло аккуратно по месту отверстия для среднего клина. Утром обнаружил, что две половинки вешалки болтаются на колышках, а одежда на полу валяется. Расстроился Стелайос. Ему казалось, что это его жизнь сломалась, и дальше уже неизвестно, что будет. Всё когда-то кончается.

Он посмотрел на новую вешалку, купленную в Лимасоле. Посмотрел с неодобрением. Ишь ты! Фабричная! А других сейчас и не найдёшь! Разве что самому сделать, но уже, наверное, не успеет. А новая лежит вот в пластиковой упаковке, аккуратно, поверхность тщательно отполирована. Вроде бы и красивая, но неживая какая-то. Старая была более грубой ручной работы, к ней и прикасаться было приятно. И сучок был посередине. Она была близкая ему, родная. С годами древесина потемнела, и сучок внутри слегка шевелился, когда Стелайос нечаянно дотрагивался до него. Отжила своё, отжила, и ничего здесь не поделаешь. Но не оставлять же дом без вешалки, вот и нашёл ей замену. Надо повесить на стенку, а руки как-то и не поднимаются. Может, старую отремонтиро-

вать? Нет, сломалась так сломалась, на свалку пора. Или в чулан отправить её? Глядишь, эти два куска оливкового дерева ещё для чего-то ему пригодятся. Подумал и горько усмехнулся. Ему – вряд ли, разве что Михалис найдёт куда пристроить.

Отбросив в сторону все сомнения, Стелайос достал новую вешалку и примерил к стенке. Тут же с негодованием остановился. Надо сверлить новые дырки. Напридумывали всё крепить на стальных петлях! Нет уж, он лучше попросит Михалиса приехать и просверлить три дырки в самой вешалке, а потом навесят её на старые деревянные колышки.

В обед позвонил Михалису, но тот не сразу согласился приехать.

– Отец, можно я завтра приеду и всё сделаю? Сегодня мне нужно закончить оливки собирать.

– Нет, Михалис, мне нужно сегодня. Приезжай после работы.

– Хорошо, отец! Я постараюсь ближе к вечеру быть у тебя.

На том и порешили.

К заходу солнца Михалис приехал к отцу с электрической дрелью. За пятнадцать минут сладили дело, и новая вешалка была прикреплена к стене! Стелайос отправился отдыхать, а Михалис поехал в Лимассол, домой – к жене Элени. И мать, и жена – обе Элени! Распространённое на Кипре имя. Не успел помыть руки, как раздался звонок из Пиргоса. Звонила сестра Мария:

– Михалис, приезжай, отцу плохо!

– Что ты? Не выдумывай! Я только что был у отца. Полчаса назад. Мы вешалку новую прикрепили в коридоре.

Потом оказалось, что Стелайос уже отошёл в мир иной, сестра не захотела Михалиса пугать по телефону.

Собрались все братья и сёстры, мать в траурном одеянии горестно молчала. На семейном совете решили, что

Михалис возьмёт на себя хлопоты о похоронах Стелайоса. А расходы потом поделят на всех. Утром Михалис отправился к священнику отцу Георгию, чтобы договориться о могилке на кладбище.

– Место уже есть, Михалис! И за него уплачено, – сказал отец Георгий.

– Как так? Кто заплатил? Братья и сёстры меня просили сделать это.

– А сам Стелайос. И место себе выбрал.

Михалис вытер повлажневшие глаза, благодарно обнял отца Георгия и протянул ему приготовленные деньги за поминальную службу. Но тот отказался принять деньги:

– Стелайос внёс в кассу церкви деньги на поминальную службу и во время похорон, и на десять лет вперёд. Не надо денег, Михалис. У тебя был очень хороший отец, который всё предусмотрел. Стелайос и за памятник уплатил мастеру Ионису.

Когда Михалис шёл из церкви в дом отца, к нему подходили сельчане и выражали своё сочувствие. Вспоминали, каким отзывчивым и справедливым был его отец при жизни. Никогда не пропускал праздничные службы в церкви. И как он, будучи старостой при церкви, на протяжении многих лет добросовестно и аккуратно вёл церковные дела.

– Я одолжила у Стелайоса пятнадцать фунтов, так к концу месяца я верну тебе долг. Верну, как и договаривались с твоим отцом, Михалис, – сказала старая Павлина, соседка.

– Не надо возвращать, – попытался отказаться Михалис.

– Нет-нет. Что ты! Мне обязательно надо долг вернуть, иначе что я скажу Стелайосу, когда встретимся там, на небесах?

На похороны пришло всё село. Прощались и вспоминали о его делах и поступках при жизни. И у каждого нашлось доброе слово для Стелайоса, который всю жизнь прожил в селении Пиргос, никуда не выезжая за преде-

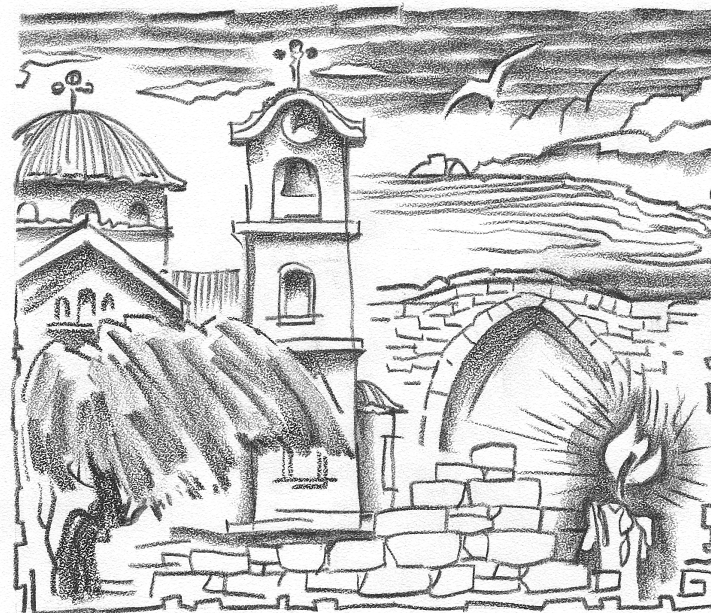
лы острова, и оставил после себя восьмерых детей, таких же трудолюбивых, как и сам. В честь отца Михалис и его жена Элени назвали сына Стелайосом. Дочь – Агатой, в честь прабабушки, матери Стелайоса. Киприоты помнят своих предков и почитают их. Так принято: из поколения в поколение передаются имена, как наследство, как память о тех, кто является основателем и продолжателем рода.

Мы приехали с Михалисом в деревню Пиргос и пришли на старинное сельское кладбище. На могиле его отца лежала мраморная плита с православным крестом у изголовья. На плите белыми буквами надпись:

«Здесь упокоился Стелайос из селения Пиргос.
1904 г. – 1996 г.»

И ничего больше. Такова была воля Стелайоса из селения Пиргос, что располагается недалеко от города Лимассол на легендарном острове Кипре.

Затем мы поехали в оливковую рощу Михалиса. Какое это удивительное место! Стелайос оставил Михалису в наследство двенадцать скалосов земли в трёх километрах от деревни, на берегу реки. Один скалос – это примерно полторы тысячи квадратных метров, так что у Михалиса есть что оставить своим детям. Самое дорогое на этой кипрской земле – сама земля и растущие на ней оливковые деревья. Когда зимой идут дожди, река наполняется водой, стремительный поток несёт с собой поваленные деревья, камни, песок. Но заканчивается сезон дождей, и река пересыхает. Слева и справа от долины – невысокие горы, вдали виднеется море. Я смотрел на древние оливковые деревья, которые помнят и старика Стелайоса, и его предков. Благодаря труду многих поколений киприотов старые оливы каждую весну цветут и каждую осень плодоносят. Ведь даже такие долгожители требуют ухода и внимания к себе. Рядом с ними стоят молодые деревья, посаженные Михалисом. Несколько сотен лет спустя,

уже в почтенном возрасте, они будут всё так же стоять здесь и смотреть спокойно и снисходительно на окружающий их мир. Наверное, так и будет, если мы будем жить в согласии с собой и с этим миром, так, как жил Стелайос из селения Пиргос.

Через год я опять побывал в тех местах, и Михалис с гордостью показал мне довольно массивный мост через русло реки, который он построил своими руками из камня, заготовленного когда-то Стелайосом. Мост вписался в природу, словно он стоял здесь всегда под высоким бирюзовым небом, в царстве великолепной кипрской осени.

Наступило время сбора оливок – всё повторяется, и всё продолжается.

Мой девятый вал

Посвящается Михалису из селения Пиргос

Иногда бывает так стыдно за другого человека, что места себе не находишь. Майор Катеринчук метался из угла в угол по комнате и терпел сварливые упрёки жены. Терпел, потому что ему нечего было сказать. Жена была права: её плащ украли. Из прихожей исчез, пока она была в отпуске. А ключ от квартиры он тайно от жены давал другу.

– Когда укладывала вещи в чемодан, я хотела взять плащ с собой в отпуск, а потом подумала, что не нужен он летом в Сочи. Подержала в руках и повесила на место. Ты помнишь, Саша, мой белый плащ?

– А чего его помнить?

– Где он? Я тебя спрашиваю, куда делся плащ? Вот здесь висел, на крючке, ближе к двери. Что молчишь?

Как ни кипятилась жена, он молчал. Ему было и стыдно, и обидно. Ведь сразу после отъезда Анфисы в отпуск друг приехал в Южно-Сахалинск с концертной бригадой. И раньше приезжал. Игорь Полетаев был известным музыкантом, а он, майор Катеринчук, всегда артистов курировал от управления внутренних дел. Вот так познакомились и сошлись с Полетаевым лет пять назад. На рыбалку тогда ездили. Взяли двух молодых скрипачек из оркестра и поехали. Знатная получилась рыбалка, благо рыбу заранее ребята наловили и оставили в кукане на реке. Погуляли что надо, а после в гостиничном номере скрипачка Оля играла ему на скрипке слезливые мелодии.

Голос Анфисы не утихал:

– Пока я в санатории, ты тут с девицами развлекался? Вот и увели мой плащ! Или сам, подлец, отдал?

– Анфиса, прекрати ерунду молоть. Ты же знаешь, что я во время твоего отпуска был на Курилах. Я вчера приле-

тел, а ты за день до меня заявила. И вообще про девиц. Ну поймей совесть! Столько лет вместе, а хоть раз слух какой-нибудь, сплетня докатились до тебя?

– Вот именно – не докатились, потому что – милиционер. Всё предусмотрись. А здесь недоглядел, как девица плащ утащила.

– Анфиса, у нас из-за слухов увольняют.

В сердцах хлопнув дверь, Катеринчук отправился на службу. А что ещё? Не виноват, и всё. Пока был на Курилах, квартирой пользовался Полетаев. Зря оставил ему ключ! Точно, всё было так, как Анфиса говорит. Привёл какую-то шалаву, а та, уходя, смела плащ в сумку. А может, просто надела и пошла себе под дождик в четверг? Вот как с бабами! Не води кого ни попадя в квартиру! Статакался с Виолой-пианисткой, любовь, видите ли, у него! Нет, Виола не взяла бы плащ. Этот проходимец, видимо, не удержался и какую-то местную профуру привёл? И, главное, соврал глазом не сморгнув. Ведь вчера, когда ключ отдавал, благодарил за всё хорошее и сказал, что решили с Виолой свадьбу сыграть. Вот гад!

Утром Катеринчук направился в гостиницу, зная, что оркестранты улетают вечером. Полетаев встретил его радостно:

– Хорошо, Александр Иванович, что зашёл попрощаться. А то я хотел к тебе домой сам забежать. Вот армянский коньяк для тебя приготовил. Одна экзальтированная дамочка вчера презентовала после концерта.

– Не та ли, что плащ моей Анфисы увела? Просил же тебя, чёрта, никого не водить. Что тебе, мало Виолы? А говорил, любовь у вас.

– Да ты что, Александр Иванович, белены объелся? Никого я не водил к тебе на квартиру. С Виолой два раза всего были, и то просто чайку в домашней обстановке захотели попить. И даже не ночевали ни разу.

Не поверил Катеринчук Полетаеву. Разругался с ним. Отклонил деньги, которые Игорь предлагал за плащ:

– На кой мне твои деньги? Я сам тебе денег могу дать. Из-за тебя у нас с Анфисой всё рухнет. И про тебя я ей

сказать не могу. Ещё хуже будет. Скажет, что всяким проходимцам ключи от квартиры доверяю.

– Спасибо, Александр Иванович. Друг называется. В проходимцы меня записал. Не ожидал от тебя такого. Когда-нибудь прояснится эта тёмная история. Вспомнишь, что наговорил мне сегодня, и пожалеешь. Стыдно будет.

Настроение было хуже некуда. Чего он завёлся? Не тряпки этой ведь жалко. И чёрт с ней, с Анфисой. Не первый раз докапывается до него. Может, сама кому-нибудь плащ отдала? Нет, не может быть. Зачем Анфисе такие сложности? Это всё Игорь. Обидно друга терять.

После обеда пошёл принимать зачёты у студентов-заочников. Со злости завалил нескольких, что на него было непохоже. Сам когда-то заочно учился, а потому всячески старался студентам помогать. А всё одно к одному. Скандал с Анфисой, неприятный разговор с Игорем и отвратительная погода: небо затянуло тучами, мелкий моросящий дождь и – несахалинская жара. Сейчас бы поехать на Охотское побережье, в море окунуться. Но кому тогда сидеть и слушать вымученные ответы заочников?

К столу подошёл очередной великовозрастный студент, лет под сорок. На сегодня – последний. Высокий, глаза близко поставленные, острый взгляд. «Определённо нерусский», – подумал Катеринчук. Он сам был родом из Хмельницкой области и привечал выходцев с Украины. Но за все годы не было студентов, приехавших из родимых мест.

– Ну что, Всеволод Иванович Мареев, тёзка мой по отцу? Давай поступим так: я тебе задаю один вопрос. Отвечаешь, и ставлю зачёт. Если не хочешь, буду спрашивать долго и как следует. Согласен?

– Согласен, Александр Иванович.

– Итак, дай мне полное и развёрнутое понятие преступления. И всё.

К его удивлению, Мареев не спеша и чётко, своими словами очень толково ответил на вопрос.

Катеринчук с интересом посмотрел на него.

– Ты первый, кто дал правильный ответ на этот в общем-то простой вопрос. На сложные наш контингент отвечает, а что такое преступление – не знают.

– Рассказывал, как понял.

– Ладно. Зачёт тебе ставлю, как договорились. А скажи мне, как бы ты оценил такую ситуацию? Жена уехала на курорт, муж – в командировку. Ключ от квартиры муж оставил другу, заезжему из Москвы артисту. Жена вернулась и обнаружила, что из прихожей исчез её любимый плащ. Как ты, будущий юрист, думаешь, можно ли привлечь к уголовной ответственности заезжего артиста за хищение плаща?

– Конечно, нет. Во-первых, муж-лопух сам дал артисту ключи от квартиры. Во-вторых, добро по акту не передавали, не принимали. В-третьих, я не думаю, что там имел место факт хищения.

– Насчёт лопуха ты прав. Но! Плащ был и исчез. Что это, если не хищение?

– Может быть, и хищение, но, скорее всего, фигуранты – другие.

Катеринчук разинул рот от удивления. Ничего себе фрукт этот Мареев!

– Откуда ты такой?

– Из Украины.

– Скажи ещё, что из Хмельницкой области.

– Именно. Село Дубовэ Изяславского района.

– Так ты, как и я, украинец? А чего скуластый такой?

– Мать – украинка. А отец – волжанин. Служил недалеко от нашего села. Женился на матери, а в войну погиб.

– Во как! Целая история, брат. Пойдём ко мне. Посидим, отца твоего помянем.

Катеринчук обрадовался. Только что потерял друга Полетаева и тут же обрёл земляка.

С этой истории началась многолетняя дружба двух земляков: Катеринчука – майора милиции и Мареева – капитана дальнего плавания.

Прошло много лет, Мареев уже жил в Москве, а Катеринчук – в Киеве. Но позванивали друг другу и встречались при наездах Мареева в Киев. Конечно, друзья не забывали историю их знакомства.

В Москве Мареев познакомился с известным художником Виктором Лучко. Ему нравились наполненные

светом работы мастера. Мареев повесил в своём кабинете его картину «Мой девятый вал». На ней морская волна слегка зеленоватого цвета вздыбилась, и кажется, что этот неукротимый вал сметёт всё на своём пути, в том числе и тебя, наблюдающего её бег. Но страх сменяется восторгом перед этой мощью, и возникает чувство, что эта волна наполнена каким-то внутренним светом. Он придаёт этой страшной силе хрупкость и уязвимость. Ещё миг, и разрушится светящееся чудище, превратится в брызги, и ничего не останется, кроме света. Мареев любил смотреть на эту картину, испытывая необъяснимое чувство восторга. Ему ли не знать, что такое девятый вал? Бывали случаи, когда суда переворачивались и тонули, встретившись с волной-убийцей. Художнику удалось показать морскую стихию на исходе силы. «Вот так и человек, – думалось Марееву. – Иной представляется несокрушимой глыбой. А нет! Какая-нибудь мелочь, ерунда случается, и ты видишь человека с другой стороны – жалким и слабым».

Вспомнилась Марееву давняя история с плащом, которую ему рассказал Катеринчук. «Ого-го-го, в какие глубины прошлого меня занесло, – подумал он. – Коль занесло, то, считай, сигнал старости». А ведь никогда он больше не говорил с земляком о случае с плащом. Хотя постой-ка, ведь Катеринчук вскоре после их знакомства ушёл от Анфисы. Взбалмошная баба была. Доставала-доставала мужика своей ревностью, вот он и ушёл. А и к лучшему. Женился вскоре на хорошей дивчине.

Как-то Лучко пригласил Мареева на свою персональную выставку. Здесь же был «Мой девятый вал», художник попросил у него картину на время.

– Что ты стоишь перед этой работой? – спросил его подошедший Виктор. – Неужели дома не посмотрелся?

– Эта волна вызывает у меня разные чувства. Не понимаю, как тебе удалось показать силу и слабость одновременно. Ты так замыслил или случайно получилось?

– Нет, не так. Я был там.

– Где там? В море?

– Нет, я не моряк. Но когда я писал картину, я был внутри. Мне казалось, что я на утлом челне, а эта громадина

на меня накатывает и вот-вот накроет. Я молился о спасении. Сложно объяснить. Воображение, перевоплощение, послание с Небес... Кто его знает, что происходит с художником... Конечно, я видел волны наяву, правда, с берега. Но Айвазовский тоже не был моряком, знаешь ли.

Мареев ещё долго ходил по выставке. Теперь он рассматривал работы уже по-другому, под впечатлением услышанного от художника.

Назавтра Лучко явился с просьбой одолжить сто тысяч рублей на презентацию выставки в Париже. В сейфе лежала ровно такая сумма. Давать займы не хотелось, так как скоро сам должен был в отпуск поехать, но и отказать другу не смог. «Дам пятьдесят тысяч, – подумал Мареев, – а остальные ещё у кого-нибудь перехватит».

– Так у меня только пятьдесят есть, Витя.

– Не хватит мне, придётся ещё где-то искать. Даже не знаю, у кого просить.

Марееву вдруг стало стыдно.

– Подожди, я вспомнил, есть ещё деньги!

Он дал приятелю нужную тому сумму, испытал при этом чувство облегчения, что не поддался первому желанию, не пожадничал.

Прошло ещё полгода, и ему позвонил из Парижа Лучко.

– Всеволод Иванович, как ты? Не ругаешь меня?

– С чего это я тебя ругать должен?

– Да я с долгом затянул, но завтра Людмила зайдёт к тебе и вернёт. Спасибо, ты меня так выручил.

– Подожди о долге. Как выставка твоя в Париже?

Но Виктор не стал рассказывать, а пообещал привезти и подарить каталог, добавив, что при встрече за рюмкой поговорят.

Людмила, вечно озабоченная делами мужа-художника, примчалась к вечеру следующего дня и тут же, торопясь, вручила Марееву пачку денег.

– Вот пятьдесят тысяч, Всеволод Иванович. Спасибо. Побегу. Мне ещё кучу дел надо сделать. Завтра уезжаю к Виктору в Париж.

Мареев недоумённо посмотрел на Людмилу:

– А вторые пятьдесят потом, когда Виктор вернётся?

– Какие вторые? Витя брал всего пятьдесят! У меня записано, – и она посмотрела свои записи в толстой тетради. – Вот здесь: «Мареев – пятьдесят тысяч».

– Э-э-ээ... Даже не знаю, что сказать. Ведь я не тебе, Люда, одалживал, а Виктору.

– А мы ему сейчас позвоним.

Людмила быстро набрала по мобильнику номер телефона и спросила:

– Витя, сколько ты должен Всеволоду Ивановичу? Пятьдесят тысяч. Ага! И у меня так и записано.

Мареев даже покраснел от стыда. Перед глазами стояла картина, как он отдаёт Лучко сто тысяч, а тот пересчитывает и благодарит его. Он пробормотал что-то Людмиле, и та, наскоро попрощавшись, убежала.

Мареев не мог избавиться от беспокойных мыслей. Не денег было жалко, нет, жалко было терять добрые отношения. Как же так? Взял сто тысяч, а уверяет, что пятьдесят. Почему он сам не записал или расписку не взял? Хотел, но подумал, мол, как это – у друга расписку брать? А взял бы расписку, дружбу сохранил бы. «Может быть, я ошибся?!» – обнадёжил себя Мареев и стал лихорадочно вспоминать ту встречу, пытаясь найти доказательства своей ошибки. Не получалось. Ясно вспомнилось, как пересчитывал банкноты.

«Пропади пропадом все эти деньги! – Он в сердцах пнул ногой невиновный диван. – Какого чёрта я стал заморачиваться? Сам дурак, надо было Виктору пожертвовать эту сумму, и всего делов-то. Не последние деньги».

А вечером позвонил в Киев Катеринчуку:

– Александр Иванович, ты помнишь, как мы первый раз встретились? Помнишь?

– С чего ты вдруг спрашиваешь? Я-то не забыл. После того знакомства я вскоре с Анфисой развёлся. Не из-за знакомства нашего, конечно. А из-за украденного белого плаща, будь он неладен.

– И кто всё-таки плащ украл? Артист?

– Какой там артист! Через пару месяцев случайно обнаружился странный телефонный звонок на мой до-

машний номер. Коллеги из смежного отдела отслеживали своего клиента, в разработке был. И с какой-то стати звонит мне домой. Я – к Анфисе: что за мужик? С курорта привезла? В общем, выяснил я, что она его к нам в дом и из дома в женском плаще проводила. Для конспирации. Получилось, что зря я накатил на Полетаева. Так вот из-за глупого случая я потерял друга, да и с Анфисой развёлся. Но вывел сперва её на чистую воду. И ты тогда верно ответил мне на экзамене, откуда ветер дует. Ладно, пока, Всеволод Иванович!

– Подожди, подожди. Давай поговорим. Я чего звонил...

Но Катеринчук уже повесил трубку. Мареев долго сидел в комнате, раздумывая.

А потом решительно набрал номер Лучко:

– Витя, ты извини! Незадача тут вышла с этим долгом. У меня нет к тебе никаких претензий. Ты рассчитался со мной полностью.

– Да я и в голову не брал. У Людмилы всё записано. Я знал, что в конце концов разберёшься. Не первый год дружим.

Через несколько дней, перебирая старые бумаги в сейфе, Мареев нашёл конверт с остатками денег, на котором столбиком он вёл учёт расходов. В расходах значился долг Виктора – сто тысяч, отпуск – сто тысяч, подарки в курируемый им детский дом – пятьдесят тысяч. Баланс сошёлся. «Да, ребят нет на хвосте – и никто в розыск не объявлен, а значит, всё нужно забыть», – решил Мареев, и тут же пришли к нему слова молитвы: «...Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...» С лёгким сердцем он пошёл в церковь и поставил свечку за здоровье друзей, в их числе за здоровье Виктора Лучко! Ведь художник, будучи внутри «девятого вала», тоже мог ошибиться.

Прилетают птицы, улетают птицы...

Посвящается Михалису из селения Пиргос

Стяжёлым сердцем Валентина собиралась в дорогу. От Санкт-Петербурга до Старой Руссы ехать чуть больше четырёх часов, а такое чувство – будто на край света уезжаешь. Эти две недели – как навсегда. Только-только мама пошла на поправку после инсульта, стала немного говорить, и, кажется, начал возрождаться вкус к жизни. Надо ей вставать, хоть понемногу ходить. Оставишь её одну, будет лежать с устремлённым в потолок взглядом, иногда что-нибудь вспомнит, и прощай – опять провал. На себя злится, переживает, что стала обузой дочери и её семье.

Валя верила, что мама поправится, ведь сделано всё возможное и невозможное для этого. Хороший врач, дорогие лекарства. И главное – любовь. Да, да! Настоящая любовь к маме, к той, из детства, – красивой и статной. А сейчас она постаревшая, такая беспомощная, что аж сердце щемит.

Из глубины, из золотых дней – волна воспоминаний, как весточка далёкой юности. Рукой подать – местечко Лида в Белоруссии, но как далеко оно! Свой дом, отец-железнодорожник, а мама всё по хозяйству да по хозяйству, занималась детьми. И всегда вкусная еда. На всю жизнь запомнила мамины блины, томлёные щучьи головы в сметанном соусе. Отец с рыбалки приносил много рыбы, а запомнились щучьи головы вкусноты неизъяснимой. Потом, уже взрослой, Валя несколько раз пыталась повторить мамин рецепт, да куда там, не получалось. Муж Михалыч (Валя своего Юру стала вскоре после замужества так звать) смеялся, мол, хочу тёщиных блинов и щучьих

голов по-лидски. Время течёт и течёт себе, не обращая на людей никакого внимания. Следы на земле? Вот новость! Следы – в сердце. Отца уже лет десять как нет. Она улыбнулась, смахнула наворачившуюся слезу. И отчего они так легко выкатываются из её глаз?

Валя постояла на кухне. Надо привести чувства в порядок, чтобы не было заметно слёз. Мама посмотрела на неё испытующе и спросила, с трудом выговаривая:

– ...е-евела?

– Нет, не плакала я. Ты же не одна остаёшься. Света с тобой будет, да и я скоро вернусь.

Света? Света – не конфета, дразнили её в детстве дворовые пацаны. Редкий эгоизм в букете с красотой. И откуда это? Не наследственное же?

Жила-была бабушка по материнской линии Юлия Васильевна – вот уж пример щедрости и благородства. Никогда без подарков не являлась к ним в дом, и слово участливое всегда у неё находилось для других людей. Света же оказалась прижимистой да ещё циничной. Старые вещи никогда не отдаст бедным людям, тем же соседям своим, а отнесёт в скупку, а то и на рынке не постесняется с ними постоять. Нет, не была она такой в детстве. И когда после школы приехала учиться в текстильном институте и жила у них с Михалычем, не была. А вот поработала на разных меховых выставках – и не узнать её. Нет той милой сестрёнки, по которой Валя, помнится, так скучала, когда уехала в Ленинград учиться. А как она ждала, когда Светка окончит школу и приедет к ней! Потом стала замечать, что сестру город портит, душу её коверкает, но ничего поделать с этим не смогла.

Мама подала знак, и Валя нагнулась к ней.

– ...а-а-шш будет ...о-одить?

– Будет, мама, будет она приходить, не волнуйся. Ты уже так хорошо говоришь, нельзя прекращать занятия.

Маша – это логопед, приходит к ним один раз в неделю. Её занятия помогают маме восстановить речь. А та ждёт встречи с улыбочивой докторшей как праздника. Даже любимую кофточку просит надеть к приходу Маши.

А вот и Светка явилась! Пахнущая духами, в когда-то модной, но уже изрядно потёртой норковой шубке. Прошло время поклонников, даривших Светке новые шубы и бриллианты. Ушли красота и молодость, как талая вода. Остались на лице следы ручьёв и потоков в виде морщин и второго подбородка. Но всё равно сестра красива – эти огромные зелёные глаза, полные губы, горделивая осанка ещё, бывает, привлекают мужчин. Стыдобушка берёт – каких?! Кто сам давно истрепался. Новое время – новые женщины: загорелые, с макияжем как на рекламе. Что с того, что Светка пренебрежительно называет их за модную худобу щепками? Как ни называй, а это их время. А её – давно остановилось, да и часы незаведённые ржавеют. От привычки презрительно кривить губы на Светкином лице вспыхнула чужая гримаса со складкой на щеке. Жалко сестрёнку.

– Светуля, что же ты так долго, я уже опаздываю.

– Так надо было ехать. Ничего не случилось бы. Я ведь уже здесь.

– Света, как можно! Мама ждёт тебя. И я хочу со спокойным сердцем уехать. Михалыча ведь нет, не вернулся с дачи, хотя уже должен дома быть.

– Приедет Михалыч, и мы её перевезём ко мне, а сейчас отправляйся, не теряй время.

Не теряй. Сколь его потеряно понапрасну.

Валентина почти не замечала мелькавшие за окном поезда болотистые места с чахлыми берёзками, неприхотливыми ивами, редкими елями да соснами на возвышенностях. Поезд не останавливается на маленьких станциях и полустанках, на неведомых разъездах, а мчит её всё дальше и дальше от матери. Как жизнь человека, так и земля такая же порченная, неузнаваемая. Унылость погоды, печаль, охватившая её, погружали Валентину в хаос предчувствий. Хорошо, что Михалыч к маме навещается. На него всегда можно положиться, он лучше друга, честнее товарища, ближе брата. Подстрахует в случае чего Светку. С той поры как предложили долгожданную путёвку в санаторий, чувство вины не покидало её. Хоте-

ла отказаться, да доктор настоял. И Михалыч тоже, поезжай да поезжай. Сашуня будет приходить с Аней, невесткой. От мыслей о Саше лицо её просветлело, и она заулыбалась. Такой хороший сын, не нарадуется. И Оля, внучка, – славная девчужка. Полноватая немного, но сейчас, пока молоденькая, это её только красит. Как-то спросила внучку:

– Оленька, что-то давно я твоего парня Диму не вижу. Разругались, что ли?

– Да я ему, бабушка, отставку дала. Руки распускать стал.

Валя тогда посмотрела с уважением на Олю, не вдаваясь в суть Диминой отставки.

От мыслей её отвлёк мужской голос. Перед ней сидел мужчина, должно быть, сел в поезд в последние минуты перед отправлением.

– Оттаяла? А то, смотрю, сама не своя. Сидишь, в окно смотришь, а мысли где-то в тревожных даях кувыркаются. А теперь вот заулыбалась.

Немножко дивясь, Валентина посмотрела на говорившего и только теперь заметила на нём подрясник. Не иначе как монах.

– Меня зовут Валентина Ивановна. Вы очень внимательный. Были печальные мысли, были. А потом более приятные воспоминания. У меня всегда всё на лице написано. Так что нетрудно моё настроение разглядеть.

– А ты зови меня отец Дионисий. Служу я в сельской церкви недалеко от Старой Руссы. Приход маленький, но благодостный.

– Впервые вот так близко встречаюсь со священнослужителем. В молодости секретарём комсомола была, в перестройку выжили, а сейчас уж поздно к церкви общаться, наверно?

– К Богу прийти никогда не поздно. Всемиловит Всевышний. Всё понимает, всё видит и всех принимает. А у тебя душа добрая. Сердечная ты, Бог любит таких.

– Чудно вы, отец Дионисий, говорите. Как будто много лет меня знаете.

– Иной раз человека видно с первого взгляда. И куда же ты, матушка, едешь? Живёшь в Старой Руссе? Или в гости? – перевёл разговор отец Дионисий.

И Валентина неожиданно для себя начала рассказывать о себе, о маме, о внучке, о сестре. Говорила, говорила и не могла остановиться. Отец Дионисий время от времени прерывал её своими вопросами, направляя рассказ в нужное русло. Благо дело, в купе никого больше не появилось.

Перед Старой Руссой отец Дионисий, выходя на полустанке, перекрестил её:

– На всё святая воля Божья. Молись, и Спаситель услышит твои молитвы.

Две недели в санатории – как сто лет на воле. Звонила домой почти каждый день. Хотела уехать досрочно, но Михалыч успокаивал и просил закончить лечение. Со Светкой тоже говорила. Расстроило то, что Маша-логопед не стала приезжать на Светкину квартиру. С чего и почему у них так получилось? Маша, сама доброта, позвонила за тридцать земель в санаторий и сказала:

– Валентина Ивановна, не получается мне сейчас вашу матушку Татьяну Юлиановну навещать. Не с руки к Светлане Ивановне ездить. Вот вернётесь, и возобновим занятия.

– Как же так? Мама будет расстраиваться. Она тебя всякий день ждёт, Маша.

– Не могу я сейчас, Валентина Ивановна. Вас дождусь. Да и осталось уже чуть более недели. Не переживайте.

А как не переживать, когда сердце тревожится, словно чует что-то неладное.

За три дня до окончания процедур и переживаний звонок от Михалыча: Света положила маму в больницу! Не выдержала Валя – и домой.

Маму нашла в общей палате лежащей со взглядом, устремлённым в потолок. Тихая и безучастная. Валя присела к ней на краешек кровати, и слёзы брызнули из глаз. Мама оживилась, обрадовалась, стала гладить руку Вали, но говорить не захотела или не смогла. В тот же день, не

оставляя родное сердце на чужой койке ни на час, Валя забрала маму домой.

Постепенно удалось восстановить картину, почему так резко ухудшилось состояние мамы. Как-то вечером Света в спешке подогрела кашу и подала её маме прямо в кастрюле. У Вали всё было не так: она расставляла тарелки, выкладывала вилки, ложки. Для мамы ужин превращался в маленькое действо с разговорами и шутками. Она любила эти минуты и с радостью участвовала в этом спектакле, устроенном дочерью. А у Светы – на тебе кастрюлю, а я побежала. Куда побежала? Разве может быть кто-то важнее, чем мама?

По-всякому Валентина пыталась вернуть маму к прежней жизни, но в сознании старой и больной женщины произошёл какой-то перелом, пропал интерес к еде и к общению. Сколько ни уговаривала Валентина, мать отказывалась кушать, молча отстраняя рукой еду.

Как-то Валя, измученная догадками, жалостными и путаными мыслями, подседа к матери:

– Мама, Маша обещала прийти сегодня вечером. Я погладила твою любимую белую кофточку. Оденешь?

– Не-е-е... – прошептала мать.

– Ты на меня обиделась? За то, что я уехала? – Валя опять не смогла сдержать слёз.

– Не-е-е, – мать погладила её руку, продолжая смотреть в потолок.

– Мама, может, ты на Светку обиделась?

Так, больше Валентина ничего от мамы не добила. Умерла она той же ночью, никого не потревожив и никого не упрекнув перед смертью.

Хоронили Татьяну Юлиановну в Лиде, рядом с могилой мужа, как она и завещала. На похороны из разных мест приехали родственники. Света же, попрощавшись с матерью дома, в Лиду не поехала. Из-за дождя или чего-то ещё.

Когда гроб опускали в могилу, недалеко появилась стая скворцов. Птицы прогуливались по осенней травке. Их было много. Они, не боясь людей, неторопливо сно-

вали, приближаясь к могиле, как будто прилетели про-
 водить душу покойной. Может, птицы явились, чтобы
 унести дух мамы в мир загадочный и никем из людей не
 виданный? А может, то не птицы были, а души предков,
 покоящихся на этом старинном кладбище?

После сороковин по Татьяне Юлиановне Валентина
 поехала в маленькое село под Старой Руссой к отцу Ди-
 онисию, чтобы пройти обряд крещения. Почему она не
 сделала это в Лиде или в Санкт-Петербурге?

Михалыч смастерил сорок скворечников и развесил
 их в лесу вокруг дачного домика. Прилетают птицы, уле-
 тают птицы... И только время течёт безвозвратно.

Содержание

Женщина в паре.....	3
День апельсина.....	13
У синего моря.....	23
Сюрприз от Дженис.....	32
Мой друг Эзопос.....	42
Чудаки на Кипре.....	50
Вечер с Дафной.....	59
Взбалмошная подруга.....	69
Манана – чистая душа.....	80
Магия карминных парусов.....	87
Букет на пляже.....	100
Шатенка из моря.....	103
Виктория Буш и её жизнь (Имя как судьба).....	109
Один день на Кипре.....	120
Человек со злобным лицом.....	127
В горной таверне.....	138
Эфрозини – в подарок.....	146
Карлис.....	153
Злата и её мужчины.....	162
Восход над побережьем Гермасойи.....	173
«Неисповедимы пути Господни...».....	177
Бабушка из Лимассола.....	183
Когда в доме шпыгуны.....	189
Рыжий котяра.....	201
Встреча в ресторане.....	208
Ох уж эти артисты.....	216
Хлястик от макинтоша.....	224
Дульсиня из Киева (Из жизни одинокой женщины).....	236
«Есть на свете вольный ветер...».....	244
Прости меня, Мария!.....	257
Айслу из воскресного сна (Проделки чёрного кота).....	267
А иначе зачем эта жизнь?.. (Картошка от бабушки Марты).....	276
Оскар и его друзья (Гостиница для собак).....	284
Однажды в предгорье Троодос... (За секунду до обрыва).....	291
Стелайос из селения Пиргос.....	298
Мой девятый вал.....	304
Прилетают птицы, улетают птицы.....	312

Литературно-художественное произведение

Александр Иванович Матвеев
ЧУДАКИ НА КИПРЕ
(рассказы)

Литературный консультант – Пётр Редькин

Редактор – Маргарита Полонская

Выпускающий редактор – Анна Баранова

Корректор – Евгения Якимова

Художник (иллюстрации) – Юрий Метельский

Художник (рисунок на обложке, портрет автора) – Михаил Самсонадзе

Компьютерная вёрстка – Татьяна Таранова

Подписано в печать

Формат 84x108/32. Бумага офсетная

Гарнитура Charter.

Усл. п. л. 10. Тираж 500 экз.

Заказ №

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва

ул. Большая Никитская, д. 50/5

тел.: (495) 690–67–19

www.uniki.ru